Литературная мастерская

Т.Гриц, В.Тренин, М.Никитин

СЛОВЕСНОСТЬ И КОММЕРЦИЯ

Книжная лавка А.Ф. Смирдина

Под редакцией В.Б.Шкловского и Б.М.Эйхенбаума

2001

ББК 76.1
Г 82

Оформление серии художника
Т.Иваншиной

Печатается по изданию: Гриц Т, Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина)/ Под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума.– М.: Изд-во «Федерация», 1929.

В большинстве случаев сохранены орфография и пунктуация авторов.

Информационный спонсор – радиостанция «Эхо Москвы»

Гриц Т., Тренин В., Никитин М.

Г 82 Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина) /Под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума. – М.: «Аграф», 2001. – 304 с.

Книга посвящена проблемам литературного быта и является предварительной сводкой фактов, которые до сих пор не сопоставлялись и не оценивались в эволюционном плане Первоначально авторы взяли объектом исследования Эпоху Смирдина, т.е. время, когда в литературном производстве окончательно установились товарные отношения и писатели резко разделились на две группы – профессионалов и дилетантов Но по мере описания Смирдин рассредоточился в исторической эпохе и оказался лишь одним ее звеном. Кроме того, авторы подробно рассматривают литературную и журнальную деятельность отдельных малоисследованных писателей

Книга представит интерес для специалистов, а также для читателей, интересующихся историей литературы и книжного дела

ББК 76.1

ISBN 5-7784-0007-1

© Издательство «Аграф», 2001

От редакции

Авторы этой книги не предполагают вовсе, что так называемый литературный быт (термин Б.М. Эйхенбаума) является первопричиной литературной эволюции. Но они считают, что анализ литературного быта может дать нам материал для анализа изменения функций литературы в разное время.

Понятия: «писатель», «автор», «сочинитель» нуждаются в уточнении. Пересмотру подлежит прежде всего объем этих понятий и отношение канонизированной литературы к литературе неканонизированной.

Понятия: «творчество», «литературный труд» тоже все время изменяются, и некоторые следы подобных изменений мы видим в гонорарных книгах Смирдина.

Как текучее понятие стремится укрепиться в слове, так литературная эволюция тяготеет к фамилиям, к условным знакам, создавая этим легенды.

Цель книги — рассредоточить Смирдина Отделить сложный факт появления профессионального писателя от «новоселья» в лавке на Невском.

Ценным в книге моментом является намечающаяся связь Смирдина с так называемой лубочной литературой. Под этим углом зрения Смирдин становится понятным, и его биография социологизируется.

Новый класс перенанял руками Смирдина писателей, не создав для них новые условия труда, а распространив уже выработанные для своей литературы нормы.

Одновременно мы видим вместо переворота в литературе вытеснение одного течения другим и понимаем причины такого вытеснения.

Большое место в книге занял досмирдинский период. Это произошло потому, что понадобилось разрушать легенду о чисто дворянской литературе екатерининского времени.

Необходимость вводить новые материалы, собирать их сузила пределы анализа в книге. Труд является, таким образом, предварительным. Но уже в нем удалось избегнуть психологизма и биографизма.

Виктор Шкловский

Предисловие

Эволюция современной науки о литературе поставила на очередь ряд вопросов о соотношении литературы с ближайшими социально-бытовыми рядами.

Впервые эти вопросы были эскизно намечены в книге Виктора Борисовича *Шкловского* «Третья фабрика» (М., 1926).

В 1927 году появилась в № 9 журнала «На литературном посту» принципиальная статья Бориса Михайловича Эйхенбаума «Литература и литературный быт» и в № 5 журнала «Звезда» — его же статья «Литература и писатель», в которой тезисы о литературном быте были развернуты на конкретном материале, главным образом на материале так называемого пушкинского периода и эпохи некрасовского «Современника».

К этому же времени относится статья Юрия Николаевича Тынянова «Вопросы литературной эволюции» («На литературном посту», 1927, № 10), где впервые четко поставлены сложные проблемы литературной личности, экспансии литературы в быт и диалектики жанров.

Наша работа идет по намеченной представителями ОПОЯЗа линии изучения проблем литературного быта и является предварительной сводкой фактов, которые до сих пор не сопоставлялись и не оценивались в эволюционном плане.

Литературный быт представляет собой геометрическое место точек пересечения вопросов эволюции и генезиса. Построение действительно научной истории литературы, как динамической системы литературной эволюции, невозможно без разрешения проблем литературного быта и в первую очередь вопроса о положении писателя.

Несомненно, что в определенные периоды положение или (пользуясь термином Пушкина) состояние писателя оказывает активное воздействие на самый литературный ряд.

Здесь мы видим такое же явление, как и в вопросе о биографии писателя. В жанровые и стилевые системы одних писателей их личная биография может, при известных условиях, войти как активный фактор и создать «литературную личность». И в то же время существуют писатели без литературной личности, писатели, биография которых не становится литературным фактом (см. указанную статью Ю.Н. Тынянова).

Поэтому в вопросе о соотношении положения писателя с процессом литературной эволюции нельзя искать постоянных каузальных связей. Эволюционная функция элементов литературного быта неравнозначна в разные эпохи, и, например, писательский дилетантизм, регрессивный для литературы конца XVIII века, сделался литературно-прогрессивным моментом во второй половине XIX века (Лев Толстой).

Цель нашей работы в том, чтобы ввести в светлое поле научного сознания новый материал и расчленить сложные понятия профессионализации писателя и социального заказа. Поэтому первоначально мы взяли объектом исследования эпоху Смирдина, т. е. ту эпоху, когда в литературном производстве окончательно установились товарные отношения и писатели резко разделились на две группы — профессионалов и дилетантов.

Но так как Смирдин был взят нами диалектически, в процессе развития литературы и книжной торговли, то в дальнейших стадиях нашей работы Смирдин рассредоточился по эпохе и оказался одним из звеньев исторической цепи.

Выяснилось, что издательская генеалогия А.Ф. Смирдина восходит к многочисленным, вышедшим из купеческого сословия издателям журналов и лубочных книг XVIII века.

Таким образом, превращение русской литературы в «отрасль промышленности» стало понятным, как дело нового растущего класса, и естественно связалось с общей экономикой изучаемой эпохи.

Термин «лубочная литература» в нашем анализе отчасти утратил свое отрицательное оценочное значение. Лубочная литература представляет собой очень сложное и мало исследованное явление. Важно отметить, что некоторые книги, ставшие впоследствии лубочными, т. е. превратившиеся в массовую продукцию и выпавшие из процесса литературной эволюции, первоначально имели прогрессивное значение, так как именно они стимулировали развитие русской прозы.

Также оказалось необходимым дифференцировать и уточнить слишком широкое понятие писателя, в частности писателя-профессионала. В объем этого понятия в равной мере входят поэты, беллетристы, журналисты и переводчики, между тем как различные категории писательской профессии играют неодинаковую роль в направлении литературной эволюции. Этим объясняется сравнительно большое место, занятое в нашей работе переводчиками и компиляторами XVIII века.

При рассмотрении литературной продукции, как товара функционирующего на книжном рынке, перед нами, естественно, встал вопрос о специфической потребительной ценности этого товара, о жанрах, которые наиболее поглощались рынком. Поэтому нами обращено внимание на неканонизированные жанры (лубочная литература) и на отдельные литературные факты (конструкция журналов и альманахов), которые до сих пор не рассматривались современными исследователями за исключением Виктора

Борисовича Шкловского (см. его статью «Журнал как литературная форма» в книге «Гамбургский счет». Л., 1928).

Кроме того, мы несколько подробнее остановились на литературной и журнальной деятельности отдельных малоисследованных писателей, характерных для литературного быта в разные эпохи. Так, в XVIII веке нами отмечены Барков и Эмин, и в первой половине XIX века — Сенковский.

В заключение мы должны принести благодарность О.М. Брику, проф. П.К. Симони, проф. И.Н. Розанову и проф. М.А. Цявловскому, давшим нам ценные указания.

Считаем также своим долгом выразить глубокую признательность всем лицам, оказавшим нам непосредственное содействие в нашей работе: М.В. Бабенчикову, Е.В. Благовещенской, А.А. Бохоновой, О.И. Гребнер и В.М. Лобанову.

Авторы

Глава I

Литературный рынок до Смирдина и лубочная литература

Традиционное мнение о непосредственном влиянии двора на литературу не оправдывается при диалектическом подходе к историко-литературным фактам.

Изучение воздействия двора и правительства на литературу подменяет историю литературы историей цензуры.

Литература и правительство являются следствием экономического развития общества.

Поэтому неправильно изучение вкуса придворного заказчика, изолированное от самой литературы. Как известно, в одну и ту же литературную эпоху одновременно существуют и борются несколько литературных направлений.

Между литературой, зависящей от двора и меценатов, и литературой, потребляемой широким (низким) читателем, не было такого провала, как это представляют себе литературоведы старого направления.

Субъективное представление о том, что Смирдин начал собой товарный период в литературе, неверно.

К концу XVIII века мы уже имеем рынок и профессионального писателя.

Такими крупными профессиональными писателями второй половины XVIII века являются Ф. Эмин, редактор сатирических журналов «Адская почта» и «Смесь», Матвей Комаров и А.Т. Болотов, редактор журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин», издававшихся Новиковым.

Широким потреблением пользовалась переводная и лубочная литература, и особенно лубочные романы Матвея Комарова (см. об этом в книге Виктора Борисовича Шкловского «Матвей Комаров — московский житель»).

Термин «лубочный», по определению очень многих авторов, писавших о лубочных картинках, происходит от слова «луб», т. е. липовая кора, а также липовое дерево, на которых и резали первые народные картинки.

«Народные картинки наши производились двумя способами: или резались *обронно* на липовых и оловянных досках для печатания на простом типографском станке, или же гравировались на медных досках вглубь, посредством грабштихеля (резца) и крепкой водки» (Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881, с. 1—2).

Как известно, лубочные картинки пользовались огромной популярностью, и покупали их представители почти всех классов.

«...Кто из московских жителей не знает простонародных изображений, или *лубочных картинок*, которыми прежде украшалась ограда Казанской и которые заменяют у простолюдина *картинные галереи и словесность*, потому что в них словесные описания соединены с изображениями происшествий истинных или вымышленных, предметов иносказательных или подлинных, которые, рисуясь воображению и красками и словами, сильно и надолго впечатляются, управляя мнением» (Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Ч. IV, М., 1824, ст. «О простонародных изображениях», с. 120).

Генезис лубочных картинок объясняется в той же статье следующим образом:

«Интересно происхождение отдельных видов лубочных картинок. Петр I поставил в петербургском Летнем саду фигуры из олова и свинца, изображающие Езоповы притчи. На досках были написаны тексты басен. Эта затея пользовалась большим успехом.

...Езоповы притчи, напечатанные в Москве 1712 г. в 12-ю долю листа с рисунками, довольно искусно отработанными, потом перешли в лубочные картины и сделались собственностью народа» (Ibid., с. 123).

Лубочные картины всегда сопровождались текстами и заменяли народу словесность. Производство лубочных картинок надо отнести к самому раннему периоду работы на рынок.

«Уже в царствование Екатерины I при Академии наук заведена исправнейшая *фигурная типография*. Василий Киприанов, издавший в Москве многие ландкарты, напечатал деревянными досками славный в народе *Брюсов календарь* 1709 года — и с тех пор искусство гравирования на дереве и меди сделалось в древней столице промыслом многих частных людей, которые и доселе имеют фабрики для гравирования и печатания картинок, слывущих *лубочными* по грубости работы и *суздальскими* по разносчикам оных, большей частью суздалян» (Ibid., с. 126).

Так как на лубочные картинки был значительный спрос, то производство их вскоре повысилось. Ровинский пишет, что «во второй половине XVIII века доски для народных картинок по большей части резали серебряники, жившие в подмосковном селе Измайловс, а печатали с них на фигурных станках в Москве, у Спаса во Спасской, на большой фигурной фабрике купца Ахметьева, которая славилась своими произведениями более 50 лет; на этой фабрике, кроме новых картинок, печаталось много старых досок, в том числе четыре доски из шестилистового Брюсова календаря, глобусы и другие доски петровского времени, а равным образом и доски Зубовых и Нехорошевского; печатание производилось у Ахметьева на 20 станках. Кроме ахметьев-

ской фабрики, печатавшей с медных досок, в Москве существовала с XVIII века другая фабрика, специально печатавшая народные картинки, резанные на дереве; имя владельца этой фабрики неизвестно» (Ровинский. Русские народные картинки, с. 13).

Для торговли лубочными картинками существовали определенные, так сказать, канонизованные места.

Во многих источниках упоминаются Спасские ворота.

Приведем цитату из Ровинского:

«Продажа лубочных картинок производилась в городе в Овощном ряду, откуда они покупались неоднократно и для царского обихода, а главное — у Спасских ворот, в этом народном толкучем клубе, под чистым небом, где с утра до ночи толкался всякий люд, кто с товарами, кто с вестями[1]» (Ibid., с. 25).

Спасские ворота, очевидно, играли для купеческого и так называемого низкого читателя ту же роль, что для дворянского и аристократического «литературный салон».

Производство лубочных картинок постепенно расширялось не только в Москве, но и в других городах, так как занятие это было выгодное.

Особенно пользовались успехом лубочные картинки типографии Ахметьевых, удовлетворявшие вкусам широкого потребителя. Род Ахметьевых содержал лубочную типографию около 70 лет. Об этом у многих авторов неоднократно упоминается.

«...Одна из известных в Москве фигурных фабрик для печатания листов есть купцов *Ахметьевых:* в роде сих промышленников она существует более полувека и взята была в приданое свекром купчихи Т.А. Ахметьевой, которая и доныне содержит сие заведение с сыном своим. Кроме сего, в древней столице есть еще четыре фигурных фабрики; из них выходят картинки лубочные, кои сперва вырезывались на дереве и печатались накатом, а теперь на меди и оттискиваются

[1] Тут же стояли и попы без мест, нанимавшиеся служить обедню; они расхаживали с калачом в руке, торговались с нанимателями и для большего убеждения их выкрикивали свое «смотри закупу», т е. давай, что прошу, не то отведаю калача и тогда обедни служить будет некому

в особых станках; раскрашиваются, большей частью по деревням, четырьмя первоначальными красками, коими ярко живописуются приятности рая и ужасы ада.

Местом продажи сих говорящих листов был прежде *Спасский мост.* От Спасского моста народная картинная галерея переведена к *ограде Казанской*, откуда после изгнания врагов помещена в Холщовом ряду и у Москворецкого моста в воротах Мытного двора» (Труды Общества любителей российской словесности при Моск. ун-те. М., 1824, с. 128—129).

Автор статьи, приписываемой Снегиреву, также указывает на тот момент, что, кроме оживленной продажи раскрашенных лубочных картинок, здесь именно *собиралась* та часть публики, которая являлась потребителем и заказчиком.

Лубочные картинки раскупались не только жителями столиц и крупных городов, но и шли в отдельные провинции.

«Близ Сухаревой башни, сооруженной первым императором, были в старину Стрелецкие слободы, а приходскою их церковью *Живоначальная Св. Троица на листах*, названная так потому, что у ограды ее продавались *листы раскрашенные*, кои печатались *у Успения в Печатниках*, на Сретенке. В последствии времени сии листы продавались у Спасского моста, близ старого бастиона, а оттуда были перенесены к ограде Казанской, около которой собирались досужие зевать и толковать о былях и небылицах; там-то иногда русский чичероне, в кругу ротозеев, с важным видом разглаживая себе окладистую бороду, рассуждал о преставлении света и, толкуя *погребение кота казанского, уроженца астраханского с разумом сибирским*, напоминал об 1725 годе. Теперь сии тисненые *были* и *небылицы* продаются в московском Холщевом ряду и в других местах. Они расходятся по всей России; их развозят по всем ярманкам и деревням, носят по улицам обеих столиц» (Отечественные Записки. Ч. 20, СПб., 1820, с. 95—96).

Несколько слов о потребителе.

Необходимо заметить, что лубочные картинки с надписями, а впоследствии уже и с текстами для многих вполне заменяли книгу.

Некоторые картинки служили только для украшения общественных мест. Так, например, Эзоповы басни печатались в лицах со времени царя Алексея Михайловича. По свидетельству автора статьи «Русская народная галерея, или Лубочные картинки», ими некогда был украшен придворный сад в Москве.

Лубочные картинки более позднего времени имели большой тираж и представляли собой своего рода массовую литературную продукцию.

«...Продажа картинок гуртом производилась на самых фабриках; здесь закупали их владимирские офени тысячами и затем развозили и разносили их в лубочных коробах по всей России. Впоследствии московские заводчики стали производить свой товар сами на знаменитые ярманки в село Холуй, которых там в году бывает пять (одних гуртовых).

...Относительно назначения народных летучих картинок в древнем обиходе замечу, что картинки эти обращены были прежде всего на удовлетворение любознательности читавшего лица. Хотя печать и заменила рукопись, но так как в первое время печатались одни духовные книги, а в *обществе все более и более развивалась охота к чтению сочинений светских, то сочинения эти, оставаясь по-прежнему в рукописи, переписывались несчетное число раз в виде сборников, причем в рукописи с рисунками, вместо копирования сих последних, стали вклеивать нарочно изготовленные на этот случай летучие гравюры*» (Ровинский. Русские народные картинки, с. 26, курсив наш).

Было бы чрезвычайно любопытно проследить эволюцию потребителя от лубочной картинки и рукописного сборника до романов Матвея Комарова.

Темы и названия лубочных картинок были следующего характера (мы приводим из них наиболее выразительные): Страшный суд, война Македонского Александра с индейским Поро, осада Очакова и Измаила и др.; карикатурные и сатирические картинки: Шемякин суд, сказка о Ерше Ершовиче и др.

Сюжеты и темы популярных лубочных картинок переходили потом в письменную литературу. А навыки лубочной литературы перешли в высокую литературу.

Об этом пишет еще в 70-х годах XVIII века Чулков, редактор журнала «И то и сио».

В журнале «И то и сио» помещена сказка, мотивированная как рассказ «отставного приказного служителя».

О рассказчике говорится следующее:

«...По прекращении приказной службы кормит он голову свою переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как-то например: Бову Королевича, Петра Златых Ключей, Еруслана Лазаревича, о Францыле Венециянине, о Герионе, о Евдоне и Берасе, о Арзасе и Размире, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве, о Барбосе-разбойнике и прочие весьма полезные истории, и *сказывал он мне, что уже сорок раз переписал историю Бовы Королевича, ибо на оную бывает больше походу, нежели на другие такие драматические сочинения,* и из оных научася, сказал он мне, и сие приключение, а от ково он ево слышал, о том я неизвестен, и из какова она автора, и тово не знаю» («И то и сио», 1769, март, 9-я неделя, курсив наш).

Очень любопытно отметить, что многие сказки, пользовавшиеся у массового читателя успехом, являются, по большей части, заимствованными из немецких, французских или итальянских сказок.

«Что же касается до сказки Петр Златые Ключи, то она есть отрывок из истории о Петре Прованском, о котором Сервантес говорит в Дон-Кихоте. В Мадридском арсенале показывают тот золотой ключ, коим Петр Прованский заводил своего деревянного коня. Имя этого витязя известно на Руси не только в сказке, но и по урочищу в Саратовской губернии: Петр златые ключи» (Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, с. 109).

Здесь мы сталкиваемся с вопросом об интервенции иностранной сказки.

Интересно, как сказка наполнялась бытовым материалом?

Особенно это важно проследить на сказках сатирических.

Наибольшей популярностью из сказок пользовались сказки «О царе Иване и Царь-птице», «О Петре златых ключах», выдержавшей огромное количество изданий, «О Бове Королевиче», «О купеческой жене и приказчике», «О Силе Царевиче и Ивашке Белой Рубашке», «О семи Симеонах, родных братьях» и некоторые другие.

Сказанное нами относительно интервенции иностранной сказки можно применить также и к лубочному роману.

Лубочные картинки собраны в отдельные тома и уже стали фактом эстетическим.

А между тем лубочная литература до сих пор несправедливо замалчивалась и замалчивается всеми литературоведами.

То, что уже ясно, например, для немецкого ученого Л. Шюккинга, — вопрос о необходимости изучения социального заказчика и массового потребителя-читателя, то не является предметом исследования для современных русских социологов (см. кн.: Л. Шюккинг «Социология литературного вкуса», под ред. и с предисл. проф. В.М. Жирмунского. Л., Изд-во «Academia», 1928).

Volksb cher, livres populaires — народная, в тесном смысле — популярная, литература.

Под термином «лубочная литература» обычно понималась литература, не удовлетворяющая эстетическим вкусам известного круга читателей и служащая, прежде всего, для массового потребителя.

Переводный роман XVIII века перешел в лубочную литературу. В некоторых случаях произошло *переключение из одного жанра в другой.*

Так рыцарские романы «Евдон и Берас», «Арзас и Размира» перешли в лубочный роман второй половины XVIII века.

Очень распространены в лубочных изданиях «Египетский Царевич Помидион», «Гуак, или Непреоборимая верность», а также и «Францыль Венециан».

К распространенным переводным романам начала XVIII века принадлежит, например, «История Ипполита и Жулии» («Histoire d'Hippolyte»).

Это — роман сентиментального характера. Один из эпизодов этого романа перешел в совершенно самостоятельную лубочную «Историю об Адольфе, принце Лапландийском, и об острове вечного веселия».

Оригинальный лубочный роман часто оказывался построенным на иностранном материале. В лубочном романе важно выяснить, наряду с усваиванием литературных приемов, степень усваиваемости собственного бытового материала. Здесь мы лубочную литературу берем как массовую продукцию и связываем с вопросом о потребителе, а вместе с тем и об обслуживающем рынок лубочном писателе. Поэтому в изучение массовой продукции должны войти не только известные лубочные романы, но и дешевые календари, сонники, песенники, письмовники и гадательные книги.

Так, во Франции первое место в лубочной литературе занимали дешевые (простонародные) календари, письмовники, сонники и пр. Например, письмовники и романы «Amadis», «Jean de Paris», «Robert le Diable».

Из сонников и книг по магии выделяется своим названием книга «Le veritable Dragon rouge, suivi de Poule noire» («Истинный Красный Дракон, а также Черная Курица». — *Ред.*)

Во второй половине XVIII века в Москве появился первый лубочный писатель — Матвей Комаров. Сказки и лубочные романы до второй половины XVIII века ходили в рукописях. Переписывались подьячими и продавались у тех же Спасских ворот, где раньше продавались и лубочные картинки. Первым лубочным издателем является Федоров. Им были изданы сначала на отдельных больших листах с картинками популярные сказки: О Бове, Еруслане, Францыле, Гуаке, Петре Златые Ключи и др. Затем Федоров снова издал их, но уже отдельными книжками.

Так постепенно вырастали лубочный роман и повесть, изменяясь во времени и пространстве. Мы здесь имеем в виду изменение текста, которое происходило в произведении с каждым новым изданием.

В сказки, позже отдельно изданные Федоровым обычным книжным, лубочным форматом, вошли те же картинки.

А как известно, лубочные романы выдерживали иногда по десятку и больше изданий.

Так, например, книга Матвея Комарова «Английский милорд Георг» выдержала больше тридцати изданий.

Белинский с удивлением пишет о том, что «Милорд Георг» выдерживает одно издание за другим.

«Вот уже, кажется, это третье издание, третье 1837 года, на котором на обороте заглавного листка, под цензурным одобрением, стоит уведомление: "Печатано с издания 1834 года без исправления".

И издание 1839 года *девятое*.

Когда же было первое издание? В каталоге Логинова "История Картуша" означена 1794 годом, следовательно, *сорок четыре года* назад; к тому же времени должен относиться и "Английский милорд"?» (Полн. собр. соч. В.Г. Белинского, под ред. С.А. Венгерова, т. IV, 1901).

Все эти героические и славные истории пользовались особенным успехом в купеческой и мещанской среде.

По свидетельству Свиньина (редактора «Отечественных записок»), «все знания нянюшек, матушек и кормилиц черпаются из лубочных картинок и книжек» («Отечественные записки», изд. П. Свиньиным. СПб., 1822, с. 97).

Итак, массовый читатель-потребитель существовал. Это был читатель из купечества и мещанства.

Большинство книгоиздателей и книгопродавцев, конечно, пользовались успехом лубочной литературы в целях наживы. Для нас здесь любопытен тот факт, что не только лубочные романы, но и вообще русская книга того времени ориентировалась на переводный роман.

Названия некоторых уже *вышедших* книг переделывались издателями по типу какого-нибудь иностранного романа, пользовавшегося коммерческим успехом.

«В книжной нашей торговле, — пишет об этом Сопиков, — недавно появилось некоторое непохвальное ремесло, возбуждающее общее негодование читателей. Оно состоит в легком способе: старые книги превращать в новые и из одной вдруг делать две, а именно к старой книге припечатывать сов-

сем новое, с другим годом название» (Сопиков. Опыт российской библиографии. Ч. II., с. IV).

Для иллюстрации мы приводим примеры:

Прежние названия книги	*Новые*
«Библиотечка (ручная) для молодых людей». М.,1805	Собрание (новое) трогательных повествований. М., 1810
«Благодеяния Морфея». М.,1784	«Щастие во сне». М., Без означ. года
«Гусман д'Алфараш». 4 ч. М., 1804	«Шалости забавного Гусмана»
«Килярное озеро». СПб., 1807	«Роза, или Подкинутое дитя». М., 1812
«Паша, или Удары случая н фортуны». М., 1803	«Ложный похититель царской власти». М., 1807
«Свойства дружества». М.,1775	«Зеркало, открытое для всех». М., 1775
«Эрата Российская». 3 ч. СПб., 1792 г.	«Песенник всеобщий российский». 4 ч. СПб., 1805 К трем частям прибавлена четвертая часть.

(Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1814, с. IV, V.)

Некоторые переводные романы жили, так сказать, сразу в двух жанрах.

Например, «Маркиз Глаголь» аббата Прево в переводе Елагина («Приключение маркиза Г., или Жизнь благородного человека, оставившего свет», соч. аббата Прево, пер. с фр. И. Елагина и Вл. Лукина, 6 ч., СПб., 1756—1764 гг.) перешел в лубочную литературу и стал чтением лакеев.

У И.А. Крылова в комедию «Урок дочкам» «Маркиз Г.» дан в лакейской.

Персонажи Крылова (лакеи) присваивают себе имя любимого романа:

Даша. «Кроме похождения маркиза Глаголя, которого 3-й том у меня в сундуке валяется, я ни одного маркиза не знаю» (*из примечания*... В просторечье маркиз Г. назывался Глаголем).

Отдельный же эпизод романа «Манон Леско» продолжал жить в высокой литературе. Казалось бы, что надо было ждать обратного, т. е. широкая публика усваивает отдельный кусок романа, но в целом ей роман недоступен.

Переводный роман в истории нашей литературы должен изучаться наряду с оригинальными произведениями. Без уяснения усваиваемости иностранного романа нельзя объяснить многих историко-литературных фактов.

До сих пор еще не изучена поэтика переводных романов, не изучена деформация оригинала в переводе и причины, эту деформацию вызвавшие.

Большинство оригинальных лубочных романов является только удачной переделкой иностранного романа с вводом русского материала.

На рынке же переводный роман очень долгое время являлся не только конкурентом русской книги, но вообще ее вытеснял.

Замечательная характеристика иностранного книжного рынка, сделанная К. Батюшковым, показывает нам, что к началу XIX века уже произошла профессионализация и стабилизация книжного рынка.

«...Мы видим перед собой, — пишет К. Батюшков, — иностранные книжные лавки. Их множество, и ни одной нельзя назвать богатою по сравнению с петербургскими, но зато есть мадам Жанлис и мадам Севинье, два катехизиса молодых девушек и целая груда французских романов... *Их беспрестанно раскупают и в Москве, ибо наши модницы не уступают парижским в благочестии и с жадностью читают глупые и скучные переводы...*» («Прогулка по Москве». //Полн. собр. соч. К. Батюшкова. Т. II. СПб., 1885, с. 24, курсив наш).

Развитие литературы и книжного рынка пошло совсем не по тому пути, который предлагал К. Батюшков.

При коммерческом успехе переводного романа на книжном рынке книгоиздателю и книгопродавцу требовался переводчик, который бы его и обслуживал.

В истории литературного гонорара труд переводчиков, как профессиональных работников, начал оплачиваться раньше всех.

Профессиональный писатель, вышедший из лубочной литературы, работал на рынок.

Как мы видим, товарные отношения не только существовали между издателем-книгопродавцем и литературными работниками, поставляющими свой товар на рынок, но к концу XVIII века успели стать коммерческой традицией.

Ко времени Смирдина навыки, приобретенные в торговле лубочной и массовой литературой, были перенесены на литературу высокую.

Полистная оплата литературного труда на рынке была установлена почти для всех родов литературы.

К. Батюшков, например, указывает на фабрику переводов и фабрику романов. Он пишет, что *«кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и проч., без всяких сведений о словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов, фабрика романов и что книжные торгаши покупают ученый товар, т. е. переводы и сочинения на вес, приговаривая бедным авторам: не качество, а количество, не слог, а число листов»* (относится к 10-м годам XIX века) («Прогулка по Москве» //Полн. собр. соч. К. Батюшкова. Т. II. СПб., 1885, с. 24, курсив наш).

Благодаря успеху книжной торговли, быстро рос и профессиональный писатель.

Ровно через 10 лет после Батюшкова Пушкин писал в письме к Гречу:

«Хотел было я прислать вам отрывок из моего «Кавказского пленника», да лень переписывать, — хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы, длиною в 800 стихов; стих шириною 4 стопы — разрезано на две песни; дешево отдам, чтоб товар не залежался. Кишинев. 21 сентября 1821 года» (см. Собр. соч. А.С. Пушкина, изд. Академии наук, Перепис-

ка, под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. I (1815—1826). СПб., 1906).

То, что было сказано Пушкиным несколько в шутливом тоне, позже стало литературно-бытовым явлением.

В начале XIX века на книжном рынке по-прежнему пользовались успехом переводный и лубочный романы.

Но *товарность* книги уже значительно *расширилась за пределы сонников и песенников,* хотя массовый читатель до сих пор остается потребителем этой продукции.

В продолжение первого и второго десятилетия XIX века и даже значительно позже лубочная и переводная литература заполняла почти весь рынок.

К. Ш-в рассказывает, в каком привилегированном положении находились переводчики и компиляторы перед оригинальными писателями:

«*Между тем является дурной переводчик дурного романа, или отважный собиратель формулярных списков и газетных реляций, сточенных на живую нитку и пространно надписанных: жизнь и проч. и проч. такого-то; поход* и проч. и проч. такого-то, и наш литературный *оценщик* выдает награду за *труды* и *таланты*... Михаил Матвеевич Херасков сказал: «Писать нет никакой прибыли. Нет никакой прибыли писать в таком государстве, которого правительство усиливается распространять просвещение... Кого винить по справедливости: книгопродавцев или публику?» (К. Ш-в. Дополнение к истории нашей книжной торговли //«Вестник Европы», 1815, февраль, № 4, с. 303—307).

Для книгопродавца книга в первую очередь должна была быть товаром.

Поэтому книгопродавцы, надеясь на верный успех лубочных и переводных романов, именно этот товар и пускали на рынок.

А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» пишет:

«Печатные промышленники тискали вторым и третьим изданием сонники и разбойничьи романы для домашнего обихода в провинциях» (см.: «Полярная звезда», 1824).

Лубочные и переводные романы являлись серьезными конкурентами высокой литературной продукции. Поэтому писатели так ожесточенно и нападали на лубочную литературу.

С одной стороны, нападки писателей на переводчиков и компиляторов были справедливы. Работая на срок, при низкой квалификации, переводчики и компиляторы, естественно, халтурили.

Другое дело, когда книгопродавец ради прибыли выпускает вторым или третьим изданием сонники или песенники. Конечно, всегда в наличии имеется известный потребитель, которому необходимы эти песенники и сонники.

Как раз на низкий уровень квалификации переводчиков и указывается в «Литературных листках».

«...*Кто же наводняет ярмарки и книжные лавки множеством переводов ужасных немецких романов, песенников, сонников, гадательных книжек или так называемых исправленных переводов старых книг, в которых не обращается никакого внимания на успехи языка, на очищение и обогащение словесности?*» (Ответ молодого книгопродавца старому книгопродавцу// «Литературные листки», 1824, № 1, с. 421).

Но презрительное отношение к лубочной литературе установилось надолго. Тут, конечно, дело не только в очищении русского языка от влияния иностранного, хотя это тоже было закономерным явлением.

Архаист Шишков проговаривается:

«Вольтеры, Жан Жаки, Корнели, Расины не научат нас писать по-русски. Выуча всех их наизусть и не прочитав ни одной своей книги, *мы в красноречии на русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича*» (А. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, изд. 2-е. СПб., 1818, в типографии Плавильщикова, с. 8, курсив наш).

Боязнь писать хуже Бовы Королевича, вот что угнетало многих писателей. Большинство действительно писало хуже.

Но это не мешало презирать эту литературу, так как она была предназначена для другого потребителя.

Мы уже приводили известное место из Батюшкова, где он говорит о фабрике романов и переводов.

О широком распространении лубочной и переводной литературы позже Батюшкова (в 1823 году) писал Фаддей Булгарин в своем журнале «Северный Архив».

В начале своей статьи Булгарин повторяет обычные в то время упреки дворянам за увлечение французской литературой в подлиннике, а потом говорит:

«Если бы, напротив того, люди высшего сословия читали на отечественном языке или, по крайней мере, покупали русские книги, то, без всякого сомнения, и число хороших писателей увеличилось по мере внимания к ним соотечественников. Сие поощрение произведет не менее важную пользу: дешевость русских книг, ибо авторы не будут тогда налагать подати на малое число любителей и покупщиков, чтобы заплатить свои типографские издержки. Тогда и наши книгопродавцы перестанут быть одними лишь продавцами и *вместо сонников, песенников и дурных переводов немецких ужасных романов станут печатать и издавать полезные книги* и вести торговлю по образцу иностранной, а не по одним комиссиям» (Ф. Булгарин. Краткое обозрение русской литературы за 1822 г. //«Северный архив», 1823, март, № 5, с. 377—422).

Что же это были за песенники и сонники, о которых писал даже в 30-х годах Пушкин в известном письме к Бенкендорфу:

«Десять лет тому назад литературой занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности».

Эта цитата общеизвестная.

Но дальше Пушкин повторил то, что Булгарин и другие высказывали гораздо раньше его:

«*Читателей еще было мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатыванием*

сонников и песенников» (см. Письмо к Бенкендорфу 1831 г., //Переписка Пушкина).

Наряду с оригинальными лубочными романами необходимо анализировать и календари, песенники, сонники, так как они являются частью этой литературы.

Здесь мы приводим названия книг, выдержавших по нескольку изданий.

Это типичные массовые книги:

1. «Солдатский песенник», 1791 (продается в Туле, Калуге, Орле).

2. «Повести Вильгельма Извозчика». Перевод с французского.

3. «Подлинное описание жизни Картуша».

4. «Книжка для препровождения времени с пользою, приятностью и удовольствием, или Способ прогонять скуку». СПб., Гос. акад. наук, 1794.

5. «Полный письмовник, или Всеобщий секретарь, показывающий легкое и достаточное руководство к сочинению всякого рода употребительных писем и пр., 2 части, изд. 2-е, М., тип. Семена, 1828, 7 руб.

6. «Новейший полный и подробный письмовник, или Всеобщий секретарь», в 4 частях, изд. 3-е, М., 1829, 10 р.

7. «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов», соч. Коттена, перевод с французского, изд. 4-е, 6 ч., 1828, 15 руб.

Массовым потреблением пользовалась еще мистическая литература, у которой был свой социальный заказчик и потребитель.

«В начале этого столетия, — пишет в своих воспоминаниях книгопродавец Н.Г. Овсянников, — господствовала, кроме того, мистическая литература: требовались и раскупались Сионский Вестник, сочинения г-жи Гион, Эккартсгаузена, Победная повесть, Ключ к таинствам Натуры, Торжество Евангелия и др.

В то же время господствовали переводы книг с иностранных языков, издавались романы: сначала Радклиф, Дюкре-Дюмениля, Коцебу и др.» (Н.Г. Овсянников. Вос-

поминания старого книгопродавца. *Материалы* для истории *русской книжной торговли*. С. 5).

Об успехе романов Анны Радклиф, особенно о «Таинствах Удольфских», писали во всех журналах того времени.

«В многочисленных семействах томы сего романа переходили из рук в руки; нетерпеливые чтецы вырывали их друг у друга, и повсеместные жалобы на остановки в нужных делах, причиненные сею книгою, служили общею данью, приносимые гению сочинительницы» (см. «Сын Отечества», 1826, с. 105).

Не меньшим успехом пользовался роман «Лес, или Сент-Клерское аббатство». М., 1801—1802, изд. 2-е. Смоленск; 1811, 3-е изд. Орел.

Интересно, что фамилия Радклиф окрашивала собой весь жанр «ужасных» романов, и сплошь и рядом появлялись романы, приписанные Радклиф, но ей не принадлежащие.

Из всех вышеприведенных фактов (см. особенно К. Ш-в, «Дополнение к истории нашей книжной торговли». С. 1) можно заключить, что определенные жанры заказывались книгопродавцам и жили потому, что у них был потребитель.

Наряду с развитием книжной торговли и расширением товарности книги шло и развитие журналистики.

В письме к издателю журнала «Московский зритель» И.И. Дмитриев подчеркивает момент роста журналистики:

«Ныне трудно быть журналистом: вкус очистился более, суждение стало разборчивее, взыскательнее; сколько выходит журналов здесь и в Петербурге».

В том же письме И.И. Дмитриев указывает на необходимость печатать оригинальные российские сочинения.

Письмо к издателю журнала «Московский зритель»:

«*Мне хотелось бы видеть в нем более подлинников, чем переводов, более местного;* хотелось бы, чтоб издатель его, как ревностный патриот, с пламенным сердцем и смелою рукою принялся за перо единственно для пользы земляков своих» («Московский зритель», 1806, Ч. 1).

Очень важные и любопытные сведения сообщает А. Измайлов об издании журнала Греча «Сын Отечества», имевшего успех у публики.

Измайлов верно подмечает момент профессионального положения Греча и обслуживания им известного потребителя. Недаром же Александр I на основание журнала отпустил 1000 рублей.

«В короткое время, — пишет А. Измайлов, — вышло три издания первых 12 книжек его журнала[1]; все с жадностью читали "Сын Отечества", а богатые патриоты и подписывались на него. Греч не выпускал из рук пера, переводил, сочинял, держал корректуру, бегал в цензуру, в газетную экспедицию, в типографию, бранил заочно Наполеона и его маршалов, отпускал насчет их острые слова и месяца через два имел уже, что называется, верный кусок хлеба» (с. 489).

«...Для пользы своего многочисленного семейства переводил за деньги для журналистов и для книгопродавцев и давал частные уроки» (Собр. соч. А. Измайлова. Т. II, изд. А. Смирдина. СПб., 1849, с. 490).

Но широкий потребитель оригинальной российской словесности все-таки отсутствовал.

И сама литература переживала кризис.

«Ко времени Карамзина ода «износилась» литературно. Погибла или сузилась в своем значении установка, которая пошла на другие, уже бытовые формы.

Оды поздравительные и всякие другие стали «шинельными стихами», делом только бытовым» (Ю.Н. Тынянов. Вопросы литературной эволюции//«На литературном посту», 1927, № 10, с. 46).

Высокие жанры потеряли свою социальную функцию.

Б.М. Эйхенбаум очень точно сформулировал это положение литературы:

«Литература уходит в быт — становится делом интимным, домашним, сосредоточивается в письмах, в альбомных посланиях» (см. статью Б.М. Эйхенбаума «Литература и писатель»// «Звезда», 1927, № 5, с. 124).

Здесь мы приводим характерное для этой эпохи описание литературного вечера в салоне:

---

[1] Т с с октября 1812 по 1813 год Каждый раз печатался он по полузаводу, т е по 600 экз

«...Однажды на вечере у князя Ивана Михайловича Долгорукова[1] 1822 года, когда мы приготовлялись общим нашим собранием встретить неожиданно прибывшего на литературный наш вечер известного творца Храма славы российских героев и члена академии Павла Юрьевича Львова[2]. Хозяин наш, славившийся необыкновенностью, сказал нам:

«М.г., пожалуйте, не шутите нашей деловой встречею или попомните, что и нас также будут встречать с шутками, если не на встречах, подобных нашим, то уж, наверное, в журналах, в недельниках, в песенниках. От слушающих нас родятся недослышавшие, и вот пойдет дым коромыслом: они растеряют классицизм, но, однако ж, тогда от них не добьетесь и до романтизма. Теперь у нас только один Н.Н., перетопив Карамзина, старается ловить нашу литературную молодежь и заставить ее хныкать над бабочками, рыдать от песенки желтобокого чижика, а посмотрите-ка, во что нас всех оборотят лет через десять: мы тогда, может быть, будем рычать, а не хныкать.

Кто знает, что родит грядущий с неба день»[3].

С особенной остротой подчеркнуты моменты дилетантства и ухода литературы в быт в следующем отрывке:

«Граф Д.И. Хвостов и П.И. Голенищев-Кутузов, участвуя в журнале «Друг просвещения», кажется, первые сделали какой-то раздел в нашей Московской Литературе. В то же время многие недоученные старцы и юноши отделились с своими произведеньицами под защиту компилатурных журналов, каковы, напр., были «Московский собеседник» (печатанный в типографии А. Решетникова). Московские же «Вестник» и «Курьер», «Друг юношества и всяких лет» и проч. — тут уже не было не только вкусу, но даже в некоторых и правил риторических: тут писали и печатали кто что

[1] Князь Долгоруков жил в своем доме, близ Девичьего поля, у Воздвиженья, что на Вражке, там он имел свою домовую церковь, нередко сам читывал апостолы и любил петь на клиросе

[2] Сотрудник почти всех старинных наших издателей журналов. Но в это время г Львов был уже петербургским жителем

[3] Стих из послания к Макарову. Соч кн Долгорукова, т II, с. 142 (см. журнал «Московский наблюдатель», кн. II)

вздумал, кто как умел, в это время образовались поэты Коптевы, сочинители «экс-Лиз и Лизеток», собственных своих книжек[1], «Песенок от сердца ей» и проч. Подпись: Авенир Народный» (См. «Московский наблюдатель», август, отдел «Журнальные отметки. Смесь», с. 621).

С отмиранием высоких жанров и уходом литературы в быт, как уже было указано, «на смену пришли альбомные, семейные и др. роды литературы», еще не ставшие литературным фактом.

Большое распространение имели памфлеты. Один из очень удачных памфлетов мы здесь и приводим:

ДОМ СУМАСШЕДШИХ
(1814—1838)

Вот *Жуковский:* в саван длинный
Скутан, лапочки крестом;
Ноги вытянувши чинно,
Черта дразнит языком;
Видеть ведьм воображает:
То глазком им подмигнет;
То кадит, и отпевает,
И трезвонит, и ревет.
Чудо! под окном, на ветке,
Крошка *Батюшков* висит
В светлой проволочной клетке;
В баночку с водой глядит,
И поет он сладкогласно.
«Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись на дно — ужасный
Крокодил на нем лежит».
Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин,
Книг безграмотных издатель,
Северный орел — *Свиньин.*
Он фальшивою монетой
Целый век перебивал

[1] Моя книжка в пользу и удовольствие самому себе. Печат у Решетникова 1808 г., «Песенка от сердца ей» — в Универс. тип.

И, оплеванный всем светом,
    На цепи приют сыскал.
Вот *Измайлов* — автор басен,
    Рассуждений, эпиграмм;
Он пищит мне: «Я согласен,
    Я писатель не для дам.
Мой предмет: носы с прыщами;
    Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями...
    Мир квартальных — вот мой мир».
Вот и *Греч* — нахал в натуре,
    Из чужих лоскутьев сшит;
Он — цыган в литературе,
    А в торговле книжной — жид.
Вспоминая о прошедшем,
    Я дивился лишь тому,
Почему он в сумасшедшем —
    Не в смирительном дому.
Тут кто? Гречева собака
    Забежала вместе с ним:
То — *Булгарин*, забияка
    С рылом мосьичим своим;
С саблей, в петле... А французский
    Крест ужель надеть забыл?
Ведь его ты кровью русской
    И предательством купил.
Что ж он делает здесь? — Лает.
    Брызжет пеною с брылей,
Мечется, рычит, кусает
    И домашних, и друзей.
Но на чем он стал помешан?
    Совесть ум свихнула в нем.
Все боится быть повешен,
    Или высечен кнутом.

(А.В. Воейков. Дом сумасшедших. 1874. Т. IX. С. 592–593.)

Но здесь уже литературно-бытовой памфлет выходит за свои пределы и носит характер, нельзя сказать, чтоб сатиры, но во всяком случае характер памфлета, социально не безразличного.

При таком положении литературы журналы первой половины XIX века не получали широкого распространения и носили тоже семейно-бытовой характер.

Широкого общения писателя с читателем не было. Писатель к этому, пожалуй, и не стремился.

Литературная жизнь уходила в камерно-бытовые формы...

«...Литературные вечера князя И.М. Долгорукова посещали: профессор Цветаев, М.Н. Загоскин, комический писатель В.И. Головин; поэты: Мерзляков, Волков, Новиков и некоторые другие. Все это было просто, или, как говорил сам хозяин, без затей, в простом наряде. И весьма хорошо. С подобных же вечеров являлись в свет: Батюшковы, Козловы, Веневитиновы и распространяли вкус в журналах и в альманахах. В Петербурге та же пристань была в домах Державина, Дмитриева и многих других...

Были и недоступные лица для подобных вечеров; но эти лица умели только петь:

О, муза, муза, дай нам руку, —
Мы все родилися на скуку,
И нами все хотят скучать... и пр.

Эти певуны все боялись нас, а мы все боялись их.

Подпись: Авенир Народный».

(См. «Московский наблюдатель», 1835, август, «Смесь», с. 619—620.)

Поэты в большинстве своем не являлись прогрессивным явлением в отношении профессионализации писательского труда. Их произведения не были рассчитаны на широкого потребителя.

Писатели, которые перечислены в Парнасском адресе-календаре, ни в какой мере не являются профессиональными писателями. Их вещи не выходили за пределы кружка любителей и дилетантов.

Для нашей темы интересен отрывок из памфлета А.Ф. Воейкова, где перечисляются писатели, имевшие дилетантскую установку:

ПАРНАССКИЙ АДРЕС-КАЛЕНДАРЪ 1818–1820.

(Парнасский адрес-календарь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных источников, для употребления в благошляхетном Арзамасском обществе.)

1. *И.И. Дмитриев*, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка.

8. *Д.В. Давыдов*, действительный поэт, генерал-адъютант Аполлона при переписке Вакха с Венерою.

10. *М.Т. Каченовский,* великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гиппокренских бань, бессменный член банного строения, церемониймейстер передбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке[1].

11. *Вильгельм Кюхельбекер,* хирург из немчин, заготовляет из стихотворений своих для Феба промывательное.

13. *А.Ф. Мерзляков,* придворный карапузик, великий разгадыватель галиматьи.

15. *В.В. Измайлов*, действительный явный галломан, чувствительный писатель 1-го класса, помещен на вакансию Ж.-Ж. Руссо при рескрипте, в котором сказано: «на безрыбьи и рак рыба». Пользуется привилегиею выпускать в Благовещенье из клеток чижиков и заведывать департаментом истерик.

16. *С.Н. Глинка,* снабжает отхожий кабинет патриотической русской музы мягкою бумагою.

---

[1] Каченовский напечатал в «Вестнике Европы» 1810 г., ч. 49, № 1, с. 60 и ч. 54, № 23, с. 218). «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор».

37. Гр. *Д.И. Хвостов,* обер-дубина Феба, в ранге провинциального секретаря; обучает ипокренских лягушек квакать и барахтаться в грязи.

38. *А.С. Шишков,* патриарх старообрядцев, главный директор раскольничьего книгохранилища; на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице — раскольничью бороду на голубой ленте; перелагает в стихи Стоглав и Кормчую книгу» (1874 г., т. IX, с. 612—614).

Это положение продолжалось приблизительно до начала 30-х годов.

Потом совершился перелом литературной линии, очень ясно показанный в цитированной выше статье Б.М. Эйхенбаума.

«Литературный дилентантизм проявляет тенденции выйти за пределы домашних кружков и салонов — возникают новые планы журналов и альманахов по образцу европейских, являются вопросы о привлечении читателей, встает вопрос о литературном гонораре» (Б.М. Эйхенбаум. «Звезда», № 5, 1927, с. 125).

Все это явилось в результате, как мы уже указывали, расширения товарности книги за пределы песенников, сонников и разбойничьих романов.

Вырос потребитель, для которого российская словесность являлась таким же товаром, как и вышеприведенные песенники и сонники.

Любопытно, что в «Библиотеке для чтения» уже в 40-х годах жаловались на то, что лучше расходятся книги для массового потребления. Для нас важно следующее сообщение:

«*Печатаются книжки для лакеев, потому что их больше господ. Печатаются книжки с картинками, потому что это литература тех, которые не читают*» (см. «Библиотека для чтения». 1843, т. 61, отд. VI, с. 25).

Работа на другого потребителя, вот что здесь важно проследить.

Л. Шюккинг в своей книге «Социология литературного вкуса», занимаясь вопросами исследования вкусов различных социальных групп читателей, подменяет изучение самой литературы в ее эволюции изучением и историей читателя.

Но профессор В.М. Жирмунский как раз и одобряет этот момент в книге Л. Шюккинга.

«Вопросы, выдвигаемые в книге Шюккинга, частично соприкасаются с проблемой «литературного быта», разрабатываемой у нас в настоящее время Б.М. Эйхенбаумом. Однако круг социологических интересов Шюккинга гораздо более широк, и выбор предмета исследования определяется строго продуманной и обоснованной методологической системой: вопросы профессионального быта писателей («литературного быта») с этой точки зрения являются лишь одним из элементов быта социального, которым обусловлена для Шюккинга эволюция художественного вкуса в социологически-дифференцированных читательских группах» (см. книгу Л. Шюккинга «Социология литературного вкуса», пер. с нем. под ред. и предисл. проф. В.М. Жирмунского, Л., 1928). Со своей стороны мы должны заметить, что чрезмерное, хотя бы и «социологическое» расширение предмета исследования всегда выводит исследователя из круга реальных фактов.

Л. Шюккинг не устанавливает смены жанров и не ставит вопроса о специфичности литературного материала. Все дело в том, что писатель не только является носителем вкуса определенного потребителя, но его вещь может быть переключена в другой жанр и на совершенно другого потребителя.

Универсальная социологичность немецкого ученого в его исследовании о вкусе иногда совпадает даже с утверждениями А. Пыпина.

Б.М. Эйхенбаум совершенно правильно замечает об интервенции западноевропейских форм журнала и альманаха 20-х годов XIX века и о выдвижении вопроса о гонораре писателям-дворянам.

Мы уже говорили об альманахе «Полярная звезда». До тех пор писатели-дилетанты и вообще непрофессиональные писатели не ставили вопроса о гонораре.

Но издание «Полярной звезды» было предпринято «с целью обратить предприятие литературное в коммерческое».

ЗАМЕТКА

«В воспоминаниях Е.П. Оболенского о К.Ф. Рылееве, помещенных в первой книге XIX века, сказано, что во второй половине 1824 года родилась у Рылеева мысль издания альманаха на 1825 год «с целью обратить предприятие литературное в коммерческое. В подстрочном примечании издателя сказано: «Читателям известно, что «Полярная звезда» выходила три года сряду: в 1823, 1824 и 1825 годах».

Е.П. Оболенскому, конечно, также было известно об издании «Полярной звезды» в 1823 и 1824 годах, но она издавалась в эти два года книгопродавцем Слениным, который за право издания платил Рылееву и А.А. Бестужеву, но ничего не платил литераторам, участвовавшим в альманахе своими трудами. Во второй половине 1824 года Рылееву пришла мысль вознаградить их труды, и с этой целью Рылеев и Бестужев приняли на себя издание альманаха без участия Сленина. Последний, не желая терять выгод, которыми он уже два года пользовался, уговорил барона Дельвига собрать статьи для альманаха на 1825 год и предоставить его издание ему, Сленину, за 4000 руб. асс. Дельвиг согласился, и вследствие сего вышел новый альманах под названием «Северные цветы».

Это обстоятельство было причиною некоторого охлаждения между Рылеевым и Дельвигом» («Русский архив», 1873, т. IV).

Об успехе альманаха писали в «Русском инвалиде» и во всей тогдашней периодической печати.

Коммерческий успех был несомненный.

Из числа современных этому событию заметок особенно интересна заметка, помещенная в булгаринских «Литературных листках».

В ней, между прочим, указывается, что, помимо денежного успеха среди читающей публики, издатели были вознаграждены за издание альманаха царствующими особами.

«Издатели «Полярной звезды» имели счастье поднести по экземпляру сей книжки их величествам государыням императрицам и удостоились высочайшего внимания. К.Ф. Рылеев получил два бриллиантовые перстня, а А.А. Бес-

тужев — золотую прекрасной работы табакерку и бриллиантовый перстень. Нам весьма приятно объявить, что «Полярная звезда» столь же лестно принята публикою; *в три недели раскуплено оной 1500 экземпляров: единственный пример в русской литературе, ибо, исключая «Историю Государства Российского» г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имели подобного успеха»* (Ф.Б., «Литературные листки», № 2, с. 64—65).

Что касается преподношения, то этот анахронизм надо понимать как традиционную форму меценатства.

Это момент, свойственный XVIII веку, где он бытовал в тех случаях, когда писатель посвящал или преподносил свою новую вещь высокопоставленному лицу.

Тут замечателен тот факт, что оба издателя, пользовавшиеся покровительством двора, — будущие декабристы.

Рылеев был награжден бриллиантовыми перстнями, а после декабрьского восстания казнен.

Традиция меценатства в данном случае потеряла свою нужность, так как на этом коммерческом предприятии оба издателя за вычетом всех расходов, выручили по 2000 рублей чистого доходу.

Экземпляр альманаха продавался по 10 руб. асс., но уже в 1826 и 1827 и последующих годах альманах «Полярная звезда», по свидетельству современников, нельзя было достать и за 100 руб. асс.

Чисто сословно-дворянский предрассудок о том, что работа на рынок является унизительной для писателя, был тормозом в издательском деле.

Писатели стыдились брать гонорар.

Пушкин стыдился своей профессии. Об этом пишет К. Полевой и другие.

Н. Греч ставил этот вопрос гораздо шире. Для него, как профессионального писателя, вопрос решался в положительную сторону.

Одной из целей предприятия Рылеева и Бестужева было, между прочим, осуществление оплаты литературного труда для участников альманаха.

Приведем свидетельство современника:

«...Помню, как тут же брат Александр и Рылеев просили Льва Пушкина передать брату, не согласится ли он продать им каждый стих этого эпизода (Тани с няней) по пять рублей для предполагаемой «Полярной звезды», что впоследствии и было утверждено с согласия Пушкина» (Записки М.А. Бестужева, «Русская старина», 1870, т. I, с. 256).

В противовес альманахам Карамзина альманах Бестужева и Рылеева был явлением коммерческого порядка.

За издателями «Полярной звезды» последовали коммерсанты-альманашники, превратившие издание альманахов в коммерческое предприятие и снизившие их литературное значение.

Книжное и типографское дело к 20-м годах XIX века настолько развилось, что считалось делом прибыльным. Дело литературы, по выражению Пушкина, уже стало одной из выгодных отраслей нашей промышленности.

Правда, еще не было широкого рынка у оригинальной беллетристики. Но книгопродавцы, в большинстве своем купечество, торговали книгами так же прибыльно, как и другими товарами.

Приводим любопытные мнения современников:

«Состояние нашей книжной торговли достойно удивления или, справедливее сказать, жалости... но только в отношении к авторам. *Ибо, судя по множеству книжных лавок в столице и по долговременному содержанию оных одними и теми же хозяевами, книжная торговля у нас не бесприбыльна*» (К. Ш-в. Дополнение к истории нашей книжной торговли. «Вестник Европы», 1815, февраль, № 4, с. 303).

«Книгопродавцы жалуются, что мало покупают у них книг, но сколько было прежде и сколько нынче книжных лавок!» (А. Измайлов, журнал «Благонамеренный», ч. II, СПб. 1818).

После Новикова число издаваемых книг несколько уменьшилось.

Например, книгопродавцы Кольчугины, по преимуществу, торговали новиковскими изданиями.

Но в 20-х годах XIX века появились новые содержатели типографий — Плавильщиков, Греч и другие, наряду со старыми типографиями.

Очень важно заметить, что значение государственных типографий значительно падает.

Это объясняется тем, что содержатели типографий, как, например, Греч, являлись редакторами-издателями, или, как их называли, «откупщиками литературы».

Ниже мы помещаем список типографий, которые были в 20-х годах XIX века.

Книгопечатни (типографии) казенные и частных людей: 1) в Академии наук, 2) в Сенате, 3) в Главном штабе, 4) в медицинской коллегии, 5) в Библейском обществе, 6) в департаменте народного просвещения, 7) в Российской академии, 8) в первом кадетском корпусе, 9) при министерстве внутренних дел, 10) в Морском департаменте, 11) в Синоде, 12) в коммерческом департаменте, 13) театральная типография, 14) в комиссии составления законов, 15) Иогансена, 16) Шнора, 17) Греча, 18) Плавильщикова, 19) Плюшара, 20) Края, 21) Иверсена, 22) Глазунова, 23) Байкова, 24) Нагеля

(Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу с историческими указаниями, изданный Ф Шредером СПб, 1828).

Выпуск книг в 20-х и особенно в 30-х годах значительно уменьшился. На это неоднократно указывали и современники. В 20-х годах имели читательский и коммерческий успех альманахи, а в 30-х годах первое место занимали журналы и особенно «Библиотека для чтения». Такой журнал читателю заменял книгу.

Для сравнения книжной продукции мы приводим цифры типографии Решетникова (только до 1817 г.) и Плавильщикова[1]:

---

[1] Цифры в правой колонке показывают число книг, напечатанных в типографиях в течение одного года. Цифры же, стоящие после знака плюс, обозначают дополнительно найденные книги, принадлежащие той же типографии.

ВОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ РЕШЕТНИКОВА
1789–1834

1789	5	1807	18
1790	11	1808	19+1
1791	21	1809	26+2
1792	19	1810	23
1793	27	1811	12
1794	16	1812	7
1795	21+1	1813	13+1
1796	22	1814	16+1
1797	6+1	1815	21+1
1798	6+1	1816	7+2
1799	40+6	1817	14
1800	32+1		
1801	35+2	До 1817 г. (1780–1816) Москва вместе с губернской типогр.	
1802	31		543
1803	26+5		+29
1804	21+3		572
1805	14		
1806	20+1		

ТИПОГРАФИЯ ПЛАВИЛЬЩИКОВА
1807–1824–1825. СПб.

1807	10	1818	19
1808	13	1819	13
1809	4	1820	11
1810	9	1821	13+1
1811	7	1822	7+1
1812	12+1	1823	9+1
1813	11	1824	10+1
1814	12	1825	2
1815	17		
1816	19		229
1817	26		

Когда говорят о Плавильщикове, то обычно ставят на первое место не его книгоиздательскую деятельность, а библиотеку.

Но еще до Новикова Салтыков предложил план публичной библиотеки. Проект этот остался в бумагах.

Публичная библиотека была построена позже.

***«План Публичной российской библиотеки в Санкт-Петербурге»*, составленный Б.М. Салтыковым в 1766 году.**

РАЗДЕЛ V. О ДОМЕ

2. Нижние покои определить для типографии и для жилья разным чинам, принадлежащим к библиотеке, яко-то: библиотекарю с помощниками, учителям, бухгалтеру, сторожам и несколько комнат для кофейного дому, для общих и особенных компаний, в котором ничего иного не дозволять содержать, как на разных языках газеты и разносрочные сочинения, чай, кофе, шоколад, оржад, лимонад и всякие напитки, кроме водок, вин и всего хмельного.

I О СУММЕ

1. Для заведения, умножения и содержания библиотеки надлежит сделать подписку, которому всякому желающему иметь в библиотеке участие обязаться платить ежегодно не меньше пяти рублей. Подписываться можно всякого звания и всяких наций людям обоего пола с согласия директоров.

VI О ШКОЛЕ

1. Как сия библиотека заводится для распространения и процветания российского языка, то при оной содержать школу для нескольких сот всякого звания соучастников, детей и их служителей, в которой без всякой платы обучать исправному чтению и арифметике» («Библ. записки», 1861, № 3, с. 70–78).

Самим же Новиковым была учреждена библиотека для чтения, и вообще это дело не являлось редкостью. Тем более для 20-х годов XIX века, ко времени, когда Плавильщиков открыл свою библиотеку для чтения.

Но Плавильщикову удалось собрать богатую библиотеку — вот что больше всего восхищало современников. Все

другие библиотеки сравнивали с библиотекой Плавильщикова.

Так, например, про библиотеку книгопродавца Глазунова в «Литературных листках», издаваемых Булгариным, писали следующее:

«Книгопродавец г. Глазунов открыл в собственном своем доме (состоящем в Бол. Мещанской, противу ломбарда) *библиотеку для чтения российских книг*, по примеру библиотеки бывшей Плавильщикова, ныне принадлежащей А.Ф. Смирдину. Может быть, со временем библиотека г. Глазунова достигнет до той степени совершенства, на коей находится библиотека Плавильщикова, но ныне она составляет едва десятую часть против сей последней. В каталоге библиотеки Плавильщикова находим полное собрание книг, отпечатанных на русском языке (за исключением весьма немногих древнейших) (Краткие литературные замечания и наблюдения, «Литературные листки», № 11—12, 1824, с. 129).

Булгарин, конечно, «вспоминает» доброго книгопродавца и делает ошибку, когда заявляет, что Плавильщиков «первый основал библиотеку» — сие полезное учреждение.

«Видя недостаток средств к распространению и охоту к чтению и удовлетворению оной между небогатыми людьми, Плавильщиков решился устроить библиотеку для чтения русских книг *по примеру иностранных сего рода заведений*. Между частными людьми ему принадлежит слава *первого основателя* сего полезного учреждения в России. До открытия его библиотеки, воспоследовавшего 10 сентября 1816 года, книги для чтения можно было получить по неопределенному условию для книжных лавок, не по выбору читателей, но по воле книгопродавцев, обыкновенно из числа книг испорченных или устаревших. В.А. Плавильщиков при своей библиотеке имел типографию и занимался изданием полезных и учебных книг, так, например, он издал «Курс математики» Лакроа, «Всеобщую историю» Шрекка, грамматики латинскую и малороссийскую, «Римскую историю» Гольдсмита, сочинения кн. И.М. Долгорукова, «Рассуждение о старом и новом слоге» А.С. Шишкова и проч.» (Ф. Булгарин. Воспоминание о добром книгопродавце, московском

купце Василии Алексеевиче Плавильщикове, содержателе типографии, книжного магазина и Библиотеки для чтения. Сочинения Булгарина, ч. I, СПб., 1830, изд. 2, с. 133—134).

О Плавильщикове у нас имеются следующие сведения:

Василий Алексеевич Плавильщиков — из купеческого звания, брат известного актера-писателя П.А. Плавильщикова, имел свою книжную торговлю с 1815 г. у Синего моста. Там же помещалась и его библиотека.

В заметке о Плавильщикове в «Библиографе» № 1, 1892 г. указывается, что библиотеку он (Плавильщиков) начал собирать с 1814 года, в сентябре 1815 г. открыл ее для публики. Тогда библиотека состояла только из 1800 названий книг. В 1817 году издан был каталог, в котором уже значилось 3000 названий, а в 1820 году, при издании большого систематического каталога, состояло книг в его библиотеке более 7000 названий, так что в этой библиотеке недоставало очень немногих книг из числа указанных в опыте российской библиографии Сопикова (см. «Библиограф», № 1, 1892, с. 40—41).

Ф. Булгарин несколько в полемическом плане замечает, что библиотека Плавильщикова являлась «кабинетом муз»:

«Его магазин представлял тихий кабинет муз, где собирались ученые и литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры» (Соч. Булгарина, ч. I, СПб., 1830, изд. 2-е, с. 135—136).

Вероятно, Булгарин имел в виду лавку книгопродавцев Слениных, где собирались писатели противоположного Булгарину лагеря.

«...К Ивану Васильевичу по Невскому проспекту заходили мимоходом во время прогулки литераторы, так как в его магазине принимались подписки на получение газеты «Русский инвалид», и он был комиссионером редакции, то все знакомые покупатели «Истории» Карамзина, которую он приобрел печатанием 2-го издания, получали от него по подписным билетам и выдавались им по томам. Поэт барон Дельвиг, издатель «Литературной газеты», бывший у него часто на час, приводил с собою всех своих литературных тружеников на перепутьи по Невскому к Сленину, где и от-

личались один перед другим разными остротами и сарказмами на все им знакомое. Сленин, как понимал французский их разговор и любитель шуток, это его весьма интересовало. Поэты Воейков, Розен, Пушкин и прежние литераторы и журналисты тянулись побеседовать вкупе с Слениным о прежнем и новом житье-бытье русской литературы» (И.Т. Лисенков. Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах. Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879, с. 61—62).

Кроме разговоров на литературные темы, как указывает и Лисенков, здесь принималась подписка на газеты и на «Историю Государства Российского» Карамзина.

Но вообще, это было нечто вроде «литературно-профессионального салона».

А. Измайлов в стихотворении «Сленина лавка» дает ироническую зарисовку литературного салона:

СЛЕНИНА ЛАВКА[1]

У Сленина в лавке на креслах сижу,
На книги, портреты уныло гляжу.
Вот брат наш Державин, вот Дмитриев, Крылов,
А вот Каталани — под нею Хвостов.

Тимковского цензора тут же портрет.
Есть даже Гераков — Измайлова-с нет.
Авось доживу я до светлого дня.
Авось в книжной лавке повесят меня.

Чу, чу! колокольчик в сенях зазвенел:
Хозяин с улыбкой к дверям полетел.
Кого-то к нам в лавку лукавый принес.
Не граф ли? Нет, польский задорный наш пес.
Измайлова видя, бледнеет вдруг он
И крестному батьке отвесил поклон.
Приходит Рылеев, Бестужев и... [Греч].
Язык ему надо немножко присечь.

---

[1] «Понятно, что это стихотворение (пародия на «Три песни» Жуковского) не могло быть напечатано в эпоху своего появления, но ходило по рукам» (примечание редакции «Русского архива»).

Вот Сомов вбегает, вот входит Крылов.
А вот из Сената заехал Хвостов.
В собрании этих почтенных людей
К Измайлову речь обращает Фаддей.

«Что? сказочки нет ли какой на меня?»
— Есть! бойся ты сказок моих как огня.
Любезный мой крестник. Изволь одолжу,
Три новые сказки тебе я скажу:

1. Кусал пес задорный большую свинью,
А я его кинул под лед в полынью.
2. С поляком бездушным я бился вдвоем —
И с боя бежал он в слезах с фонарем.

3. Безграмотный ротмистр беглец был у нас:
Судьею его посадил я в приказ.
Булгарин взял шляпу и вон побежал.
А то бы Измайлов еще продолжал.

А. Измайлов

(«Русский архив», издаваемый при Чертковской библиотеке П. Бартеневым, год второй, 1864, изд. П.М., 1866, с. 1003—1004.)

Таким образом, мы видим, что в 20-х годах XIX века книжные лавки заняли в литературном быту то место, какое в карамзинскую эпоху занимали салоны и в недавнее время — кафе поэтов.

Помимо своей основной торговой функции лавка Сленина выполняла еще функцию литературного салона.

Глава II

Книжная торговля в XVIII веке

1

Изучение книгопечатания и книжной торговли с точки зрения истории литературы до сих пор еще не имело принципиальной базы.

Исследовать книгу как товар можно только тогда, когда установлена потребительная стоимость этого товара, когда выяснена специфическая, качественная значимость книги.

В плане нашей работы нам интересно не отвлеченное изучение русской книжной торговли, а исследование вопроса о воздействии книжной торговли на литературный ряд. Поэтому мы начинаем исследование литературной экономики с середины XVIII века.

В более раннюю эпоху, во времена Петра I, литература (в тесном смысле этого слова) еще не была товаром.

Конечно, и в это время существовали книги, имеющие товарную ценность, но все они входили в разряд книг специального назначения (богослужебные книги, календари, учебники, указы и пр.).

Печатная литература петровской эпохи была всецело литературой государственной, преследующей агитационно-пропагандистские цели.

Этим объясняется колоссальный и для нашего времени тираж некоторых изданий, доходивший до 20000 экземпляров. Государству было необходимо распространить среди широких масс возможно большее количество идеологических произведений.

Ценные сведения об издательской и книгопродавческой технике петровской эпохи сообщает академик Пекарский:

«...В 1717 году было издано «Рассуждение, какие законные причины его царское величество к начатию войны против Карла 12 шведского в 1700 г. имел».

В 1722 году эта книга печаталась в количестве 20000 экз. Правительство хотело как можно более распространить это сочинение, почему и предполагалось разослать экземпляры его всюду по губерниям и провинциям.

На печатание сказанного количества экземпляров (книга гражданской печати в 8-ю долю листа на 418 с.) пошло: бумаги — 1006 стоп, 15 дестей и 8 листов, по покупной цене на 1438 руб. 26 алт. 4 деньги; припасов на 100 рублей; печатание производилось на 5 станах в течение 8 месяцев, а жалованья за это время мастеровым 3428 руб. 19 алтын.

Замечательно, что этого «Рассуждения» в Петербурге с 1722 по 1725 год было продано всего только 50 экземпляров. Предположение о рассылке книги по всей России не состоялось; и еще в 1756 году ее хранилось в казенных складах 16000 экз. Вот почему и доныне это единственная книга, которую весьма легко приобрести на толкучем рынке за 20 копеек» (Пекарский. Петербургская старина. «Современник», 1860, № 5, с. 588—589).

Настоящее название этой книги, с сохранением орфографии того времени, следующее:

«Рассужденіе, какіе законныя прічіны его імператорское величество Петръ первый, імператоръ и самодержецъ всероссійскій. И протчая, и протчая, и протчая: к начатію войны протівъ Короля Карола 12 Шведскаго 1700 году имелъ, и кто изъ сихъ обоіхъ потентатовъ, во время сей пребывающей

воіны, более умеренности и склонности пріміренію оной съ толь велікімъ разлітіемъ крови хрістіанской, и разореніем многіхъ земель віновенъ...» и проч.

Приведенный Пекарским пример показывает нам, что вообще трудно говорить о книжной торговле в петровскую эпоху, потому что понятие торговли неизбежно предполагает коммерческую заинтересованность издателя и книгопродавца.

Но в эпоху Петра книги печатались только в целях политического просвещения, и правительство не рассчитывало на прибыль от книжной торговли.

Предположение о рассылке «Рассуждения» доказывает, что книга петровской эпохи могла выполнять свою социальную функцию не только в процессе товарооборота, а даже в порядке безденежного распределения.

В уже цитированной статье академик Пекарский дает сводку типографских цен петровской эпохи.

Здесь нам важно отметить норму тиража — 1200 экземпляров, первоначально обусловленную техническими причинами, а потом превратившуюся в издательскую традицию:

«...Чтобы иметь представление о тогдашнем типографском деле, представляется здесь современный расчет о двух книгах, печатанных в 1722 году. Об одной из них «Первое учение отроком»[1] (она была издана в 8-ю долю листа и имела около 130 страниц) справщик александровской типографии, иеромонах Феолог представлял: «Сделается един завод с листом киноварным в 20 дней. Справить (буде немного справок будет) в два дня; поднять и связать по 300 книг в день, итого 4 дня. Весь завод 1200 книг выдет (и с гулящими воскресными четырьмя днями) в месяц. На букварь в завод бумаги пойдет 21 стопа и 5 дестей; купить стопу по 40 алтын, а лист по одной полушке. Оной бумаги в завод пойдет на 25 рублей с полтиной» (op. cit., с. 588).

«Табель о рангах», 1722 года, в лист 16 страниц, печаталась в количестве 1812 экземпляров, «истинная» цена была 3 1/2 копейки, а «продажная» (термины той эпохи) — 13 коп.

[1] Букварь, составленный Феофаном Прокоповичем.

«Введение в историю европейскую» Пуфендорфа 1723 г., в 4-ю долю листа, 1042 с., стоил типографии каждый экземпляр 1 р. 88 к., а продавался по 2 руб. и проч. (op. cit., с. 590).

Из массы книг, печатавшихся в государственной санктпетербургской типографии, надо выделить «Симфонию на псалтырь» Антиоха Кантемира, как одну из первых книг, относящихся к разряду художес венной литературы. Эта книга была напечатана в 1726 году по указу императрицы Екатерины I в количестве 1250 экземпляров.

В дальнейшем произошла характерная для того времени история.

Заведывающий типографией Аврамов самовольно распоряжался отпечатанным изданием книги и не выдал ее автору положенного количества экземпляров.

Поэтому Кантемир обратился к императрице с жалобой:

«...В прошлом 726 году в июле месяце подал я, нижеименованный, блаженные и вечно достойные памяти ее императорскому величеству книгу своих трудов Симфонию на богодухновенную псалмов книгу, которая именным указом напечатана. И при начатии печатания, по прошению моему, принято в типографию от меня *тоя* типографии справщиками Иваном Григорьевым да Михайлом Волковым книжной бумаги полторы стопы для напечатания мне, нижеименованному, на имя мое тех книг десять экземпляров. Ныне же, как оные книги во окончании[е] пришли, [то] господин директор Аврамов оных книг на печатанной моей бумаге без указу мне не отдает. Того ради прошу, дабы повелено было оные новонапечатанные книги отдать мне, нижеименованному. О сем доносит лейб-гвардии Преображенского полку фендрик князь Антиох Кантемир. 1727 г., декабря 19 дня».

По указу Екатерины I воспрещено было печатаемые в типографиях книги раздавать безденежно, а так как Аврамов успел уже раздать 11 книг, то в наказание ему вместо жалованья на январскую и майскую трети 1727 г. велено выдать теми книгами, «которых он множество без указу самовольно напечатал, а за взятую у господина Кантемира на печатание оных книг бумагу отдать теми книгами по истинной цене, а именно 4 книги без удержания...» (П. Пекарский. Подробно-

сти о печатании Симфонии на псалтырь князя Антиоха Кантемира, посвящение и предисловие этой книги [Б.З.], 1858, № 17).

На частном примере Кантемира мы видим, что в первый период книгопечатания в России писатель сталкивался с различными трудностями при издании своих работ. В это время существовала только одна издательская организация — правительство.

Каждое произведение для того, чтобы быть изданным, должно было предварительно пройти через санкцию двора.

Был еще один путь, не менее сложный, — издание на средства мецената.

2

Как же развивалась государственная книжная торговля и кто являлся главным потребителем на книжном рынке?

Весь вопрос состоял в том, что книги, издаваемые в государственной академии, не расходились.

В 1758 году кроме старой типографии была открыта «Новозаведенная типография» на Васильевском острове, на углу 7-й линии и набережной реки Невы.

В задачу «Новозаведенной типографии», по свидетельству акад. Пекарского, входило печатать книги, пользовавшиеся успехом на книжном рынке.

«Умножить во оной печатание книг как для удовольствия народного, так и для прибыли казенной», а потому здесь печатались только такие книги, которые бойко шли в продаже. Для менее взыскательных читателей «Новозаведенная типография» выпускала в огромном количестве экземпляров Синопсис, Троянскую историю, Повесть о разорении града Иерусалима. Чтобы удовлетворить вкусам более прихотливых читателей, там печатались переводы разных романов, повестей и рассказов, вроде Жиль Блаза, Истории Кире младшем, Басни Пилтая, Бакалавра Саламанянского и т. п.» (См. *«Образцы шрифтов типографии и словолитни императорской академии наук»*, СПб., 1870, статья академика П. Пекарского, Академическая типография в старину и ныне, с. XIV).

Но, очевидно, дела академической книжной лавки в коммерческом отношении шли плохо.

«По мнению некоторых академиков, книжный торг можно было бы так устроить, чтоб он приносил пользу» (См. «Историю академии наук в С.-Петербурге», т. I, П. Пекарский, СПб., 1870, с. 17).

В 1763 году Ломоносов предложил свое «Мнение об академическом книжном торге», где он предлагает сдать академическую книжную лавку в руки частного промышленника.

Приведем этот любопытный документ:

Об академической книжной лавке в Москве.
Мнение.

1763 г. Апр.

Для вящшей пользы от академического книжного торгу рассуждаю:

1) Что несравненно будет обществу полезнее и академической типографии и прибыточнее, когда *московская книжная лавка уничтожится, а книжная продажа производиться будет купцами по всем городам, кои имеют скупать книги из здешней книжной лавки знатным числом экземпляров.*

2) Ибо, что до общей пользы касается, то будут книги по государству удобнее расходиться, удобнее затем, что всякий купец, сняв несколько сот экземпляров по указной цене, всячески будет стараться товар свой с рук сбыть скорее, довольствуясь умеренною прибылью; станет рассылать и развозить по городам, где у него есть торг или корреспонденты, *и таким образом не токмо по губерниям, но и по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространятся книги,* а с ними учение и общенародное просвещение. Напротив того, казенная книжная лавка в Москве отнюдь сего произвести не может, ибо: 1) *мало охотников из городов в Москву для покупки потребных себе книг поедут или кому покупать заочно прикажут.*

Здесь Ломоносовым указывается ориентация на провинцию, то, что старался позднее осуществить Новиков. И успех смирдинских изданий объясняется тем, что у него был широкий провинциальный потребитель.

«2) Ежели же кто и приедет за другими нуждами, однако не так свободно купить может, как приватно, затем что и здесь, в Санкт-Петербурге, в глазах у академии, книгопродавец не всегда в книжной лавке и после обеда редко бывает, то что должно думать о заочной продаже?

3) Когда ж и сидит он в лавке, однако для купца не всегда станет приискивать книги из лености или из лакомства, чтоб с него взять дороже.

4) *Не будет он ходить по домам и разносить по известным домам охотникам*, как вольный купец, который для своей собственной прибыли не пропустит и заставит иногда старанием своим купить книгу того, кто и не думал.

5) *Книги продаваться будут дешевле, затем что купец возьмет здесь из книжной лавки* по настоящей цене и, ради скорейшего расходу, барыша большого не наложит, да и обмануть ему легко нельзя будет, для того что казенная цена объявлена будет троекратно в ведомостях и сверх того можно в каждой книге на конце припечатать казенную цену. А в Москве, покупая книги, купец должен уже дать барыш за провоз отсюда, за содержание книжной лавки, за жалованье людям и на харчи, и сверх того, и сам о своей прибыли стараться, от чего, как от вышеписанного всего, происходит несказанная остановка в распространении книг и просвещения в государстве» (с. 600).

Книжная торговля в ломоносовскую эпоху не выходила за столичные пределы, и книга не попадала в провинцию. И Ломоносов, идеолог растущей русской буржуазии, здесь правильно указывает на единственную возможность проникновения книги в провинцию — через руки купечества.

Например, лубочные картинки и лубочную литературу в провинцию доставляли офени.

Конечно, с увеличением сбыта должна была увеличиться и прибыль.

«3. Что же до прибыли академической типографии надлежит, то будет она много нынешнего превосходнее и прочнее, что 1) откупщиков за книги, знатным числом проданные, знатным же количеством станут приходить в казну деньги; 2) барыши не тем одним бывают велики, что берут

много, но и немного накладного за многим числом накладок. *Например, продавши в год 500 книг и взяв барыша по две гривны, получим прибыли сто рублей;* но, взяв барыша только по гривне, а продав в год тысячу книг, равным будем пользоваться прибытком, *ибо что дешевле, то покупают больше.* И таким образом академическая типография не претерпит никакого убытка, купцы будут иметь прибыль и государство великую пользу» (с. 600).

Удешевление книги за счет увеличения тиража — вот чем и объясняется дешевизна некоторых новиковских и смирдинских изданий. Это положение с ростом потребителя на книжном рынке стало основным в книгоиздательском деле многих книгопродавцев.

«3) Сверх того, не будет излишних расходов на провоз, на дом и на лавку, на комиссара и на других служителей в Москве. 4) Не будет опасности в капитале как от пожарных случаев, так и от книгопродавческих непорядков, кои академическая канцелярия довольно чувствует. 5) Сколько ж переписки, пересылки и протчие заботы с московскою книжною лавкою отнимают времени, которое бы на истинное попечение о науках употребить должно было, о том можно справиться по делам канцелярским... Что ж надлежит до надобностей академических в Москве, для переводов по ассигнациям денег и других пересылок, то весьма легко обойтись можно и без академического комиссара, как и прежде московской книжной лавки. И сверх того есть там ныне Московский университет, который для взаимного в надобностях соответствования академии наук способствовать может» (с. 601).

Нам неизвестно, какие были непорядки в академической книжной лавке, кроме тех недостатков, которые здесь указывает Ломоносов. Несомненно, что в книжной лавке служили люди, состоявшие на государственном жалованье, и лично незаинтересованные в росте книжного торга.

Книги, предназначенные для продажи, лежали в магазине. Для успеха книжной торговли Ломоносов предлагал следующее:

«4. *Академическую московскую книжную лавку совсем уничтожить, продав все книги за настоящую казенную цену, за что хотя всех денег вдруг получить и нельзя будет, то поверить на несколько лет за надежными поруками*».

На необходимости расформирования академической книжной лавки настаивал и Иван Тауберт. Собственно Ломоносов только приобщил свое мнение, и положения, им выставленные, очень верны. Но осуществление их было возможно только с увеличением читателя и расширением книжного рынка.

Кроме всего прочего, Ломоносов предлагал:

«2. *Сочинить каталог здесь находящимся российским книгам с настоящими ценами* и, напечатав несколько сот экземпляров, разослать здесь в городе по знатным купцам, также в Москву, в другие города безденежно при ведомостном том прибавлении, и продать охотникам столько, чтоб и для академической книжной лавки осталось, а с купцов взять обязательство, чтоб они здесь, в Санкт-Петербурге, оных книг не продавали. 3. Впредь какая только книга выйдет, поставить в ведомости с ценою и с кратким содержанием и оглавлением всей книги и потому продавать до половины или и больше охотникам оптом. Все сие несравненно лучше, нежели держать для московской книжной лавки комиссаров, или связываться контрактами с людьми, академии не подлежащими, отчего еще большие могут воспоследовать непорядки и хлопоты» (см. Материалы для биографии Ломоносова, собранные экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865, с. 602).

Все эти очень верные соображения Ломоносова заставили, очевидно, сдать академическую книжную лавку в частные руки.

И академическая книжная лавка в Москве была отдана в партикулярное содержание бывшему синодальному певчему Петру Волкову. Это видно, между прочим, из журнала канцелярии академии наук 13 октября 1763 года.

Любопытный документ, свидетельствующий о технике частного издательства в 1769 году, найден В. Семенниковым в делах типографии академии наук.

Это заявление переводчика Тейльса, издавшего на свой счет компилятивный журнал «Полезное с приятным»:

«...В императорский сухопутный шляхетной кадетский корпус представление.

Нынешнего 1769 году февраля 13 дня зачат был в типографии оного корпуса печатать еженедельный журнал под заглавием "Полезное с Приятным" и продолжался на 25 число июня месяца. А как оный журнал печатан был на счет покойного ротмистра Румянцева обще со мною и вся оная книга стала в двести двадцать шесть рублев восемьдесят копеек, а именно: за набор за двадцать четыре листа литерами цицеро ведомостными в октаву, за каждый лист по 3 рубля — семьдесят два рубли, за тиснение на коментарной бумаге за девять недель в 600 экземпляров за 5400 листов, с листа по 1 коп. — пятьдесят четыре рубли, а остальных пятнадцать недель по 500 экземпляров за 7500 листов тако ж по одной копейке с листа — семьдесят пять рублев, заработанных с 12 900, с каждых 10 тиснутых листов по 2 коп. — двадцать пять рублев восемьдесят копеек — то я, не находясь теперь в состоянии взнести оную сумму в типографию оного корпуса, нижайше прошу императорский сухопутный шляхетной кадетский корпус за оную сумму двести двадцать шесть рублев восемьдесят копеек взять в казенную продажу остальное число экземпляров оного журнала, а именно 334; а чтобы казна могла получить деньги свои скорее, то с сего журнала сбавляю двадцать копеек цены и в оную продажу отдаю оставшие 300 экземпляров собственной моей книги под заглавием История о славном рыцаре Дон Кихоте Ламанхском, с тем что[бы] мне до тех пор не получить как оного журнала, так и сей последней книги, пока оная сумма 226 рублей 80 копеек в казну не соберется или мной не уплатится. О чем императорскому сухопутному шляхетному кадетскому корпусу нижайше представя, ожидаю резолюции. (Подписал) Капитан Игнатий Тейльс. Декабря 9 дня 1769 году».

При сопоставлении типографских цен 1722 года с ценами 1769 года сразу становится ясным снижение стоимости печатания, даже если условно мы не принимаем в расчет реальной ценности денег.

Обратимся еще раз к чрезвычайно богатому фактами исследованию В. Семенникова «Русские сатирические журналы XVIII века».

«...Из приведенных сведений видно, что номера «Трутня» 1769 года в среднем печатались по 1240 экземпляров (при этом мы имеем в виду и 2-е издание первых XII листов). Впрочем, три листа были выпущены в повышенном числе экземпляров, именно — лист I, напечатанный в количестве 1366 экз., лист II — 1440 экз. и III — 1290 экз. При такой сравнительно небольшой цифре экземпляров, как 1290, увеличение числа их на 200, как это наблюдается для листа VI, едва ли может быть случайным. Если мы обратимся к содержанию этого листа, то, кажется, найдем вероятное объяснение: весь VI лист наполнен знаменитыми «ведомостями» с несколькими резкими выходками, из которых особенное внимание обращает «ведомость» — из Литейной — где впервые Новиков сильно затронул крепостное право. Не в этом ли кроется повышенный успех VI листа?»...

Но успех «Трутня» не был прочен. В следующем, 1770, году Новиков уменьшил количество печатающихся экземпляров с 1240 до 750. О печатании журнала в 1770 году состоялась резолюция академической комиссии, 18 января 1770 года, когда было предписано печатать по 150 экз. на «любской» и по 600 экз. на простой бумаге, причем цензура была поручена академику Котельникову. К сожалению, типографских рапортов о печатании журнала в 1770 году не сохранилось.

О стоимости печатания имеются сведения лишь для 1769 года. Печатание 10 первых листов обошлось вместе с бумагой в 61 руб. 9 коп. Затем 26 следующих листов стоили 245 руб. 71 коп., в том числе набор — 52 руб., печатание — 155 руб. 6 коп. и бумага — 38 руб. 65 коп. Второе писание 12 полулистов обошлось в 66 руб. 60 коп., в том числе набор — 18 руб., печатание — 37 руб. 72 коп. и бумага — 10 руб. 88 коп. Набор здесь обошелся дешевле, так как производился с печатного оригинала, что указано в типографском рапорте.

Считаем не лишним привести здесь маленькую арифметическую выкладку, чтобы выяснить, какой доход имел Новиков от журнала. Из приведенных данных видно, что печатание журнала за 1769 год (1-го и 2-го изданий) обошлось Новикову в 373 руб. 40 коп. Всего печаталось в среднем 1240 экземпляров, причем годовой комплект составил 36 листов. «Трутень» продавался по 4 коп. за каждый недельный выпуск, а годовой комплект (1769 год) стоил 1 руб. 40 коп.; таким образом, за годовой экземпляр делалась скидка всего 4 коп. по сравнению со стоимостью номеров в розничной продаже. Если считать, что весь комплект журнала был распродан (что могло быть, правда, не сразу), то Новиков получил бы 1736 рублей (считая 1240 экз. по 1 р. 40 к.). Вычтя расход по печатанию — 373 рубля 40 коп., получим 1362 руб. — цифра, особенно для того времени, совсем не малая. Конечно, здесь нужно принять во внимание, что Новиков платил известный процент книгопродавцу, кое-что, вероятно, давал ближайшим сотрудникам, а главное, что 1200 экземпляров были распроданы не сразу, ибо иначе Новиков не уменьшил бы со следующего 1770 года количество печатающихся экземпляров. В общем Новиков продавал свой журнал почти в пять раз дороже той суммы, в которую обходилось ему печатание» (В. Семенников, op. cit., с. 82—83).

При изучении книжной торговли во вторую половину XVIII века кажутся несколько неожиданными высокие цифры тиражей.

Так, например, первый журнал, вышедший в 1769 году, — «Всякая всячина» — дает следующую картину тиражной динамики:

1 лист	печатался в количестве		1692	экземпляров.
Следующие	12 листов	»	1500	»
»	51 лист	»	1000	»
»	6 листов	»	500	»

Издание журнала «Всякая всячина» инспирировалось правительством, и потому становится понятен большой тираж первого листа. В рекламных целях этот первый лист, как известно, даже не продавался, а раздавался бесплатно всем желающим.

Но характерно убывание нормы тиража в продолжение печатания журнала. Мы видим, что тираж последних листов «Всякой всячины» уменьшился против первых больше чем в три раза. Это явление видно и в цитированном выше расчете о печатании новиковского «Трутня».

Для остальных журналов 1769—1774 годов был типичен тираж «полузавода», т. е. 600 экз. (вспомним, что еще в петровскую эпоху полным или единым заводом называлось количество 1200 экз.).

Приведем небольшую таблицу:

«Ни то ни сио»	600 экз.
«Поденщина»	500 »
«Пустомеля»	500 »
«Трудолюбивый муравей»	400 »
«Вечера»	500 »
«Живописец», ч. 1	600 »
» ч. 2	700 »

Несмотря на ограниченную емкость рынка, издание журнала было в эту эпоху коммерчески выгодным предприятием.

Естественно, что за это дело взялась наиболее передовая часть русского купечества. Такие факты, как самостоятельное издание журнала на средства его сотрудников (журнал Тейльса и Румянцева «Полезное увеселение»), в это время были редким явлением.

Что касается эминского журнала «Смесь», то он издавался на счет купца Круглова, как свидетельствует запись в бумагах академической комиссии:

«...Купцу Арефью Круглову с представленного им первого листа ко второму изданию напечатанного ему еженедельного сочинения под именем «Смеси» по освидетельствовании оного листа от цензора напечатать двести экземпляров на собственной же его, Круглова, бумаге...» (Журнал академической комиссии, № 235).

Итак, мы видим, что тираж «Смеси» вполне соответствовал обычной норме в 600 экземпляров.

Конечно, совершенно невозможно выяснить реальный распространительский тираж изданий XVIII века, но косвенное указание на распространение журналов 1769–1770 годов можно найти в фантастическом диалоге Меркурия с издателем «Смеси».

Меркурий говорит:

«...Твой журнал, г. издатель, и в здешнем городе не очень слышен: не наберется *двух сот человек*, которые бы его читали» («Смесь», лист 21, с. 165).

Двести человек – это, несомненно, поэтическая фигура преуменьшения, но вполне возможно, что распространительская способность сатирических журналов не превышала 400–500 листов (норма для «Трудолюбивого муравья», «Поденщины», «Пустомели» и пр.).

Это объясняется узким слоем читателей журналов, не выходившим за пределы дворянского класса.

В развитии книжной торговли большое значение имело решение правительства на открытие вольных типографий.

Но только в 1771 году было дано правительством первое разрешение иноземцу Гартунгу на вольную типографию в С.-Петербурге, и то на иностранную.

«На российском языке никаких книг, ни сочинений не печатать, дабы прочим казенным типографиям в доходах их подрыву не было» (см. Полн. собр. законов, т. XIX, с. 17).

Тут, конечно, кроме конкуренции, учитывался еще момент сохранения государственной монополии на русскую книгу.

Подъем литературной и типографской деятельности при Екатерине II явился в результате открытия вольных типографий.

В 1783 году дано правительством позволение во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках.

Причем типографии уже являются такими же средствами производства, как фабрики, заводы и т. д.

В правительственном разрешении от 17 января 1783 года сказано:

«Всемилостивейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем как в обеих столицах наших, так и во всех городах империи нашей каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом управе благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет» (Полн. собр. законов, т. XXI, с. 25).

С открытием вольных типографий рост книжной торговли значительно увеличился не только в столицах, но и в провинции.

Число издаваемых книг в период 1786—1790 годов увеличилось в три с половиной раза в сравнении с предыдущими годами.

Особенными привилегиями со стороны правительства пользовались иностранные книгопродавцы.

Так, например, Вейтнберг сделался поставщиком Екатерины II и впоследствии приобрел звание «придворного книгопродавца».

Это объяснялось тем, что двору требовались главным образом иностранные книги.

Вейтнберг пользовался не только званием «придворного книгопродавца», но и значительными денежными ссудами. В 1776 году Вейтнбергу было пожаловано 1000 рублей, а в 1778 году заимообразно на пять лет 3000 руб. и т. д.

Кроме того, эти «придворные книгопродавцы» располагали свою торговлю в самой центральной части города, главным образом по Невскому проспекту, по Большой Морской и т. д.

Впоследствии Смирдин, только значительно увеличив свою торговлю, мог переехать от Синего моста на Невскую преспективу. Для Смирдина это был новый период в его книготорговле. Знаменитое новоселье было отмечено писательским собранием и изданием альманаха «Новоселье».

Русские книжные магазины, не пользовавшиеся покровительством правительства, ютились в темном и холодном Гостином дворе.

Аристократия и дворянство того времени читали главным образом книги иностранные.

На это указывает и Новиков, что «пристрастие к французским книгам не позволяет покупать российских».

Основанное Екатериной Общество, старающееся о напечатании книг, недостаточно активно отнеслось к своей задаче.

Новиков по этому поводу указывал на необходимость распространения книг, и особенно в провинции, среди дворянского и мещанского сословия.

«Сколько же произошло пользы от переведенных книг, под смотрением сего собрания. Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколько большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдельных наших провинциях живущим дворянам и мещанам» («Живописец», 1772, ч. II, лист 18, СПб., с. 350).

Живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга через трое или четверо рук дойдет, например, в Малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубля, а иногда и больше. Через сие охотники покупать книги уменьшаются; книг расходится меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток» («Живописец», ч. II, изд. 3).

3

Книгопродавческая и книгоиздательская деятельность Новикова является особенно выдающейся для второй половины XVIII века. Вот что пишет об этом А.Т. Болотов:

«Перейдение типографии из казенных в партикулярные руки, а особливо Московской университетской в Новикова, послужили славною и весьма достопамятною эпохою для нашей литературы; с сего времени она властно так вновь возро-

дилась и со всяким годом стала столь много возрастать, что через короткое время получила совсем иной вид; и как мало до сего было у нас в России библиотек, так много прибавилось их везде во всех партикулярных домах. Стараниями одного доставлены вдруг не только наилегчайшие способы к чтению, но весьма многим одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям отворен путь и преподан случай и возможность к оказанию своих способностей и сил разума, так что через самое то сделались они потом сочинителями и пр.» («Библиограф», № 10, 1885).

По свидетельству Н.М. Карамзина, «за 25 лет перед сим были в Москве книжные лавки, которые не продавали в год и на 10000 рублей. Теперь их 20, и все вместе выручают ежегодно около 200000 рублей» (Статья подписана N [Н.М. Карамзин]. О книжной торговле и любви ко чтению в России. «Вестник Европы», май 1802, № 9, с. 57).

Новиков в своих изданиях и журналах пытался заинтересовать публику самим изданием.

Журнал «Утренний свет» издавался с благотворительной целью. Доход с этого журнала, как известно, шел на содержание двух училищ в Петербурге. Благотворительные цели журнала «Утренний свет» дали возможность увеличить тираж. Прилагаемый в конце журнала список подписчиков показывает нам классовый состав читателей этого журнала. Все перечисленные в первых номерах журнала подписчики — аристократия и дворяне. Некоторые из этих аристократов платили двойную стоимость, и даже больше, за экземпляр. А генерал-аудитор-лейтенант П. Хлебников обеспечил журнал бумагою на целый год. Это составляло сумму около 360 рублей.

Журнал ориентировался и на провинцию. Уже при подписке на октябрь число подписчиков провинциальных значительно возросло.

В следующем номере журнала, судя по объявленному списку подписчиков, мы видим, что подписка проведена в Вязьме, Туле и др. городах.

Подписка проводилась через духовенство, журнал получался в 58 городах. В первый год тираж у журнала доходил

до 800 подписчиков. Это значительная цифра для того времени.

Филантропические цели журнала, да и вообще вся так называемая просветительная деятельность Новикова, привлекали внимание известных групп к изданиям Новикова.

Деятельность Новикова и К° надо рассматривать прежде всего в ее политической и социальной значимости. Но так как об этом существуют общие труды, а нас здесь интересует рост книжного рынка, потребителя и в связи с этим профессионализация писательского труда, то мы касаемся только частично книгоиздательской деятельности Новикова.

Новиков, человек с организаторскими способностями, развил в Москве большое книгопродавческое и книгоиздательское дело. До него в Москве существовало только две светских типографии: университетская и сенатская.

Шрифты в типографии университетской были не полные. Заказы — очень редки.

При отсутствии всякой конкуренции эти типографии работали плохо. И доходы, конечно, были ничтожные. Газета «Московские ведомости» имела не более 600 подписчиков. Впоследствии тираж этой газеты увеличился до 4000 подписчиков.

В 1779 году Новиков переселился в Москву.

По предложению М.М. Хераскова, бывшего тогда попечителем Московского университета, Новиков взял в аренду на 10 лет университетскую типографию вместе с книжною лавкою, с ежегодной платой 4500 рублей, а также с обязательством содержать на свой счет и типографских служащих.

«Я взял на откуп, — писал Новиков Булгакову, — университетскую типографию на 10 лет и принял в часть трех моих приятелей; следовательно, все дела мои будут с ними общие» («Русский архив», 1864, № 7—8, письмо Новикова к Булгакову, с. 738 (1779—1780).

Для расширения книжного рынка Новиков завел связь с комиссионерами провинциальных городов (ориентация на провинцию): в Полтаве, Тамбове, Пскове, Вологде и др., а также и с петербургскими книгопродавцами.

Из примечания: «3) Из счетов Новикова с Булгаковым видно, что по делам книжной торговли уже в 1779 г. он был в сношениях с следующими провинциальными комиссионерами: Паскевичем в Полтаве, Охлебниковым в Тамбове, Таманским в Глухове, Кожевниковым в Пскове, Степановым в Коломне, Петровым в Вологде и с неизвестными лицами в Смоленске» («Русский архив», 1864, № 7—8, примечание 3 на с. 738).

На организацию своего дела Новиков вложил около 20000 рублей.

Деньги эти он выручил с продажи отцовского имения в Мещовском уезде.

При университете Новиковым была организована учительская, или педагогическая, семинария, целью которой было подготовить переводчиков.

Здесь подготовлялись профессиональные работники, обслуживающие рынок.

Надобность в переводчиках была, очевидно, большая, так как в 1782 году при университете, кроме педагогической семинарии, была образована еще переводческая семинария.

Для поощрения переводчиков Новиков покупал два или три перевода одного и того же сочинения и печатал лучший из них.

«...Мы обязаны хранить к Новикову, — пишет в своих мемуарах И. Дмитриев, — большую признательность за то, что он распространил книжную торговлю заведением в губернских городах книжных лавок; поощрял университетских студентов, семинаристов и даже церковнослужителей к упражнению в переводах, печатая их своим иждивением и платя переводчикам с каждого печатного листа условленную цену. Такие выгоды освобождали их от уничижительного притеснения необразованных и корыстолюбивых книгопродавцев» (И.И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., изд. М.А. Дмитриева, 1886, с. 46).

Студенты переводческого и филологического семинариев занимались не только переводами, но и писали в журналы, издаваемые Новиковым: «Утренний свет», «Вечерняя заря»

и др. Большое количество прибавлений к «Московским ведомостям» требовало также их участия.

Одним из интересных прибавлений к «Московским ведомостям» был «Экономический магазин», или собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, постановлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов и проч. и проч., выходящий под редакцией агронома Андрея Тимофеевича Болотова, автора известных «Записок» (см. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», 1738—1793 гг.).

А.Т. Болотов является одним из первых профессиональных писателей второй половины XVIII века.

Его замечательные записки являются богатым материалом для изучения той эпохи и, в частности, читателя второй половины XVIII века.

Судя по библиографическим указателям Сопикова, Плавильщикова и Смирдина, Болотов занимался также и переводами, главным образом с немецкого языка.

Перу Болотова принадлежат и некоторые драматические сочинения.

Между прочим, в своих «Записках» Болотов описывает книжную лавку, виденную им в Ревеле:

«...Я увидел превеликую лавку, наполненную всю переплетенными книгами, но, к сожалению моему, не русскими, а все иностранными. Со всем тем, жадность моя к книгам была так велика, что я готов был их всех закупить...

...Книги, купленные мною при сем случае, были немецкие и состояли в нескольких романах, кроме одной, в которой имелась хиромантическая и другие, подобные тому любопытные науки» (с. 350—351).

Дальше Болотов рассказывает, как он, увлекшись одним иностранным романом, переводит его на русский язык. Мы приводим это место для характеристики читательских интересов того времени:

«...Один роман, купленный мною в Ревеле, называемый «Пикартус» и похожий несколько на «Жилблаза», прельстил меня так, что я начал его испытывать переводить, и уп-

ражнялся в том в поздние часы... («Русская старина», 1870, т. I, изд. 2-е, «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», 1738—1793 гг., с. 369).

Болотов является особой темой, и здесь мы его берем только в связи с деятельностью Новикова.

На какого же потребителя работал Новиков?

Новиков, конечно, понимал, что главным потребителем является так называемое мещанство. Об этом он пишет в предисловии к пятому изданию «Живописца».

Новиков делал установку на интеллигенцию того времени, которая могла бы вести и просветительную деятельность, не только в столицах, но и в провинции. Организаторами подписки на журнал «Утренний свет» являлось главным образом духовенство.

Данное обращение Новикова достаточно характеризует того читателя, на которого он делал установку.

«Благосклонный любитель российских древностей.

Сие издание под заглавием: *«Повествователь Российских Древностей, или Собрание разных достопамятных записок, к пользе истории и географии российской служащих»* предпринял я издавать в угодность вашу. Вы находите довольно свободного времени для прочтения сих листков, ознаменяющих некоторые черты нравов, обычаев и обрядов знаменитых наших предков. Вы не имеете отвращения от сухого, грубого и странного для нас старинного слога; вас не мучат колики от частых повторений слов, почти во всех старинных сочинениях обретающихся, ваш слух не страждет при изречении мудреного, странного и нелепого слова: Вивлиофика, и не делается вам от того, благодаря вашему рассуждению, ни апоплексии, ниже частых и жестоких обмороков. Взявши книгу моего издания, вы не чувствуете худого запаха гнили и пыль, покрывающая сии древности, не задушает вас; а всего удивительнее, что сия пыль и гниль не портят ни французского душистого парфюм-пудра, ни благовонных разноцветных помад, ни тысячи цветочных ароматического запаха вод и проч., и проч., и проч.; что все случается с теми молодыми нашими господами, которые заражены французскими нату-

ральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшениями и бесполезными увеселениями» (Послесловие к журналу Новикова. См. заметку Е. Я-на «Повествователь Древностей Российских», журнал, издававшийся Н. Новиковым в 1776 г., «Библиографические записки», 1861, № 2, с. 68—70).

Новиков, конечно, был связан с дворянством и пользовался его поддержкой.

Из писем Новикова к Я.И. Булгакову можно установить, какие книги требовались Новикову. Одновременно же можно установить и вкусы потребителя.

Например, «Влюбленный Ролланд» не расходился, и Новиков пишет по этому поводу:

«Ролланд («Влюбленный Ролланд», соч. Боярда, СПб., 3 части, в имп. тип., 1779 г., цена 15 р.) продается весьма туго, я его в некоторые места разослал, но везде с малым успехом. Дозволите ли вы мне употребить в пользу вашу еще один способ, а именно, употреблять его в промен на другие книги: авось-либо это удачнее будет» («Русский архив», 1864, № 7—8, с. 740).

«Влюбленный Ролланд» — книга, рассчитанная не на широкого потребителя. Стихотворная продукция почти никогда не имела массового распространения среди читателей.

Но книги технического и образовательного значения Новикову требовались.

«Путешествователя («Всемирный путешествователь» де-ла-Порта, 27 частей в 8-ку, 1778—1794 гг., по 100 р.) я беру на свой счет, ежели угодно вам со следующими условиями. По получении мною манускрипта, плачу я вам 200 рублей наличными деньгами за каждый том, сверх того 25 экз.: 13 на александрийской и 12 на простой; но ежели вам понадобится несколько еще и еще, то охотно тем вам служить буду; когда же, по окончании всего увража, сделаете вы поправки и проч., чем вы хотели украсить сие издание, то тогда сделаем вновь условия» («Русский архив», 1864, № 7—8, Письма Н.И. Новикова к Я.И. Булгакову, 1779—1780, с. 742).

«Всемирный путешественник» был, конечно, в плане Новикова, поэтому он и хотел его приобрести для своей книготорговли.

По свидетельству Лабзина, издателя «Сионского вестника» в Александровскую эпоху, в книжном магазине Новикова часто спрашивали пользовавшиеся в то время успехом у публики романы «Маркиз Глаголь», «Левеланд» аббата Прево и «Железную маску». Книг этих у Новикова не оказалось.

Между тем эти книги приносили как книгоиздателю, так и книгопродавцам несомненный успех.

Главными потребителями все-таки являлись низкий читатель и презираемое мещанство. Вот что мы читаем в предисловии к пятому изданию «Живописца» (журнал, издаваемый Новиковым):

«Благосклонное принятие первым четырем изданиям этого труда моего ободрило меня приступить к пятому. Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописцу» неотменно поставил бы насчет достоинства моего сочинения; но, будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, *что это сочинение попало на вкус мещан наших; ибо у нас те только книги третьим, четвертым и пятым изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся*... В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами: сии книги суть: Троянская история, Синопсис, Юности Честное Зерцало, Совершенное воспитание детей, Азовская история и другие некоторые. *Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечно для них темницею назначенных*» (курсив наш).

Несомненно, что с ростом массового читателя-потребителя увеличивался и рост книжной торговли.

О росте массового читателя и успехах книжной торговли пишет и Н.М. Карамзин:

«С 1797 года газеты сделались важны для России высочайшими императорскими приказами и другими государственными известиями, в них вносимыми; и теперь расходится

московских около 6 тысяч: без сомнения еще мало, когда мы вообразим величие империи, но много в сравнении с прежним расходом, и едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. *Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их.* Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель: одному моему знакомцу случилось видеть нескольких пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием, слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут московские газеты, хотя четверо не знают грамоты; но пятый разбирает буквы, а другие слушают» (статья подписана N [Н. Карамзиным]. О книжной торговле и о любви ко чтению. «Вестник Европы», 1802, № 9, с. 58–59).

Вот этот-то низкий, еле обученный грамоте читатель вместе с купечеством и мещанством и являлся массовым потребителем.

Для такого читателя были необходимы ударные заглавия книг и интригующее начало.

Недаром же многие книгоиздатели заглавия некоторых русских книг переделывали по типу переводных романов (см. об этом в главе «Литературный рынок до Смирдина и лубочная литература»).

«Какая б ложь ни находилась в романе, однако заглавие начинает обязывать к прочтению оного, — читаем мы в предисловии к переводному роману «Торжество невинности», — и как скоро кто увидит начало, то делается уже любопытным, чтобы увидеть и конец» (см. роман «*Торжество невинности* над неверностью, или Наказанная изменница», пер. с фр., печатано в моск. сенатской типогр., у содерж. В.О., 1788 г., с. V).

По свидетельству же самого Новикова, он издавал книги главным образом технического и просветительного характера.

Книги, рассчитанные на массового потребителя, должны были, по Новикову, носить или практический, или просветительный характер.

Так, Новиковым для массового потребления были изданы письмовники, поваренные книги (см., напр., «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов», 2 части, изд. 3, Новикова и К°, унив. тип., М., 1783).

Книги беллетристические, издаваемые Новиковым, нередко носили нравоучительный характер:

«Честной человек и плут, повесть аллегорическая, в которой под именем честного человека означается добродетель, а под именем плута пороки» (Изд. 2, 2 ч., изд. Тип. Компании, М., 1788).

Лубочная литература, пользовавшаяся успехом у купеческого и мещанского читателя, не только не издавалась Новиковым, но он боролся с ней.

Поэтому Смирдин не является продолжателем Новикова. В сознании современников Смирдина он противопоставлялся ему как новый, чисто коммерческий тип издателя и книгопродавца.

Глава III

Писатель, потребитель и литературный заработок

1

А.Н. Пыпин (см. его Историю русской литературы, т. III, изд. 4, СПб., 1911) и некоторые другие историки литературы называют Ломоносова, Тредьяковского, Сумарокова первыми профессиональными писателями.

«Ломоносов и его современники явились первыми *писателями* в настоящем смысле слова, писателями по профессии. Еще раньше Кантемир чувствовал себя и хотел быть писателем, но по обстоятельствам, еще не выясненным, его сатиры оставались при его жизни в области «письменности» и были изданы лет через двадцать по его смерти, когда уже приходила к концу деятельность Ломоносова» (А.Н. Пыпин. История русской литературы, т. III, изд. 4, без перемен, СПб., 1911, с. 433).

Это положение вошло в школьные учебники и еще до сих пор повторяется многими из наших литературоведов.

Но вопрос надо ставить в совершенно ином плане.

Мог ли существовать профессиональный писатель при отсутствии широкого потребителя и книжного рынка?

Мы говорим о рынке так называемой художественной литературы.

Рынок не мог содержать писателя, историческая роль книгопродавца для художественной литературы началась только в 20-х годах XIX века. А пока на рынок требовались переводные и компилятивного характера романы.

Поэтому нельзя считать Ломоносова, Тредьяковского и Сумарокова профессиональными писателями.

Пыпин совершенно не учитывает зависимости писателя от рынка.

Если «Английский милорд Георг» при жизни автора выдержал около семи изданий, то ясно, что автор его работал на рынок и являлся профессиональным писателем.

Но писатели, находящиеся на службе у двора и пользовавшиеся покровительством мецената, не были профессиональными писателями.

К разряду писателей-дилетантов мы относим Екатерину II. В одном из своих писем к иностранному корреспонденту Екатерина II пишет:

«Что касается до моих сочинений, то я смотрю на них, как на безделки».

Приведу еще второе ее высказывание из письма к «Живописцу»:

«...Я никаких ни требований, ни желаний не имею; пишу для собственной своей забавы».

В предисловии к «Былям и небылицам» (см. «Собеседник любителей российского слова», 1783, с. IV—VIII) читаем:

«Открывается поле для меня и моих товарищей, зараженных болячкою бумагу марать пером, обмокнутым в чернила. Печатается «Собеседник» — лишь пиши, да пошли — напечатано будет. От сердца я тому рад. Уверяю, что хотя ни единого языка я правильно не знаю, грамматике и никакой науке не учился, но не пропущу сего удобного случая издать «Были и небылицы»; хочу иметь удовольствие видеть их напечатанными».

Мы знаем профессиональные высказывания Федора Эмина. Поэтому противоположное заявление Екатерины II определяет собой другую группу писателей — писателей-дилетантов.

«За сим следовали вопросные пункты... Первый был: для чего ты так трудишься. Тут ответ на начальные слова опоздал, а ответ на последние слова послал прежде. Я молвил сквозь зубы, с малым наклонением головы: труда нет. А как дошло до *для чего*, тогда во мне разные чувства стали теснить-ся, как будто у ворот; ни одно из них не упреждало другое (построились фрунтом и некоторые из них, как молния, проскакали мимо всех, дабы рядовые не выпучились, и волнение нигде не приметно было). Между тем остался вопрос: для чего? — без ответа; авось-либо объяснится лучше впредь, и для того поступил я собою до второго ответа, спрося не строго: чего ты ожидаешь от того, свет мой? *По совести сказать, барыша я не ожидаю и за барышом не гонюсь*» (там же, Продолжение (1-е) «Былей и небылиц», курсив наш).

Заявление Федора Эмина, что он пишет для пропитания, является фактом не личной биографии Эмина, а его профессионально-писательского положения.

Ф. Эмин, как и некоторые другие профессиональные журналисты-писатели второй половины XVIII века, работал на потребителя, на рынок. Они не в такой степени зависели от *меценатов*, как, например, Ермил Костров, которого содержало правительство.

Екатерина II назначила Кострова университетским стихотворцем и платила ему 1500 рублей в год.

Кострову был заказан определенный жанр, в котором он и должен был работать.

Большинство писателей того времени зависели больше от двора и меценатов, нежели от рынка.

В. Тредьяковский с этой точки зрения является очень любопытной фигурой в литературе XVIII века.

Первое печатное произведение В.К. Тредьяковского «Езда на остров любви» было издано за счет покровителя Тредьяковского, князя А. Куракина.

М. Дмитриев в своей книге «Мелочи из запаса моей памяти» рассказывает следующее:

«При торжественном случае Тредьяковский подносил императрице Анне свою оду, он должен был от самых дверей залы до трона ползти на коленях» (М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, изд. 2. М., 1869, с. 5—6).

Сообщаемый М. Дмитриевым факт носит несколько анекдотический характер, но возможность появления такого анекдота подготовлена положением писателя при дворе XVIII века.

Собрание сочинений Тредьяковского, вышедшее в 1752 году, плохо расходилось на рынке и обошлось автору в 376 рублей 26 коп. (по тогдашнему курсу рубля это составляло приличную сумму). Тредьяковский просил вычитывать эту сумму из его академического жалования.

Некоторые из писателей смутно ощущали свое профессиональное положение.

Например, Сумароков в письме к Шувалову пишет о различии собственного литературного труда от придворного и штатского:

«*Мои упражнения ни со придворными, ни со штатскими ни малейшего сходства не имеют; и ради тово я ни у ково не стою в дороге, а труды мои ни чьих не меньше и некоторую пользу приносят, ежели словесные науки на свете пользою называются*» (см. Письма Сумарокова к Шувалову, приложение к т. I, Записки императорской академии наук, № 1, СПб., 1862, с. 41, курсив наш).

В прошении на имя ее величества тот же Сумароков по поводу своей литературной профессии, между прочим, делает такое замечание:

«А я и ныне совсем беден, ничего на свете не нажив, кроме знания стихотворства, которое не нужио; ибо у нас наши стихотворцы, не только не зная наук, но и грамоте не зная, стихи пишут и от публики похвалу заслуживают».

Здесь чрезвычайно типично подчеркнут момент зависимости писателя от мецената.

Вопрос о состоянии писателя (выражение Пушкина) для большинства того времени профессиональных писате-

лей, зависящих не от рынка, но от двора, являлся решающим. Решающим в том смысле, что заказчиком являлся меценат со своими вкусами, а не широкий потребитель.

Тот простой факт, что писатель работал не на читателя, который мог бы его содержать, являлся моментом регрессивным в эволюции литературы.

Вкусы заказчика-мецената автор должен был учесть в первую очередь. По большей части подносимые оды и трагедии издавались за счет покровителя.

К услугам мецената писателям, особенно Сумарокову, приходилось прибегать не только по профессионально-писательской линии.

Из письма и записки А. Сумарокова к князю Г.А. Потемкину, когда тот был еще графом, видим, что Сумароков вообще прибегал к материальной помощи меценатов.

У Сумарокова вместо процентов хотели отобрать дом, и он просил денежной помощи у Потемкина.

В свою очередь Сумароков предлагал Потемкину продукт своего труда, трагедию без рифм:

«Я вместо процентов и рекамбий воздам вашему сиятельству сочинением новой трагедии без рифм, как вы мне приказывать изволили. Я жду в решении вашем или спасения моего, или отчаяния; а к решению сего времени уже мало осталось. Вообразите себе мое состояние. Вашего сиятельства нижайший слуга А. Сумароков. 10 июля 1775 г.» («Литер. газета», изд. бароном Дельвигом, СПб., 1830, № 28, с. 223—224).

В то время, когда ода имела определенную социальную функцию, возможны были такие явления, как Костров, казенный одописец, состоявший на жалованье, или Василий Петров, бывший переводчиком и чтецом Екатерины и впоследствии делавший ей такие признания:

«...я имел честь некогда слыть карманным вашего величества стихотворцем» (Дневник Храповицкого, с. 555).

Таким же «карманным стихотворцем императрицы», но, пожалуй, еще более типичным был сам А.В. Храповицкий.

Державин в «Объяснении к своим сочинениям» аттестовал Храповицкого следующим образом:

«Храповицкий был хороший стихотворец и прозаический писатель, который *ввел легкий и приятный слог в канцелярские дела*» (Грот. Сочинения Державина, т. 1, с. 543, курсив наш).

Утверждение Державина о связях поэтической работы со стилем канцелярии кажется несколько неожиданным, но Державин совершенно правильно отметил ближайшую социально-бытовую установку поэтической деятельности Храповицкого.

Храповицкий принадлежал к разряду писателей-чиновников, работающих на официальный заказ, и в этом смысле приближался к чиновникам-переводчикам типа Баркова.

Разница между ними только в заказчике. Заказчиком Баркова была академия, заказчиком Храповицкого была сама императрица.

Литературная работа Храповицкого сводилась к изготовлению од на торжественные случаи и стихов, которые вставлялись в комедии и оперы императрицы.

В своем дневнике, чрезвычайно лаконичном и написанном, несомненно, не для опубликования, Храповицкий пишет:

«1787, май 28. — Переписал стихи, начатые в Бахчисарае, в похвалу князя Потемкина» (Дневник А.В. Храповицкого. Санкт-Петербург, 1874, с. 37).

В следующем году имеется такая запись:

«1788, декабрь 5. — Поднеся I акт (оперы «Горе-богатырь Косометович»), получил благодарность, но приказано выставить арии при валянии на траве, таскании изюма и игрании в свайку; правда, что они были с натяжкою» (Ibid., с. 207).

Взаимоотношения писателя и его заказчика здесь совершенно кустарные, характерные для феодальной экономики.

Заказчику не понравилась выполненная работа — «приказано выставить арии» — следовательно, мастеру-цеховику приходится все переделывать заново, и в качестве самоутешения он хочет себя уверить, что арии действительно были сделаны с «натяжкой».

Заказанная работа нередко должна была быть выполненной в определенный срок. Поэтому, например, Княжнин всегда работал очень быстрым темпом.

Приведем здесь показание о работе Княжнина и о форме ее оплаты: «...По поручению императрицы, перевел он в три недели трагедию Метастазия: Титово милосердие, за что награжден золотою табакеркою, осыпанною бриллиантами, с вензелем Екатерины» (Бантыш-Каменский. Словарь. М., 1836, ч. 3, с. 77—78).

Здесь мы встречаем знаменитую табакерку, которая будет фигурировать в литературном заработке Сумарокова, Богдановича, Державина и др.

Эта же табакерка встречается и в дневнике Храповицкого:

«1788, сентябрь 1. — Тут гр. А.М. Д.-Ма-в (граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов) дал мне табакерку, в подарок на именины от е. и. в-а» (Ibid., с. 143).

Правда, в одном случае она заменяется перстнем:

«1789, июль 28. — Поднес 2-й том «Клинкера», перевода Захарова; ему пожалован перстень» (Ibid., с. 294).

Можно было бы привести еще целый ряд показаний, но не стоит перегружать изложение цитатным материалом, так как типовой характер этих подарков уже достаточно ясен.

Важно только указать на действенность во времена литературно-бытовых традиций.

Подарки табакерок и перстней, бывшие в эпоху Екатерины естественным следствием натуральной литературной экономики, казалось бы, должны были исчезнуть ко времени Александра I, когда литература окончательно вошла в товарную фазу.

Тем не менее традиция оказалась сильней.

По другому поводу мы уже приводили рассказ о пожаловании императрицей издателям альманаха «Полярная звезда» Бестужеву и Рылееву золотой табакерки и перстней.

Несколько раньше такой же подарок получил Жуковский за собрание своих стихотворений:

«...Когда министр народного просвещения и духовных дел, князь А.Н. Голицын, представил императору Александру

Павловичу экземпляр этих стихотворений, его величество выразил автору совершенное свое удовольствие, пожаловавши ему брильянтовый перстень с вензеловым своим изображением и 4000 руб. ежегодного пожизненного пансиона» (В. Плетнев. О жизни и сочинениях Жуковского. М., 1853, с. 43).

В случае с Жуковским царский подарок сопровождается довольно солидной пенсией. Но филолог и поэт Востоков должен был удовлетвориться только бриллиантовым перстнем безо всякого денежного сопровождения.

Сведения об этом имеются в переписке адмирала А.С. Шишкова (письмо к Шишкову Новосильцева):

«Милостивый государь, Александр Семенович!

Государыня императрица в знак высочайшего благоволения к г. действительному члену императорской российской академии Востокову, за сочиненные им стихи по случаю происходившего в 10-й день сего декабря в воспитательном обществе благородных девиц торжества, всемилостивейше пожаловать ему соизволила брильянтовый перстень, который и высочайше повелеть изволила препроводить к вашему превосходительству и просить вас, милостивый государь, г-ну Востокову оный вручить» (Письмо Новосильцева, 26 декабря 1821 года. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Berlin, 1870, с. 414).

Конечно, еще и в екатерининскую эпоху были примеры, когда литературный труд оплачивался единовременным денежным вознаграждением.

Один такой пример приведен в том же дневнике Храповицкого:

«1791, ноября 13. — От архиепископа Евгения поднес напечатанные на греческом языке четыре книги Энеиды; написал благодарность, которую ее величество подписать изволила, пожаловав ему 1000 руб.» (Дневник А.В. Храповицкого, с. 383).

«Евгений Булгари, архиеп. славянский, кроме Энеиды, из Вергилия перевел он на греческий язык и его Георгики, которые посвящены Потемкину, а Энеида — Екатерине. Пере-

вод этот напечатан по указу Екатерины на счет академии» (Ibid., с. 494).

Само собою разумеется, что эти денежные меценатские вознаграждения не могли быть материальной базой для писателя.

На это обстоятельство указывает в своих записках И.И. Дмитриев:

«Херасков, писавший Россияду девять лет, награжден был за труд свой от императрицы Екатерины девятью тысячами рублей ходячею монетою, а молодой Пушкин за одну главу еще недоконченной стихотворной повести *Онегин* получил от русского книгопродавца пять тысяч ассигнациями по тогдашнему курсу» (И.И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., изд. М.А. Дмитриева, 1886, с. 34).

Писатели, зависящие от двора и меценатов, возможно, что и стремились к профессиональной свободе.

Но Тредьяковский, Сумароков, Кантемир и даже Барков презрительно относились к лубочной литературе, к «низким» писателям.

Известны следующие стихи Сумарокова, направленные против малограмотных (читай: лубочных) писателей:

Лишь только ты склады немножко поучи:
Изволь писать *Бову, Петра Златы Ключи.*

(См А. Сумароков. Собр. соч. Эпистола о русском стихе.)

Между тем лубочные писатели наряду с Эминым и А.Т. Болотовым являются первыми профессиональными писателями в России.

При этом они являются писателями, обслуживающими вкусы широкого читателя, а не кружка придворных аристократов.

Вопрос о тираже книг, впервые поставленный Виктором Борисовичем Шкловским в его книге «Матвей Комаров — московский житель», должен окончательно выяснить значение лубочного писателя.

Лубочный роман не был социально безразличным, поэтому со стороны большинства писателей-аристократов встречал презрение и замалчивался.

В XVIII веке у высокой литературы, собственно говоря, рынок отсутствовал.

Историческая роль издателя-книгопродавца у нее (высокой литературы) начинается гораздо позже, чем у лубочной.

Итак, рост профессионального писателя зависит от его потребителя на книжном рынке.

Здесь мы для иллюстрации приведем пример.

Существование профессионального писателя невозможно *при отсутствии широкого потребителя.*

Некоторые писатели, не желая пользоваться покровительством двора и меценатов, стремились к профессиональной независимости.

Мы говорим об авторе известной русской народной оперы «Мельник» А.Е. Аблесимове.

Его вещь оценило не петербургское театральное ведомство, а немецкий журнал актера Зауервейда, выходивший в 1784 г. Экземпляр со сведениями об Аблесимове находится в библиотеке имени Ленина.

Несмотря на некоторую поддержку со стороны Новикова и на успех «Мельника», А.Е. Аблесимов не мог существовать как профессиональный писатель. Тот потребитель, который был у Аблесимова, не мог содержать писателя.

Все эти чрезвычайно важные вопросы профессионального положения писателя с особенной остротой были поставлены в 30-х годах XIX века.

Мы здесь только намечаем общую линию, путь, по которому шла профессионализация писателя.

И тут мы отводим первое место лубочной литературе и лубочному писателю второй половины XVIII века.

До сих пор историки литературы замалчивали или упоминали вскользь о лубочной литературе и лубочном писателе.

Изучение массовой продукции — положение, выдвинутое старым ОПОЯЗом, уже нашло свое подтверждение в

интересных работах молодых исследователей из института истории искусств (см. сборник «Русская проза», под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л., 1926).

Но главное внимание все-таки необходимо обратить на лубочную литературу, тем более что все историки литературы обходят этот вопрос или толкуют его слишком односторонне, как, например, А. Пыпин.

Между тем вопрос о профессионализации писателя — один из основных в эволюции литературы.

В связи с вопросом профессионального положения писателя необходимо ставить и вопрос о его социальном заказчике.

Не надо только понимать термин социальный заказчик слишком прямолинейно и кустарно. Это понятие гораздо шире.

Росту профессионального писателя чрезвычайно способствовало развитие журналистики, хотя состав сотрудников у журналов был чрезвычайно незначительный. Но здесь важно то, что писатели работали на журнал, имея в виду своего потребителя.

Отдельный успех автора на книжном рынке еще не делал его профессиональным писателем. Писатель только тогда становится профессиональным, когда его потребителем и заказчиком является рынок.

К концу XVIII века труд писателя профессионализировался, и мы имеем уже группу писателей, которые пытаются объединиться по профессиональному признаку.

Мы имеем в виду проект, предложенный И.Ф. Богдановичем: «К заведению и установлению общества российских писателей».

Из примечания Я. Грота:

«Судя по приложенной записке составителя проекта, эта бумага была подана им Державину, когда последний был статс-секретарем по принятию прошений, т. е. в 1792 или 1793 году. Как записка, так и весь проект написаны без помарок рукой самого Батюшкова» («Библиографические записки», 1861, № 7).

Организовать общества Богдановичу не удалось.

Андрей Тимофеевич Болотов, автор знаменитых «Записок», считал себя профессиональным писателем и ссорился с экономическим обществом, когда ему вместо гонорара прислали серебряную медаль.

Болотов являлся редактором двух крупных периодических сельскохозяйственных журналов: «Сельский житель», экономическое, в пользу деревенских жителей служащее издание, 2 ч., М., 1778—1779, и служащее ему продолжением «Экономический магазин» — периодическое издание 1780—1789 гг., в 40 частях, прилагавшихся к «Московским ведомостям», издаваемым Н.И. Новиковым.

Болотовым, как и Комаровым, до сих пор специально не занимались. Этих писателей не считали сколько-нибудь значительными для включения в старую схему истории литературы.

Но, по нашему мнению, Федор Эмин, Матвей Комаров и Андрей Тимофеевич Болотов представляют интерес не только в вопросе о профессионализации писателя.

Болотов в своих «Записках» является не только критиком, рецензентом современных ему литературных произведений и нравоописателем быта своей эпохи. Интересен и нов сам жанр, в котором работал Болотов.

«Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» написаны в виде писем к своему другу и представляют очень любопытный образец прозы XVIII века.

Со стороны своей конструкции «Записки» Болотова представляют собой замечательный пример двухстильного произведения: начало их написано под влиянием Лесажа, а в последних главах чувствуется Стерн.

Кроме того, «Записки» Болотова построены на документальном материале, а потому особенно ценны для нашей литературной современности.

2

При выяснении вопроса о социальном заказчике и потребителе литературные гонорары могли бы послужить, пожа-

луй, не только в качестве документального и иллюстративного материала.

Если литературу содержит определенный класс, то он же должен являться и ее потребителем.

Важно выяснить, если класс содержит писателя, то в какой мере он обслуживает этот класс, т. е. как он выполняет социальный заказ.

С денежной оплатой литературного труда мы сталкиваемся только в тот момент, когда писатель начинает работать на рынок.

До того времени, когда писатель уже перестал зависеть от меценатов, не было установившейся оплаты литературного труда.

За литературный труд писатели получали *вознаграждение*.

С натуральной формой вознаграждения за литературный труд мы встречаемся очень рано, еще при царе Алексее Михайловиче.

«Дьяк Грибоедов представляет собой первый известный нам пример вознаграждения, от власти царской происшедшего, за его частный литературный труд. Он написал в 1669 г. сокращение российской истории в 36 главах, содержащее в себе повествование о событиях России от великого князя Владимира I до означенного года. Это произведение не издано в свет...

...В конце Александро-Невской рукописи сказано, что сочинитель за эту книгу получил от государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея великие и малые и белые России самодержца жалованья: 40 соболей, да в приказе 50 рублей денег, атлас, камку, да придачи к поместному окладу 50 четей 10 рублей; а книга взята к великому государю вверх (Верхняя, в верх, придворная, при дворе) («Журнал министерства народного просвещения», 1851, № 10—11, с. 41—42).

Очевидно, этот дьяк был еще на особом жаловании, так же, как и непрофессиональные писатели XVIII века.

В петровскую эпоху, как сообщает академик Пекарский, существовал обычай выплачивать жалованье типографским служащим не деньгами, а книгами.

То же явление типично и для эпохи Ломоносова, причем выдача книг в счет жалованья распространялась не только на служащих типографии, но и на служащих академии наук.

«Выдача книгами следующего жалованья, за недостатком денег, было делом не новым в Петербурге: еще при Петре Великом, когда в петербургской типографии не было в наличности сумм, то ее служителям, едва не помиравшим с голоду, выдавали книгами, которые раскупались туго, почему и хранилось их множество в книжных складах.

Получившие книги вместо жалованья продавали их за низкую цену и таким образом окончательно роняли и без того мало процветавший у нас книжный торг. При постоянных недостатках в деньгах водворился и в академии обычай удовлетворения служивших в ней лиц, вместо денежных выдач, книгами» (Акад. Пекарский. История Академии наук, т. 2, с. 357).

Самого Ломоносова содержали академия и двор.

«Ломоносов вначале, как академик, получал 660 р., потом 860; сделавшись коллежским советником — 1200; а после награждения чином статского советника — 1875 рублей.

Кроме того, он пользовался единовременными денежными выдачами за поднесение од и других сочинений (курсив наш); ему были пожалованы крестьяне и земля для фабрики, которая потом поддерживалась заказами из казны, для чего выдавались вперед значительные суммы денег.

Вот почему его современники считали, что он сделал блистательную карьеру. Так, один из значительных петербургских купцов, В. Каржавин, писал своему брату в Париж 4 октября 1754 года: «Г. Ломоносов не более, как пять лет тебя старее, из бедной самой фамилии; никто об нем для пищи не старался; всегда хлеб сам доставал и обучаться сам пятнадцати лет довольно имел. А ныне я признаю, по крайней мере, 3000 рублей и более за год достает...» (см. «Историю академии наук», Исторические бумаги Арсеньева, т. IX

сб. Русского отделения академии наук, Известие о братьях Каржавиных, с. 416).

Выдвинутое нами положение, что профессионализация писателя раскрепощала его от зависимости двора и мецената, оправдывается документальным материалом и свидетельством современников.

В чем же состояла зависимость писателя от двора и мецената? Прежде всего они являлись заказчиками.

Похвальные оды, оды к торжественному случаю — все это было рассчитано совсем не на широкого потребителя.

Было бы крайне важно проследить изменение социального заказчика, а вместе с тем и изменение литературы.

И обратно.

Получились бы характерные несовпадения. Социальный заказ не всегда совпадает с заказом литературным. Чаще всего у писателя нет в наличии тех формальных элементов, которые необходимы для выполнения социального заказа.

Но если верно положение, что жанры «изнашиваются» литературно, то с изменением социального заказчика и потребителя должна измениться и писательская установка.

Почему высокие жанры (например, ода) ушли в быт?

С изменением социального заказчика и потребителя оды уже потеряли свою прежнюю социальную функцию.

Кризис и изменение жанров обусловлены — не прямо пропорционально — заказчиком и потребителем.

Ф. Булгарин в статье под названием «Русский писатель», напечатанной в газете «Северная пчела» за 1836 год в № 16—17, пишет:

«В наше время можно обойтись уже без сандальной краски, и в литературе нашей современной исключены из списков *похвальная ода и послание к меценату*»[1] (статья «Русский писатель», подписана Ф.Б.).

Насколько же велика была зависимость писателя от двора и мецената?

[1] Курсив Ф В Булгарина

Писатель, не будучи зависим от рынка, стоял иногда в прямой зависимости от своего покровителя.

Проследим это на Сумарокове.

Первая трагедия А.П. Сумарокова была напечатана в Петербурге в 1747 г., в типографии академии наук.

Для того чтобы издать эту трагедию, Сумарокову пришлось обратиться к графу К.Г. Разумовскому, бывшему в то время президентом академии:

«...Сиятельнейший граф,

милостивый государь.

Я намерен издать сочиненную мною трагедию «Хорева» в свет. А понеже, милостивый государь, исполнение моего желания зависит от особы вашей, того ради приношу оную вашему сиятельству *для рассмотрения,* и ежели она напечатания достойна, то прошу, милостивый государь, приказать ее напечатать за мои деньги, литерами, называемыми корпус, с прокладыванием лубочком в большую октаву числом 1200 эксемпляров, с таким определением, чтоб и впредь против воли моей трагедии других едиций в академии не почитать, ибо то, что я сочинил, мне как сочинителю оного свой труд издавать приличняе, а убытку из того академической сумме быть не может.

Ежели ж для каких-либо обстоятельств сих моих стихов ныне напечатать неудобно, то прошу сию мою трагедию возвратить мне назад; ибо меня к тому, чтоб она была напечатана, ничто не понуждает, кроме одного искреннего желания тем, чем я могу служить моему отечеству. Еще прошу, сиятельнейший граф, ежели будет на то ваше соизволение, приказать употребить к тому бумагу такую, как я потребую, а денги с меня взыскать, хотя до печатания, хотя после печатания, как ваше сиятельство приказать изволите. На что ожидаю вашего сиятельства милостивого повеления, пребывая с крайним моим почтением

Вашего сиятельства

вернейшим и покорнейшим слугою

Александр Сумароков».

Октября 28 дня 1747 г.

Канцелярия академии постановила напечатать трагедию, «как он требует, на его кошт» (Бумаги академии 1747 г.).

«...когда в 1758 году Сумароков представил академии план своего журнала и хлопотал о напечатании его в академической типографии, то в журнале академической канцелярии была помещена справка, из которой оказалось, что Сумароков, несмотря на многократные требования, остался должен академии с 1748 года за прежде напечатанные им трагедии и эпистолы — 382 р. 63 к., а потому канцелярия «была сумнительна» в исправности уплаты. Этот-то долг Сумарокова, вероятно, еще и вследствие личных отношений, кроме служебных побуждений, был требуем Ломоносовым из штатс-конторы, что мы видели уже. Вследствие этого долга и не выпускали из типографии последнюю книжку «Пчелы» (Н. Булич. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, с. 180—181).

Как известно, Сумароков одно время был директором русского театра.

Русский театр занимал *партикулярное* положение, т. е. не казенное, не придворное.

«...К кому я ни адресуюсь, — пишет Сумароков к Шувалову, — все говорят, что-де русский театр *партикулярный;* ежели партикулярный, так лучше ничего не представлять... разрушить театр, а меня отпустить куда-нибудь на воеводство или посадить в какую коллегию: я грабить род человеческий научиться легко могу, а профессоров этой науки довольно. *Лучше быть подьячим, нежели стихотворцем»* (см. Письма Сумарокова к Шувалову от 20 мая 1758 г. Прибавление к I тому Записок академии наук; курсив наш).

Здесь довольно убедительно показана зависимость производителя от его потребителя и заказчика.

В другом письме Сумарокова к Шувалову он рассказывает о делах театра, в котором он служил:

«Я в службе уже двадцать восемь лет, и ежели бы я вместо театра из графского штата пошел и в отставку, что бы мне дать надлежало; ибо при отставке всем чины даются. Что я сверх бригадирского жалованья тысячу рублей получаю за установление театра, за надзирание оного и за мно-

гие мои труды к чести нашего языка; так генерал-майоры еще побольше меня получают; так я от тех, которые меня обошли и в чине и в жаловании, остался. Я в России по театру больше сделал услуги, нежели французские актеры и итальянские живописцы, и меньше их получаю. Что берет один Тардо с женою».

Нам известно, что труппы французская и итальянская пользовались особенным положением. На основании выгодного контракта эти труппы пользовались от двора, кроме помещения, еще освещением и музыкой, между тем как Сумарокову приходилось иногда откладывать спектакли за отсутствием костюмов.

Дальше Сумароков рассказывает такие факты:

«А и моя жена служила. *Гильфердинг сверх большого жалованья от двора и квартеру и екипаж имеет, не покупая ни дров, ни овса и сена, и, не имея ни детей, ни жены, с довольствием пользуется службою своею, а я не только не могу воспитать детей своих, но при нынешней несносной дороговизне и вместо допосмотрения во словесных науках и в трудах театральных упражнялся, вседневные претерпеваю нужды и никогда в надлежащее время еще и положенного своего жалования не получаю и вместо другой работы, на оставшие вещи, закладывая их и платя великие росты лихоимцам, сыскиваю себе пищу и многими хлопотами выживаю определенное мне жалованье.* Сочинений мне никаких больше в народ пускать невозможно, ибо Ломоносов останавливает у меня их и принуждает иметь непрестанные хлопоты, а он и истец и судья, а мне, опасался, чтоб я всему миру не открыл его крайнего во словесных науках невежества, крайний злодей; а ево почти все при академии боятся и противу воли угождают. Сих ради причин нельзя мне ничего сочинять, ибо ничего безо множества хлопот напечатать неудобно. Избраны ценсоры, не знаю для чего, чему и президент дивится, а что они подпишут, то еще Ломоносов просматривает, приказывая корректуру всякий лист моих изданий к себе взносить, и что ему не покажется, то именем канцелярии останавливает, а я печатаю не по указу и плачу деньги» (Письма Сумарокова к Шувалову, Приложение к I тому «Записок император-

ской академии наук», № 1, СПб., 1862, с. 41—42, курсив наш).

Литературная продукция писателя не всегда являлась товаром, так как она не всегда предназначалась для рынка.

Похвальные оды для меценатов являлись не только предметом роскоши, но и несли определенную социальную функцию.

Литературная продукция писателя все же расценивалась как товар, имеющий определенную ценность.

Поэтому когда у Сумарокова описали имущество, то включили и рукописи.

Сумароков в очень любопытном документе «Записка ради памяти» пишет: «6. Книги мои и рукописи приказано было *подканцеляристу магистральному осмотреть и поставить при них караул; хотя ни магистрат, ни подканцелярист не знают различия между оды, эклоги и элегии»* (см. «Литературная газета», 1830, № 28, с. 224, курсив наш).

Для самого Сумарокова литературное произведение имело субъективно-литературную ценность, помимо товарной. И он профессионально обиделся, когда к его произведениям поставили человека, некомпетентного в литературе.

В той же «Записке ради памяти» Сумароков указывает на подарок ему табакерки от императорского высочества.

«7. Я вместо дома моего внес в магистрат табакерку, пожалованную мне от *его императорского высочества* в знак отличной его ко мне милости; она из лучшего лапис-лазури (sic!), из лучшей золотой работы с несколькими брильянтами, из которых один красный: табакерка сия не была ношена никогда. Она стоит двух тысяч рублей по малой мере и, следовательно, всего моего Демидову долга. Другая табакерка, подаренная мне от графа Алексея Григорьевича Разумовского, *пожалованная ему блаженной памяти государыней* и подаренная мне ради вечного о нем воспоминания, стоит по малой мере семь сот рублев» (Ibid., с. 224).

Награда табакеркой являлась обычным делом для поэтов XVIII века.

Эта традиционная табакерка встречается и у Богдановича, и у Державина.

«В один день, когда автор обедал у сего своего начальника, принесли ему почталионом бумажный свиток с надписью: «Из Оренбурга от киргизской царевны мурзе Державину». Он удивился и, распечатав, *нашел в нем золотую, прекрасную, осыпанную бриллиантами табакерку и в ней 500 червонных»* (Записки Державина, с. 242).

Традиционная табакерка и награда перстеньком свидетельствуют о том, кто являлся для поэта главным заказчиком, на кого он должен был главным образом ориентироваться.

Находясь в таком зависимом положении от мецената, писатель не имел профессиональной свободы и авторского права.

Сумароков обижается, что его драмы играют содержатели независимо от его желания, не уплачивая ему гонорара.

«16. Драмы мои и трагедии играют содержатели, продавая и покупая выхоженную мною привилегию, и не только отняв у меня ложу, но и отказав мне дать билеты, нарушая сочиненные со мною прежними содержателями контракты; и довольствуются доходом моих трудов они, а не я» (Op. cit., с. 224).

При таком состоянии профессионального положения писателя, при отсутствии авторского права писатель, естественно, не только обращался к своему меценату, но и дорожил им.

Сумароков именно указывает на нарушение законов авторского права, которое тогда еще не существовало.

«Драмы напечатаны, но они напечатаны ради чтения, а не для публичного представления, чего нигде и никогда не делалося, где театральных стихотворцев и много, да и здесь, исключая меня, ни с кем того, где и контрактов не было, не делалося. А я театры основал не ради огорчения себя, но ради прославления моего времени и моего имени. 11 ноября 1775 года. А. Сумароков» («Литературная газета», 1830, № 28, с. 224—225).

Но Озеров уже предлагает свои требования, которые выполняются, потому что есть публика, требующая его вещей.

Поэтому Озеров уже заключает договор, хотя и неофициальный.

Главное — то, что есть потребитель и вещь автора приносит прибыль.

Озеров пишет Оленину по поводу своей трагедии («Поликсена»):

«Захотите ли дружески меня одолжить и принять на себя договор с его высокопревосходительством? Сей договор короткий: если Александру Львовичу угодно будет заплатить мне от театральной дирекции три тысячи рублей выводу, то предаю мою единородную дочь на позорище как Петербурга, так и Москвы. Убедите Александра Львовича [Нарышкина, директора императорских театров], чтобы не спорил о цене; право, лишнего не прошу, считая, что на обоих столичных театрах за одно представление дирекция выручит свои деньги. Я и за «Дмитрия Донского» не настоящую цену взял, получив только две тысячи пятьсот рублей».

Вещь Озерова была написана не только по заказу, но и к определенному моменту. Выражаясь нашим языком, для «проводившейся кампании»:

«Трагедия, как говорили, и теперь, может быть, говорят, *по обстоятельствам написанная, — следовательно, представление не надобно было мне задерживать торгом, чтобы обстоятельства не прошли; они же так скоротечны в нашем веке.* Когда же суд наших общих приятелей одобрит «Поликсену», но Александр Львович не соизволит на просимую мною цену, обратите мне рукопись назад; долежится, может быть, до лучшего времени, а я с моей стороны ни рублем не спущусь. Если публика по своей благосклонности считает во мне некоторый талант, то пора признать в России, *что таланты не для дневного пропитания трудятся*» (Письмо В.А. Озерова к А.Н. Оленину, 29 октября 1808 г., из села Казанского, «Русский архив», 1869, с. 130—131, курсив наш).

Озеров делает установку на успех в публике. Писательская установка изменилась, потому что изменился потребитель.

Озеров получает определенный гонорар за постановку «Поликсены»:

«Четыре дня тому назад порадован был вашим письмом, тем более что из него вижу новое еще доказательство вашей продолжающейся ко мне дружбы. Ей одной могу приписать чудо, что Александр Львович согласился на выдачу 3000 рублей за «Поликсену», чего он и не захотел заплатить и за «Дмитрия», хотя по тогдашним обстоятельствам можно было полагать, что та трагедия будет иметь вернейший успех» (Письмо В.А. Озерова к А.Н. Оленину, 25 марта 1809 г., из села Красного Яра, «Русский архив» 1869 года, с. 141—142).

В первое десятилетие XIX века гонорар перестает быть особенностью театрального быта. К этому времени, как уже указывалось выше, гонорар делается обычным явлением в лубочной литературе, в практике переводов иностранных романов и, наконец, в журналистике мы имеем случаи оплаты редакторского труда и оплаты, по тому времени немалой. Таким оплачиваемым редактором был Карамзин, работавший в «Вестнике Европы»:

«Кстати скажу, что он (И.В. Попов) был настоящим издателем «Вестника Европы» с самого основания этого некогда знаменитого журнала. Сделавшись хозяином университетской книжной лавки и типографии, он придумал очень умно: издавать журнал, где соединялась бы с литературой политика. С этой мыслью он обратился к Карамзину, который был тогда не в блестящем положении. С величайшею готовностью принял Карамзин предложение Попова быть редактором журнала за определенную плату (кажется, за 2000 рублей в год), обдумал и составил план издания с обычным своим искусством, и предприятие оказалось так удачно, что Карамзин сам не ожидал подобного успеха. По выходе первой книжки он сказал Попову, что по справедливости можно увеличить плату, условленную за редакцию. — «Совершенно согласен и прошу вас самих назначить прибавку», — отвечал Попов. Сколько, думаете вы, назначил Карамзин?.. Тысячу рублей. Разумеется, Попов согласился беспрекословно» (Записки К.А. Полевого, с. 88).

Некоторые русские писатели, аристократы и дворяне даже в 20-х и 30-х годах XIX века еще гнушались гонораром.

И только профессиональные писатели, как, например, Пушкин и особенно журналисты — Греч, Булгарин, считали гонорар делом обычным.

Булгарин в «Записках Чухина» жалуется на зависимость писателя от издателя и рынка.

«Хотите оставаться автором, так должны отдать ум свой на *комиссию* книгопродавцам, с уступкою 20 и 30%, или продать им, по 30 копеек за рубль, а сверх того вы должны подчиниться их воле и расчетам» (Ф. Булгарин. Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни, Сочинения, ч. I. СПб., 1833, с. X).

В противоположность Булгарину Николай Иванович Греч расценивает эту денежную зависимость писателя как положительное явление:

«С недавнего только времени занятия литературою начали давать у нас выгоды существенные, т. е. денежные. Еще недалеки те времена, когда напечатать книгу или предпринять издание журнала значило задолжать в типографию и в бумажную лавку. Ныне постоянное занятие по какой-либо части словесности и наук непременно принесет и верную прибыль. Это важно для успехов литературы. Странно, что у нас считают вещью — не то чтоб неблагородною или непозволительною, а как-то неловкою трудиться по наукам или словесности *из платы*» (Н. Греч. Полное собрание сочинений. СПб., 1855, т. 3, с. 343).

Здесь мы видим, что к 30-м годам гонорар становится «идеологической» нормой для профессионалов, главным образом для журналистов.

Глава IV

Академический переводчик и срамной поэт Иван Барков

Неизвестно, объясняется ли это канонами старой истории литературы или какими-нибудь случайными причинами, но поэт Иван Барков, известный до сих пор в широких массах главным образом по апокрифическим непристойным стихам и анекдотам, еще ни разу не был предметом серьезного научного исследования.

Между тем биография и работа Баркова чрезвычайно показательны для того периода русской литературы XVIII века, когда еще не было литературного рынка и, следовательно, не было профессиональных писателей.

Естественно было бы предположить, что вся литература того времени была делом дворян-дилетантов.

Но диалектику исторического ряда нельзя сводить к таким простым и односторонним схемам.

В действительности развитие литературного быта было много сложней и, как всегда, шло по различным линиям.

Наряду с писателями-дилетантами, имеющими внелитературные доходы, в эту

эпоху существовали литературные работники, которые жили своим трудом, но экономически и социально принадлежали не к разряду профессионалов, а к разряду чиновников.

Первой литературной квалификацией этих работников было звание переводчиков, и высшим достижением — переход в чин придворного поэта.

Такой именно путь проделал переводчик Василий Кириллович Тредьяковский.

Но для нас интересны обычные условия труда переводчиков.

Очень хорошо рассказывает об этом переводчик Кирьяк Кондратович в своем доношении, поданном в канцелярию академии наук:

«Начал еще в Екатеринбурге российский этимологический лексикон с латинским переводом по Целариеву и по Фабровому образцу, по первообразным производным и сложным именам, коих имен более ста тысяч находится, о чем я сочинил латинскую диссертацию, читанную гг. профессорами, потом перевел я данную мне книгу из академии через г. Тавберта, Светона о 12 цесарях, разные диссертации Беэровы, Шебтенневы, Ригеровы, все ландкарты по ордерам Шумахеровским, Роленовы и стихи Катоновы, при истинной политике положенные (с утаением моего имени), 2 оды Овидиевы, напечатанные в «Трудолюбивой пчеле», завещание о бароне Сергие Григорьевиче Строганове, стихами русскими и латинскими, *напечатанными на моем коште,* и прочие; по представлению от сената награжден коллежским асессором, но остался при том же 300 руб. жалованьи, ибо академическая канцелярия рапортовала, что прибавить мне не из чего, но асессору по штату положено 600 руб. в год, и хотя я о том просил, но мне отказано без надписи...» («Библиографические записки», 1858, № 8, с. 228—229).

Мы видим здесь, что для того, чтобы выйти в высокую литературу, переводчику нужно было жертвовать заработком и печатать свои произведения — «на своем коште», т. е. на свой счет (ср. здесь историю печатания В. Тредьяковского).

Следует заметить, что, кроме жалованья, переводчикам иногда за отдельные работы выдавались единовременные денежные вознаграждения:

«...и сверх того там перевел я 30 книг Кромера, историка польского, за которые мои переводы выдала мне академия там сто рублев и еще впредь наградить меня обещала, а по приезде сюда еще сто рублев мне отдано за Далевы переведенные мне оракулы, за Гельмолда и Арнольда о славянах, за компут астрономический, за Плиниеву географию и за протчие...» («Библиографические записки», 1858, № 8, с. 228).

Установление нормы жалованья зависело всецело от распоряжений главного начальства, причем естественно, что здесь возникали все явления бюрократического порядка, начиная от протекционизма.

На это обстоятельство и указывает Кондратович:

«...В 1760 году пожалован я за то коллежским асессором с тем же жалованьем, ибо академия представила, что не с чего более дать, хотя Лебедев, молодшим будучи переводчиком, получал и получает 350 руб., а по штату академическому положено 600 руб. (сбоку приписка: хоть и тогда Тредьяковского 660 руб. и ныне Миллерово жалованье 1800 руб. осталось)» (Кирьяк Кондратович. Доношение. «Библиографические записки», 1858, № 8, с. 236).

Было бы ошибочно предположение, что Кирьяк Кондратович принадлежал к числу переводчиков особенно низкой квалификации.

Наоборот, именно его выделял И. Дмитриев, говоря о литературе доновиковского периода:

«...Еще за несколько лет до типографического общества мы уже имели в переводе с греческого языка Гомерову «Илиаду» и «Одиссею», первую перевода Якимова, вторую Кириака Кондратовича...» (И.И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, с. 45).

Следовательно, в вопросе о низком уровне оплаты переводчика мы имеем не индивидуальное, а типовое, социальное явление.

Переводчики первой половины XVIII века работали на литературу, но оставались в пределах департаментов.

И только на этом фоне разъясняется небывалая в литературе фигура Баркова, переводчика академии наук, переводившего Федровы басни и сатиры Горация и бывшего одновременно поэтом, все произведения которого непечатны.

Литературный рынок XVIII века был очень узким. Благодаря ограниченности читательского круга этот рынок не мог поглощать стихотворную продукцию отдельными изданиями, и поэтому даже представитель победившей поэтической школы Сумароков сумел издать только один сборник своих лирических стихотворений в 1769 году.

В немногочисленных журналах действовала группа сумароковцев, усложнявших лирическую традицию учителя (об этом см.: Г. Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927).

По инерции продолжала существовать каноничная форма оды.

Известно, что и Барков написал одну оду на рождение Петра III, нимало не порнографическую.

Представление о ней дает следующий отрывок:

Един монарх — судья и воин.
Един в двух лицах просиял.
Петра великого геройством,
Щедротой, кротостью, спокойством
Являешь ты, Елисавет.
Натура чудо днесь открыла —
В тебе слиянны два светила
Дают России больший свет...

(Ода на всерадостный день рождения его величества благочестивейшего государя Петра Феодоровича, императора и самодержца всероссийского и проч. и проч., сочиненная Иваном Барковым, печатана в С.-Петербурге, 1762.)

По своей ритмико-синтаксической конструкции эта ода могла бы войти в жанровую систему Ломоносова. Мы видим здесь типичный для Ломоносова инверсивный и эллиптический синтаксис, примером которого может служить нагнетание существительных в третьей и четвертой строках отрывка с последующим разрешением в пятой.

Но развертывание словесного материала в этой оде идет не по ломоносовской линии метафорического словоупотребления, а по линии использования основных признаков значения в слове.

Уже в этой оде намечается установка Баркова на предметное значение слова, на слово-термин, столь ярко проявившаяся в нецензурных его стихотворениях.

Не надо думать, что эта установка связывала Баркова с антагонистом Ломоносова — Александром Сумароковым. Здесь были гораздо более сложные отношения, потому что Барков принадлежал к третьей, младшей литературной линии.

Первые порнографические вещи Баркова «Трагические безделки» имели определенное литературное значение: они были направлены именно против Сумарокова.

Это были пародии или, если будет позволено воспользоваться великолепной терминологией того времени, «перевороты» трагедий Сумарокова.

В них было комически использовано несоответствие ритмико-интонационного плана и непристойного лексического наполнения.

Перевороты Баркова вполне можно сопоставить с литературными явлениями того же порядка, например, с пародией Ломоносова на Сумарокова (относящейся к 1784 году):

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет.
И ....
Закашлявшись оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть нетронута взирала.

Эта пародия дает нам яркое отражение борьбы Ломоносова с Сумароковым за высокую лексику против разговорной. Сумароковский эпитет «нетронута» (сердцем) окрашивается нецензурной строкой и переводится в «низкий» семантический план.

Вообще же традиция порнографического пародирования, как очень эффективное средство, была сильна в русской литературе не только в эпоху Сумарокова и Баркова.

Пародии Баркова сильно задели самолюбие Сумарокова, и Сумароков начал борьбу с Барковым на обоих фронтах — литературном и бытовом.

Как литературное проявление этой борьбы до нас дошла комедия Сумарокова «Ядовитый», в которой имеются выпады против Баркова и против другого, столь же остроумного и смелого сумароковского врага, Федора Эмина.

Последний факт, между прочим, отмечен в ценной работе В. Семенникова: «Русские сатирические журналы XVIII века», но там ему дано слишком одностороннее освещение.

В. Семенников сообщает следующее:

«Эмин был также выведен Сумароковым в его комедии «Ядовитый» под именем Герострата.

В. Стоюнин в своем сочинении «Александр Петрович Сумароков» (СПб., 1856 г.) говорит, что «под именем Герострата Сумароков, кажется, не хотел представить какую-нибудь определенную личность, потому что лицо это напоминает нам несколько разных личностей». Стоюнин указывает, что в одном месте Сумароков выводит Эмина. «Вслед за тем, — говорит Стоюнин, — тот же самый Герострат представляет нам Баркова, который пародировал Сумарокова в самых циничных стихах». Герострат говорит, что он автор «сатир, комедий и пародий». Мы полагаем однако, что в комедии Сумарокова выведен один Эмин: подобно Баркову он также писал *сатиры* на Сумарокова, причем одна из них, грубо задевающая семейную его жизнь, напечатана в «Библиографических записках» 1859 г., № 17, с. 516, в статье А.И. Афанасьева: «Образцы литературной полемики прошлого столетия» (В. Семенников. Русские сатирические журналы XVIII века. СПб., 1914, с. 30).

Здесь мы позволим себе не согласиться с уважаемым исследователем журналистики XVIII века. По нашему мнению, прав Стоюнин: комедия Сумарокова имеет двойное полемическое задание — против Эмина и против Баркова.

Для того чтобы доказать это положение, мы воспользуемся фактическим материалом — одним из диалогов комедии:

«*Клитандр.* Ваше колкое перо всему просвещенному свету столько гадко, сколько правилам разуму и слуху противен склад ваш.

Герострат. Кто знает языков целую дюжину, так, кажется, тому писать можно.

Клитандр. Двух или трех языков вы слов несколько знаете, это и я засвидетельствую.

Герострат. Изрядно. И кто всю подсолнечную изъездил.

Клитандр. Частию во сновидении.

Герострат. Изрядно. И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом, и монархом на престоле.

Клитандр. Одна истина.

Герострат. Изрядно. И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Иерусалиме, и в Медине.

Клитандр. Это правда.

Герострат. Кто знает историю Сима, Хама и Иафета так подробно, как будто бы с ними век прожил купно.

Клитандр. Это вам одним известно.

Герострат. Кто был лейб-медиком у великого могола, обер-штальмейстером у богдыхана, обер-кригскомиссаром у Кутухты.

Клитандр. А вы, сударь, пиит.

Герострат. Как же не так, когда я автор сатир, комедий и пародий. Комедии мои на кабаках читаются: трагические сцены, представляемые при дворе, я в сквернословие и в ругательство автора обращаю, а сатиры мои прибиваются на заборах» (А.П. Сумароков. Ядовитый. Собр. соч. М., 1781, с. 187).

Несомненно, что в первых репликах диалога есть прямые памфлетные выпады против Эмина: 1) знание дюжины языков (см. в главе об Эмине сведения о его полиглотизме); 2) путешествия по «всей подсолнечной» (факт биографии Эмина); 3) изучение на опыте разных богослужений (тоже биографическая подробность. Сам Эмин сообщал, что от рождения он был католиком, в Турции принял магометанство, а по приезде в Россию — православие); 4) знание истории

Сима, Хама и Иафета (возможно, что это намек на фантастическую русскую историю Эмина); 5) можно думать, что указание на «гребца, прикованного на галере», связано с романом Эмина «Непостоянная Фортуна, или похождение Мирамонда», СПб., 1763 г., в которой герой Мирамонд претерпевает подобное злоключение. И, наконец, 6-й момент, рассмотренный самим Семенниковым: «лейб-медик у великого могола» — отголосок какого-то анекдота, связанного с авантюрами Эмина.

Мы можем прибавить еще, что слова Клитандра о «противном правилам разуму и слуху складе» Герострата тоже могут иметь личную направленность против Эмина.

С точки зрения поэтики Сумарокова стиль Эмина, его напряженные интонации и тяжелый, запутанный синтаксис, несомненно, должны были казаться преступлением против нормы.

Но все-таки высказывания Герострата о пародиях целят в иную мишень — не в Эмина, а в Баркова. «Трагические сцены, представляемые при дворе и обращенные во сквернословие и в ругательство автора», есть не что иное, как «Трагические безделки» Баркова, показанные в аспекте дворянского презрения Сумарокова.

Сумароков, желая сразу поразить в своей комедии обоих своих злейших литературных врагов, создал контаминированный образ. Герострат — это какой-то чудовищный кентавр, Эмино-Барков.

О том, как сильно Сумароков ненавидел Баркова и к каким внелитературным приемам он прибегал, чтобы опозорить противника, свидетельствует один официальный документ.

Это заявление Сумарокова в канцелярию академии наук по поводу цензурных помарок на сумароковском журнале «Трудолюбивая пчела».

Со свойственным ему гиперболизмом ощущений Сумароков объясняет эти помарки тем, что цензор был пьян при цензуровании журнала.

Этот контекст позволяет Сумарокову мимоходом затронуть биографические черты своих литературных врагов — Баркова и Ломоносова.

«...Не первый пьяница меня уже из ученых пьяниц обидит. Есть еще такой же Барков и другие, о которых академии не меньше меня известно. Апреля 22 дня 1759. Александр Сумароков» (П. Пекарский. История академии наук. СПб., 1874, т. 2, с. 657).

Полемический прием Сумарокова интересен для нас только как показатель степени его литературной вражды, потому что из биографии самого Сумарокова нельзя вывести заключения о том, что он был принципиальным противником вина.

Деятельность Баркова в дальнейшем раскололась на две линии: в литературе он до своей смерти оставался чиновником-переводчиком заказанных академией книг. А в быту расходились его знаменитые непристойные стихи, объединяемые в списках под заглавием «Девическая игрушка».

О методах академической работы Баркова имеется запись в воспоминаниях Шлецера, презрительно называющего Баркова «академическим канцеляристом».

Разговор идет об издании академией одной из ценнейших русских летописей — так называемого «сводного Нестора», 1762 г.

«...Тауберт, не истинный ученый по профессии, обремененный несравненно важнейшими делами, но все же не был такой человек, от которого можно было бы ожидать успешного издания средневековой летописи. Печатание, корректуры и все дело он передал не ученому (однако знающему по-латыни) академическому канцеляристу Баркову. Несчастный выбор, потому что этот человек сверх недостатка учености имел еще и ту слабость, что часто бывал нетрезв. И что еще более увеличило зло — З. Тауберт позволил или, лучше сказать, приказал этому издателю: 1) изменять старую орфографию или поправлять ее; 2) пропускать целые отрывки неисторического содержания, как-то: религиозные рассуждения со многими цитатами из библии (которые могли быть полезны при собирании вариантов); 3) непонятные

места изменять по догадкам и делать их понятными; старые, обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков.

Такого издания древних важных летописей XVIII столетия не видано ни у одного просвещенного народа. Это та самая книга, о которой рецензент «Allgemeine Lit. Zeitung» несколько раз выражался в следующем тоне: «Такой-то автор говорит то-то и то-то; но мы можем сообщить ему более основательные известия из русского летописца XI столетия — Нестора, который лежит перед нами». Нет! не русский летописец XI столетия лежал перед ним, а русский канцелярист XVIII столетия Барков и, вероятно, даже не он, а его немецкий переводчик, третий подделыватель» (Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, описанная им самим, с. 59—60).

Само собой разумеется, что если Барков был «академическим канцеляристом», т. е. лицом исполнительным, то он мог бы переадресовать упреки Шлецера к своему начальнику Тауберту.

Гораздо более сочувственную заметку о Баркове написал другой его современник — Штелин:

«Барков — переводчик с латинского при академии, который вследствие своего беспорядочного поведения был то адъютантом, то студентом, то писцом, сделался известным своими острыми сатирами на необразованных стихотворцев.

При восшествии на престол его имп. величества Петра III (1762) напечатал он без подписи своего имени прекрасную оду в 4-ку и за это получил звание переводчика от президента академии.

Его главнейшее и полезнейшее занятие при академии состоит в исправлении русского стиля в переводах и в других сочинениях, назначенных для печати. Он почти совсем переделал и издал в 1761 году в 4-ку перевод Телемака, напечатанный Хрущевым в 8-ку еще в царствование императрицы Анны Иоанновны. Кроме того, он давно уже начал сам переводить Телемака стихами» (Записка Штелина. «Москвитянин», 1851, № 2).

В этом отзыве даже порнографические сатиры Баркова рассматриваются как литературный факт.

Очень ценно указание, встречающееся только у Штелина, о том, что Барков, параллельно с Тредьяковским, переводил Телемака. Если это указание верно, то оно показывает, что Барков в начале своей литературной деятельности делал установку на обновление стихотворного языка.

Об этом говорит и книга переводов Баркова, изданная с параллельными латинским и русским текстами. Называется она: «Басни Федра, Августова отпущенника. Перевод с латинского стихами Ивана Баркова. СПб., 1764; 2-е изд. СПб., 1787».

Язык переводов Баркова даже для нашего времени не кажется столь устаревшим и обветшалым, как хотя бы язык Ломоносова. Это происходит потому, что поэтическая лексика Баркова целиком складывается из элементов разговорного языка.

Приведем в качестве иллюстративного материала одну из этих басен:

БАСНЬ 18

Жена, родами мучащаяся.

На ту же лошадь сесть боится всякой боле,
Которая ногой ударила дотоле.
Ходила на часах беременна жена,
И уж совсем родить должна была она.
За тем, что ей пора урочна миновала,
Металась по дому и тяжко воздыхала,
Просил муж, чтоб жена на мягкий одр легла,
На коем бы родить удобнее могла.
На то жена ему ответствовала прямо:
Не мню, чтоб помогло б мне то же место само
И от болезни чтоб моей я там спаслась,
Где прежде оная, как знаешь, началась.

(Федра басни. Пер. Ивана Баркова. СПб., 1764.)

Но значительно интереснее те стихотворения Баркова, которые были сделаны не по казенному, а по социальному заказу — на актуальную злободневную тему.

К сожалению, принадлежность их Баркову не может быть с точностью установлена, так как естественно, что они дошли до нас в списках.

И если в одном списке их приписывают Баркову, то в другом — Ломоносову или даже Сумарокову.

Общеизвестен знаменитый спор о бородах, который был поднят из быта в литературу Ломоносовым и Тредьяковским и скоро сделался доминантой их литературной полемики.

П.А. Пекарский приводит в «Истории академии наук» очень много стихового материала на эту тему и, между прочим, следующее стихотворение:

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ПЕРЕОДЕТУЮ БОРОДУ

О, страх! О, ужас! гром, ты держишь за штаны,
Которые висят под ртом у сатаны,
Ты видишь, он за то свирепствует и злится;
Дырявый, красный нос, как пещ халдейска, дмится,
Огнем и жупелом наполнены усы.
О, как бы хорошо коптить в них колбасы!
Козляты малые родятся с бородами.
Коль много почтены они перед п...
О, польза! я одной из сих пустых бород
Недавно удобрил бесплодный огород.
Уже и прочие того себе желают
И принести плоды обильны обещают.
Чего не можно ждать от сих мохнатых лиц,
Где в тучной бороде премножество п...
Сидя и меж собой, как люди рассуждают,
Других с п... бород не признавают,
А признают лишь тех, кто молвит про козлов:
Возможно ль быть у них так много волосов?

(П. Пекарский. История академии наук, т. 2, с. 606.)

Пекарский указывает, что в одном из списков это стихотворение приписано Ломоносову, а в другом, имевшемся у Пекарского, Баркову.

По лексическому составу этого стихотворения и по методу развертывания словесного материала мы склонны предположить, что оно принадлежит Баркову.

Его заостренная целевая установка вызвала даже недвусмысленный анонимный донос, причем автор доноса приписал стихотворение творчеству Ломоносова.

Донос этот также приведен у Пекарского, но мы выписываем здесь только наиболее яркие места:

«...В недавнем времени проявились в народ пашквильные стихи, надписанные «Гимн бороде», в которых недовольно того, что тот пашквилянт, под видом якобы на раскольников, крайне скверные и совести и чести христианской противные ругательства генерально на всех персон, как прежде имевших, так и ныне имеющих бороды, написал; но и тайну св. крещения к заразительным частям тела человеческого наводя, богопротивно обругал и через название бороду ложных мнений завесою всех святых отец учения и предания еретически похулил.

...И, не удовольствуясь тем, еще опосле того вскоре таковой же другой пашквиль в народ издал, в коем между многими уже явными духовному чину ругательствы, безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит, а при конце, точно, назвавши их козлами, упомяненную ему при рассуждении церковную клятву за едину тщету вменяет» (Пекарский, op. cit., с. 603).

О том, что Барков был политически далеко не безразличный поэт, свидетельствует другое его стихотворение, написанное на ту же тему, — «О бородачах, нападающих на безбородых еретиков»:

Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь.
Но время то прошло, чтоб наше мясо печь.
Спаси, о Боже, нас от зверского их гнева!
Забыли то они, как ближнего любить, —
Лишь мыслят, как его удобней погубить
И именем твоим стремятся только твердо
По прихотям людей разить немилосердо.

(П. Пекарский. История академии наук, т. 2. СПб., 1873, с. 206.)

Для воссоздания Баркова в исторической перспективе вовсе неважны такие факты биографического порядка, как его склонность к водке, так как пьянство было в ту эпоху не индивидуальным, а типовым явлением в быту литераторов.

Прежде всего нам необходимо собрать и заново пересмотреть отзывы современников Баркова о его работах.

Одна из самых ранних заметок о Баркове принадлежит Дмитревскому. Она была напечатана в немецком журнале: «Neue Bibliographie» в 1768 году.

Текст ее следующий:

«22) Iwan Barkov, Translateur bey der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, hat die Satyren des Horaz und Aesopens Fabeln ziemlich gut in gebundener Schreibart übersetzt. Seine galanten Gedichten verhallten einen lustigen und muntern Kopf, hauptsächlich im Burlesken, in welcher Art er eine Menge Gedichte herausgegeben hat. Nur Schade das hin und wieder der Wohlstand beleidiget wird» (Nachricht von einigen Russischen Schriftstellern nebst einem Kurzen Berichte vom Russischen Theater, «Neue Bibliographie» 1768).

Приводим здесь не совсем точный перевод этой заметки, сделанный П.А. Ефремовым:

«22) Иван Барков, переводчик при академии наук в Петербурге, довольно хорошо перевел в стихах сатиры Горация и басни Езопа. Его стихотворения обличают веселую и бодрую голову, особенно в шуточном роде, в котором он издал множество стихотворений. Жаль только, что местами они оскорбляют чувство приличия» (П. Ефремов. Материалы к истории русской литературы. СПб., 1867, с. 140).

В переводе Ефремова пропущен очень характерный эпитет «Galanten gedichten» (галантные стихотворения), представляющий собой попытку переключения поэзии Баркова на западноевропейские жанры Poêsie fugitive, с которыми она, конечно, не имеет ничего общего.

Но только в этом плане можно было ввести творчество Баркова в сознание его западных современников.

Н.И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря» называет Баркова автором многих «целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, чему веселый его нрав и беспечность много способствовали; все сии стихотворения у многих хранятся рукописями».

Эти отзывы свидетельствуют о том, что литературная работа Баркова частью современников оценивалась как положительное явление.

Переоценка Баркова начинается только в XIX веке.

Но еще Карамзин в своем «Пантеоне» идет по пути Дмитревского и переводит Баркова в план иностранной фривольной литературы (Скаррон):

«...Барков (Иван).

Переводчик при императорской академии наук.

Когда родился *неизвестно*, умер в 1768 году.

Перевел Горациевы сатиры и Федровы басни, но более прославился собственными, замысловатыми стихотворениями, которые хотя и никогда не были напечатаны, но редкому неизвестны. Он есть Русской Скаррон и любил одни карикатуры. Рассказывают, что на вопрос Сумарокова, кто лучший поэт в России, студент Барков имел смелость отвечать ему: «Первый Ломоносов, а второй я» (Н. Карамзин. Пантеон российских авторов. М., 1802, ч. I, тетр. 4).

Сравните здесь значительно более поздний по времени отзыв митрополита Евгения:

«Барков Иван Иванович, бывший переводчик при С.-Петербургской академии наук, обучавшийся в академической же гимназии. Из сочинений его известны: 1) *сокращение* российской истории от Рюрика до Петра Великого, но оно не издано; 2) описание жизни Антиоха Кантемира и примечания на его Сатиры, напечатанные при сих же сатирах в С.-Петербурге 1762 г.; 3) известнее же всего весьма многие *бакханальные и эротико-приапейские его стихотворения,* а также многие срамные пародии на трагедии Сумарокова и другие, которые все составляют в рукописях несколько томов» (Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей. М., 1845, ч. I, с. 19).

Во всех этих отзывах замечательна одна черта — транспонирование поэзии Баркова на иностранную эротику — от Скаррона до античности (у Болховитинова). Это была единственная возможность возвратить Баркова литературе, из которой он явно выпадал.

Ощущение прошедшего литературного этапа как динамической категории почти невозможно.

Прошлое кажется неподвижным, потому что его уже нет. Так совершается статическое осознание когда-то живого явления — его эстетизация.

Но материал литературной работы Баркова был слишком специфичен для того, чтобы заэстетизироваться.

Первые отзывы о Баркове с определенно-отрицательной установкой появляются только в 30-х годах.

Такова заметка в словаре Бантыш-Каменского, в которой сравнение Баркова с Пироном нейтрализуется язвительной и весьма реакционной оценкой западной образованности.

«Барков Иван Семенович[1], переводчик при императорской академии наук.

...Он может равняться с Пироном, которого, благодаря просвещению, печатают в чужих краях; между тем как у нас в России, *еще необразованной*, хранят под замками рукописи Баркова и то одни охотники подобного чтения» (Дм. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836, ч. I, с. 94—95).

Приведем еще заметку в Плюшаровском Энциклопедическом лексиконе:

«Барков Иван Семенович, переводчик академии наук, обучался в академической гимназии и имел очень хорошие способности и остроту. Но эти достоинства совершенно затмил страстью к пьянству, которая довела его до скотского состояния и истребила в нем все семена нравственности. Он имел дар к насмешкам. Но почти всегда плоским, а предметом их был Сумароков, которого трагедии он переделывал на свой лад. *Этих пародий нельзя читать без отвращения: так они срамны*. Впрочем, нельзя не пожалеть, что он унизился до такой степени, имея редкую способность к стихотворству» (Энциклопедический лексикон Плюшара. СПб., 1835, т. 4, с. 359).

[1] Отчество Баркова с точностью не установлено. В одних источниках он именуется Иваном Ивановичем, в других — Иваном Семеновичем и (значительно реже) — Иваном Степановичем.

Замечательно, что через полвека после Энциклопедического лексикона проф. С.А. Венгеров в своем сборнике «Русская поэзия», на основании специального изучения списков со стихами Баркова, счел возможным повторить только сетования на грубость этих стихотворений:

«...Может быть, с полдюжины пьес и найдется у Баркова, не лишенных остроумия. Так, напр., срамные пародии на Сумарокова местами вызывают улыбку. Но подавляющее большинство из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия, где вся соль заключается в том, что всякая вещь называется по имени» (С.А. Венгеров. Барков. Русская поэзия, вып. IV. СПб., 1894, с. 711).

Само собою разумеется, что порнография никогда не претендует на эстетическое восприятие искушенного читателя. Но научный вопрос заключается в том, почему возникла эта порнография, какие были социально-литературные причины, ее вызвавшие.

Что же касается срамных пародий, то они, как несомненно литературный факт, должны быть предметом особого исследования.

Остаются недорешенными следующие вопросы: что представляют собой нецензурные стихи Баркова и как они обусловлены в его творчестве.

В своем исследовании «Лермонтов» Б.М. Эйхенбаум очень точно сформулировал дифференциальные признаки эротической и порнографической поэзии:

«...Эротика отличается от порнографии тем, что она для самых откровенных положений находит остроумные иносказания и каламбуры — это и придает ей литературную ценность. Так как поэзия вообще чуть ли не целиком есть искусство говорить иносказательно — так, чтобы сделать ощутимой самую материю слова во всех ее свойствах, то совершенно понятно, что эротическая тема, как тема запрещенная и не имеющая для своего выражения узаконенных поэтических штампов, заинтересовывает поэта, как проблема чисто литературная, стилистическая. Такова «Pucelle» Вольтера или «Гаврилиада» Пушкина. Совсем другое у Лермонтова: вмес-

то иносказаний и каламбуров мы видим в них просто скабрезную терминологию, грубость которой не производит никакого впечатления, потому что не является художественным приемом (как хотя бы у Пушкина неожиданное грубое ругательство в стихотворении «Телега жизни», где оно действует комически, потому что является результатом развертывания глубокомысленной метафоры)» (Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Л., 1924, с. 102).

Можно смело сказать, что если традиции эротических стихотворений Пушкина восходят к французской легкой поэзии (Парни и Грессету), то традицию порнографических поэм Лермонтова следует искать в стихотворениях Баркова.

Нецензурные стихи Баркова представляют собой крайнее выражение бытовой поэзии, точнее поэзии, установленной на быт.

Лермонтов перешел на порнографическую поэзию потому, что высокие лирические жанры были им уже изжиты, а новые еще не созданы.

Барков ушел в порнографию по другим причинам. Эпоха Баркова детерминировала его нецензурное творчество тем, что в печати могли существовать только определенные лирические жанры.

И так как Барков не находил пути в печать, он начал писать стихи, которые вообще не могут быть напечатаны, стихи, предназначенные для распространения в быту.

Это был протест литературного плебея против законов высокой дворянской литературы XVIII века.

Глава V

Профессионализация переводчиков и оплата их труда

1

В литературном быту XVIII века замечателен тип переводчика-чиновника, находящегося на государственной службе, главным образом в иностранной коллегии или при академии наук.

Кроме Эмина, к этому разряду относятся Богданович, Фонвизин, Княжнин, Василий Петров, Елагин, Козицкий, Рубан, Санковский.

Фонвизин вошел в литературу сначала как переводчик басен Гольберга и романа «Карита и Полидор».

Но первой литературной работой Фонвизина, по-видимому, надо считать перевод «Правосудный Юпитер», напечатанный в журнале кн. Дашковой и Хераскова «Полезное увеселение» в 1761 году.

Елагин переводил Мольера, но получил известность как переводчик романа «Приключение маркиза Г.., или Жизнь благородного человека». Санкт-Петербург, 1756 г.

Богданович в 1763 г. получил повышение по службе — был назначен переводчиком иностранной коллегии и одновременно

перешел на журнальную работу (в «Невинном упражнении», еженедельном издании 1763 г.). Документальные данные об этом имеются в автобиографии Богдановича, найденной Геннади.

«...В 1763 году, майя 3-го, по прошению его [кн. Н.Ю. Трубецкого] отослан от университета в военную коллегию, а того же майя 26 определен в штат к генералу-аншефу графу Петру Ивановичу Панину в переводчики, по просьбе княгини Екатерины Романовны Дашковой, и был употреблен к участию в издаваемом под ее покровительством журнале, названном «Невинное упражнение» (Автобиография И.Ф. Богдановича. См. у Геннади «Отечественные записки», 1853, т. II, отд. VII, с. 184).

В этой автобиографии Богданович очень подробно излагает в хронологическом порядке этапы своей литературной и служебной деятельности:

«...По отсутствию ее сиятельства в Санкт-Петербурге, перевел военную книгу под титулом *Малая война*» (с. 184).

«...В 1764, апреля 30, взят в иностранную коллегию в переводчики, в том же году приобщен в економическое общество. В 1765 перевел Вольтерову комедию Нанину» (с. 185).

«...Будучи оставлен в иностранной коллегии, начал более упражняться в литературе.

Перевел тогда историю о бывших переменах в Римской республике, господина аббата Вертата, о вечном мире г. Жан Жака Руссо и с итальянского песнь Мишеля Анжеля Жианетта, за перевод которой имел щастие удостоиться ее императорского величества благоволения и быть представлен лицу ее» (с. 185).

Здесь мы видим, как переводчик, состоящий на государственной службе, постепенно отходит от казенных переводов к переводам литературных произведений (Вольтер, Жианетт) и в то же время вовлекается в сферу дворцовой зависимости.

В дальнейших частях автобиографии Богдановича очень важно выделить два момента, иллюстрирующих сложность положения русского писателя в XVIII веке.

Еще раз надо подчеркнуть, что прямолинейная формула старой истории литературы о прямой зависимости писателей XVIII века от двора и от меценатов не выдерживает исторической критики.

Ясно, что один и тот же писатель мог работать и на мецената, и на широкого потребителя. Оплата литературного труда в том и другом случае принимала совершенно различные формы. С одной стороны, оставались в качестве феодального пережитка меценатские подношения, с другой — встречались денежные формы оплаты, близкие к нормальным видам современного литературного гонорара.

Богданович пишет:

«...1775 декабря 23-го дня принял в академии приватную должность, иметь главное смотрение в издании Санктпетербургских ведомостей. Сию должность отправлял по декабрь 1782 года.

Между тем сочинил первую часть Исторического изображения России и Душеньку — древнюю повесть. Оба сии сочинения академиею наук *с похвалами опробованы и куплены*» (Op. cit., с. 185, курсив наш).

Итак, академия платила Богдановичу за его исторические труды, но за лирические комедии Богданович получал в подарок от двора традиционные табакерки и перстни.

«...В 1786 году в апреле, по имянному монаршему повелению сочинил лирическую комедию, радость Душеньки, которая удостоена была высочайшей опробации, и в знак монаршего благоволения при сем случае пожалована ему *(sic!)* от государыни *табакерка*, вскоре же потом пожалованы на заплату долгов — деньги. По представлении же комедии на придворном театре пожалована еще табакерка.

В 1787 году сочинил драму Славяне, которая, по подании оной ее императорскому высочеству, удостоена нового монаршего благоволения и сочинителю при том пожалован перстень. Драма же отдана Степану Федоровичу Стрекалову для употребления оной на театре» (Op. cit., с. 186).

К числу переводчиков чиновничьего типа принадлежит и забытый историей литературы писатель Владимир Трофи-

мович Золотницкий. Он воспитывался в Киевской академии и с 1760 г. поступил на службу в Московскую камер-коллегию в качестве переводчика.

В словаре митрополита Евгения Болховитинова даны следующие сведения о литературной работе Золотницкого:

«...Много также писал он довольно не худых од, сатирических писем и других стихотворений; перевел: 1) с французского языка «Дух Сенеки, или Нравоучительные рассуждения сего великого философа», напеч. в Москве, 1765 г.; 2) с немецкого «Историю разных героинь и других славных жен» в 2-х частях, напеч. в С.-Петербурге, 1767—1768» (Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1845, с. 232—233).

Сравните также:

В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем — академиею, ч. II. Киев, 1856, с. 199.

Новиков. Опыт исторического словаря. СПб., 1772, с. 68.

Интересно, что почти все стихотворные работы Золотницкого остались ненапечатанными, в то время как его прозаические переводы издавались и находили своего потребителя.

Это явление было более подробно проанализировано нами в предыдущей главе, посвященной профессиональному положению переводчика Ивана Баркова.

Княжнин работал на книгопродавцев, и Евгений Болховитинов в своем словаре пытается этим объяснить качество вещей Княжнина:

«...По самые сии нужды по бóльшей части заставляли его поспешно обрабатывать свои творения в удовлетворение нетерпеливым книгопродавцам. Особливо сей недостаток имеют *его переводы*» (Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1845, с. 289, курсив наш).

Переводчики Эмин, Козицкий, Рубан и Сенковский сделались издателями, т. е. составителями журналов, причем, естественно, они ориентировались на заграничные журнальные образцы.

Работа переводчиков по иностранным образцам и беззастенчивое пользование вещами иностранных авторов вызвало резкую статью в журнале Чулкова «И то и сио»:

«...Вышла у нас такая мода, что редкое называется переводом, а всегда сочинением, но как я не совсем еще прожился совестью, то показалось мне несколько оное неблагопристойно. Некоторые нынешние господа писатели не пекутся о бессмертной славе, но прикладывают все свое старание к получению часовой похвалы, которая сама по себе хотя и ничего не значит, но им чрезвычайно мила. Они таскают из многих разных сочинениев и, выдавая оные под своим именем, ни мало не страшатся быть уличены в похищении чужого добра. Многие иностранные писатели по смерти своей научились говорить по-русски и не только что чисто говорят нашим языком, но и сочиняют на оном весьма похвальные издания. Впрочем, имен своих никогда они не подписывают, но всегда видно, что позволяют подписываться другому» («И то и сио», 1769, неделя 41, с. 7).

Этическая и эволюционная оценки этого факта, конечно, не совпадают.

Заимствование и жанровое переключение иностранной беллетристики было сильным стимулом для развития русской литературы, для расширения круга ее потребителей за пределы узкого дворянского класса, читавшего иностранных авторов преимущественно в оригинале.

2

Так называемая «новозаведенная типография», открывшаяся в 1758 году в С.-Петербурге, ставила своей задачей распространение книг, пользовавшихся успехом у публики.

По свидетельству академика П. Пекарского, для типографии нужны были такие произведения, «которых нельзя было ожидать от пера академиков... и пришлось обращаться к иностранным переводчикам.

Эти последние сначала уступали рукописи за небольшое количество печатных экземпляров своих трудов; потом они стали требовать и получали денежное вознаграждение, а под

конец встречались уже примеры платы переводчикам с печатного листа.

Между лицами, входившими в подобные сделки с новоучрежденною типографиею, встречаются имена Лукина, Фонвизина, А. Нартова и других» (см. «Образцы шрифтов и типографии и словолитни императорской академии наук», СПб., 1870, ст. академика П. Пекарского, Академическая типография в старину и ныне, с. XV).

Для истории литературного гонорара и профессионализации писательского труда представляет большой интерес договор Василия Тредьяковского с академией наук.

Мы приводим полностью этот любопытный документ:

Договор Тредьяковского с академией наук на французском языке, перевод с которого писан рукою Тредьяковского.

Перевод: «По указу ее императорского величества и т. д. — Обязательства:

1. Помянутый Тредиаковский обязуется чинить по всей своей возможности все то, в чем состоит интерес ее императорского величества и честь Академии.

2. Вычищать язык русский, пишучи как стихами, так и не стихами.

3. Давать лекции, ежели от него потребовано будет.

4. Окончить Грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно с прочими над Дикционерами русскими.

5. *Переводить с французского на русский язык все, что ему дается; за сие будет он иметь годового жалования 360 рублей, включая в них свечи, дрова и квартиру с титлом секретаря. Сие жалованье начнется 1-го сентября и будет ему даваться из ларца Академии Наук, как и прочим, которые от нее зависят»* (см. П. Пекарский. История академии наук в Петербурге. 1870, с. 43, курсив наш).

До того момента, пока Тредьяковский не был включен на жалованье академии наук как служебный переводчик, он получал вознаграждение за труд книгами.

Это видим мы из его письма к Кутузову:

«Милостивый Государь Иван Логинович!

Приемлю дерзновение сообщить при сем вашему превосходительству перевод мой с недавно появившиеся здесь французские книжки, названные Essai historique et critique sur les disscutions des eglises de Pologne, с таким точно намерением, чтоб, ежели вашего превосходительства буде соизволение и притом не будет никакого политического противящегося извета, быть ему напечатану в вашей типографии, *в единственный ее ж прибыток с награждением мне за труд десяточка экземплярцов* (письмо В.К. Тредьяковского к И.Л. Кутузову от 22 апреля 1768 г., «Отечественные записки», 1823, № 34, с. 298—299, курсив наш).

С открытием вольных типографий и успехом переводного романа на книжном рынке спрос на переводчиков увеличился.

Мы уже указывали, что профессиональный писатель вышел из массовой и лубочной литературы.

Как известно, кроме лубочной литературы на рынке пользовался успехом переводный роман.

Поэтому переводчики должны были обслуживать заказчика авантюрных романов.

Некоторые из переводчиков в то же время являются и крупными профессиональными журналистами и писателями. Так, например, Ф. Эмин, «переводчик кабинета ее величества», является в то же время одним из первых профессиональных писателей XVIII века.

Характерно для того времени посвящение переводов и оригинальных произведений высокопоставленным особам.

Смотрите того же Эмина перевод романа «Бесщастный Флоридор, история о принце Ракалмуцком». Перевел с итальянского на российский язык ее императорского величества кабинет-переводчик Федор Эмин, печатана в Санкт-Петербурге 1763 года.

Первоначальной формой оплаты труда переводчиков была, как мы уже указывали, оплата книгами.

Фонвизин рассказывает нам, как он, будучи еще студентом, получил первый свой гонорар — книгами порнографического характера:

«В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить «Гольберговы басни»; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды. Книгопродавец сдержал слово и книги на условленные деньги мне отдал. Но какие книги?! Он, видя меня в летах бурных страстей, отбрал для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили мою душу» (Фонвизин. Собр. соч., с. 232, Духовное завещание).

Вознаграждение книгами за переводы получал и И.И. Дмитриев, о чем он подробно рассказывает в своих записках.

Для Дмитриева, баснописца и лирического поэта, прозаические переводы были чем-то вроде отхожего промысла, своего рода «второй профессией»:

«Рифмование мое не мешало мне заниматься и переводами с французского языка небольших прозаических сочинений. Этот труд был для меня прибылен: я отдавал переводы мои книгопродавцам; они печатали их своим иждивением, а мне платили за них по условию книги. Таким образом я завел порядочную русскую библиотеку» (И.И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. Изд. М.А. Дмитриева, М., 1866, с. 38).

Мы знаем, что рынок поглощал все переводные романы, а некоторые романы выходили даже по два и по три издания.

Оплата труда переводчиков книгами и оплата в форме жалованья, особенно во время Ломоносова, практиковались очень долго. Есть случаи и в нашей современности, но тогда это было типовое явление. Дмитриев рассказывает, как Н.М. Карамзин получил свой первый гонорар:

«Следуя моему примеру, он [Карамзин] и сам принялся за переводы. Первым опытом его был *Разговор австрийской Марии Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях,* переложенный им с немецкого языка.

Я советовал ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупал и печатал переводы, платя за них по произ-

вольной оценке и согласию с переводчиками книгами из своей книжной лавки. Не могу и теперь вспомнить без удовольствия, с каким торжественным видом добрый и милый юноша Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика Фильдингова Томаса Ионеса [Том-Джонса], в маленьком формате, с картинками, перевода Харламова. Это было первым возмездием за [его] словесные труды» (И.И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. Изд. М.А. Дмитриева, М., 1866, с. 40).

Книги, полученные в виде литературного гонорара, в большинстве случаев шли на рынок, т. е. продавались.

«И.М. поехал сегодня в Москву. Я отпустил с ним 60 экземпляров Кариты. Пожалуй, матушка, пошли на Спасский мост, к переплетчикам, по рядам, в академическую лавку, и продавай если все, то хотя б и за 20 руб., а порознь по 40 коп. ...Ежели все продадутся и покупают охотно, я еще пришлю сколько надобно, хотя до пятисот; а здесь продаю я у переплетчика по полтине» (Фонвизин. Полн. собр. соч. Письма, с. 313, изд. 2. СПб., год не указан).

Конечно, продажа книг переводчиками на рынке снижала цену на книги. Книги, полученные от издателей, на рынке приходилось продавать за бесценок:

«Я ныне Сифа III часть окончил. Хочу писать что-нибудь стихами, и первая ты их иметь будешь. С Стрелинским Кузьмой послал я 300 книг Кариты. Хорошо если б по 30 коп. их продать удалось, а по крайней мере по 25 коп. Мне все барыш. А ежели все продадутся, то Маркову 10 руб. отдай, а достальные ко мне как можно скорей присылай. Здесь деньги редки» (Фонвизин, ibid., Письма, с. 317).

Купеческая манера издателей платить за книги книгами же действовала на протяжении значительного времени и распространялась не только на переводы, но и на оригинальные сочинения.

Даже издатели начала XIX века платили переводчикам собственным товаром, из своей лавки, как и полагается делать купцам, и этим самым снижали цену на книги. В дневнике у цензора Никитенко записано, что он продал свое сочинение Булгарину за сто экземпляров *собственной* книги:

«1828. Январь 8. У меня чуть было не дошло до ссоры с Булгариным. По условию он должен был напечатать в мою пользу сто экземпляров моего сочинения «О политической экономии». Это было для меня очень важно, ибо я намеревался представить оное профессорам, как диссертацию на степень кандидата. Оно уже несколько дней тому назад появилось в «Северном архиве», между тем для меня не оставлено ни одного экземпляра и в типографии уже разобраны доски.

Я изъявил мое сожаление по этому поводу Булгарину. Он извинялся забывчивостью и дал слово, что в три дня велит набрать сочинения и напечатать. Я успокоился. Но третьего дня прихожу в типографию: там ничего и не слыхали от Булгарина. Это меня крайне раздосадовало, ибо уже не далеко время, назначенное для представления диссертации. Я опять кинулся к Булгарину и к Гречу. Теперь сочинение мое набирают, и оно будет напечатано» (А.В. Никитенко. Записки и дневники. СПб., 1905, т. I, с. 181).

Здесь мы еще сталкиваемся с пережитком натуральной оплаты литературного труда, но к 20-ым годам XIX века денежная форма оплаты сделалась уже нормой.

Теперь несколько слов о придворных переводчиках. Оплата труда придворных переводчиков вначале, конечно, значительно превосходила оплату переводчиков, работающих на рынок.

Так, например, Арндт, переводивший на немецкий язык комедии Екатерины II, получал очень приличное вознаграждение.

Но это были лица привилегированные и работающие на двор.

Их непосредственным заказчиком и потребителем являлся двор, а не широкая публика.

Екатерина II, заказывающая иностранцу Мельену написать русскую историю, предлагала ему следующие выгодные условия:

«*...Если он решился отправиться в Россию,* — пишет Екатерина II своему полномочному министру при Венецианской республике, — *то вручите ему 2000 червонцев, которые*

приказала я к вам отправить, на путевые его издержки. Предпринимаемый труд дает ему право на почетное звание с приличным жалованием, если он сего пожелает. Впрочем, он не будет здесь связан и может свободно и по своей склонности предаться занятиям и изучению российской истории, *которая, надеюсь, будет им написана точно в том духе, как я ее понимаю и как желала бы, чтобы все ее понимали*» («Русский инвалид» или «Военные ведомости» за 1822 г., с. 152, курсив наш).

Но с успехом книжной торговли и расширением книжного рынка зависимость от двора падает.

И Новиков уже содержит целый штат переводчиков.

Медик Багрянский, например, занимался переводами с французского и жил на иждивении Новикова, кроме того, получая в год жалования 300 рублей.

Писателю XVIII века нужно было искать выхода из меценатской зависимости.

Было два пути: или профессионализация, или внелитературный заработок.

Показателен тот факт, что писатели различных жанровых специальностей расходились по разным путям.

Прозаики-беллетристы переключались на журнальную работу. Поэты уходили в чиновный быт.

Следует заметить, что и журнальная работа в середине XVIII века не могла дать писателю полной экономической и социальной независимости.

Необходимость для писателя иметь внелитературные доходы показана в юмористической форме в журнале Чулкова «И то и сио»:

«...Пуще всего прилежу к словесным наукам, но только к тем, которых я не понимаю, стараюся писать книги, однако вижу, что *головы моей прокормить мне ими не можно* и для того предпринимаю ныне совсем другие меры; а какие, о том изъяснюся после» (январь, 2-я неделя, курсив наш).

Еще резче это положение дано Чулковым в одном из последних листов его журнала:

«...По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская Архива; но за все сие получил не больше, как для

утоления моего алча, следовательно, не имею теперь ни одной копейки» («И то и сио», ноябрь, четыредесять-седьмая неделя).

Профессиональное самосознание не было обязательной чертой всех писателей, работающих на рыночного потребителя.

С исторической точки зрения одним из первых близких к профессионализму писателей в России является Иван Перфильевич Елагин.

Он был переводчиком чрезвычайно распространенного в конце XVIII и начале XIX века романа «Приключение маркиза Г...», выдержавшего при жизни Елагина три издания (успех для того времени неслыханный).

И в то же время он по своим классовым связям принадлежал дворянству, а по сословной линии — к придворным чиновникам.

Поэтому в предисловии к книге «Опыт повествования о России» (М., 1803) в разделе «Состояние творца» Елагин говорит языком дилетанта: «Не тщеславие, но непривычка к праздности и времени избыток суть виною сего сочинения».

Ср. заявление издателей журнала «Вечера», где говорится следующее: «Мы пишем оттого, что нам очень писать захотелось. Тут нет ни корыстолюбия, ни худого намерения, а меньше всего авторского высокомерия».

Наступление товарно-капиталистических отношений в литературной экономике захватывало многих литературных работников совершенно неподготовленными. Об этом свидетельствует объявление, помещенное в журнале Чулкова «И то и сио»:

«Для известия.

Некто, переводивший книгу, называемую «Отборные мнения» И.И. Руссо, просит чрез сие всех желающих переводить сию книгу, чтоб они не начинали для того, что он уже оканчивает оную» («И то и сио», октябрь, четыредесять-третья неделя).

Переводчику, поместившему это объявление, кажется вполне естественным явлением монополия на перевод.

Между тем уже в то время литература входила в период анархического производства, характерного для буржуазной эпохи, и производителю (в данном случае переводчику) нужно было работать на неизвестный рынок, учитывая возможную конкуренцию со стороны других работников.

Известный факт о том, что Новиков покупал у разных переводчиков одно и то же произведение и потом печатал лучший из переводов, показывает нам только невысокий уровень литературного производства в эту эпоху, но не отменяет высказанного здесь положения.

Профессиональное положение переводчиков и их гонорары должны быть рассмотрены так же внимательно, как и положение оригинальных беллетристов и поэтов.

Переводчики, всецело находившиеся в сфере дворцовой зависимости и получавшие заказы непосредственно от царствующих особ, находились в привилегированном положении сравнительно с переводчиками чиновничьего типа.

В дневнике Храповицкого находится запись, дающая нам сведения о заработке поэта Василия Петрова, с 1769 года состоявшего на службе переводчика в кабинете ее величества и одновременно работавшего на дворцовый заказ:

«12. Лужкову к 750 р. сама прибавить изволила 150 р., уравнивая против Петрова, 1200 получающего» (Op. cit., с. 308).

Мы видим, что жалованье Петрова выражалось в сумме 1200 р. в год. Кроме того, поэт получал вознаграждения за отдельные оды.

Все это относится к эпохе Екатерины II.

С другой стороны, нам известны тяжелые условия переводческой службы в более ранние эпохи по фактам из биографии Ивана Баркова и Кирьяка Кондратовича.

Наконец, в эпоху Екатерины II более или менее определился третий тип переводчиков, работающих уже не на индивидуальный, а на социальный заказ — переводчиков и компиляторов профессионального характера.

В первую очередь к переводчикам этого типа должен быть отнесен Федор Эмин.

В эту эпоху первоначального накопления русской литературы труд переводчика, работающего на рынок, оплачивался сравнительно высоко.

Переводчики-профессионалы играли в это время прогрессивную эволюционную роль, и работа их расценивалась с положительным знаком.

Это особенно относится к издательской деятельности Новикова, установившего твердые товарные взаимоотношения между переводчиками и издателями.

Но в начале XIX века в связи с изменением социальной функции литературы и с передвижением писательской установки на дилетантизм в литературе произошел разрыв между высокой и низкой линией.

Высокая литература переместилась в бытовой план и попала из сферы дворцового влияния в сферу зависимости от отдельных меценатов.

Если в дотоварный период литературы существовали такие явления, как дилетант и графоман помещик Струйский, издававший свои стихотворения на свой счет и даже печатавший их в собственной, специально для этой цели выстроенной типографии, то в товарную эпоху крайним выразителем писательского дилетантизма был граф Хвостов, о котором Пушкин писал в письме к Рылееву:

«...Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них».

Для большей наглядности мы взяли такие крайние формы дилетантизма, как Струйский и Хвостов. Но типичным явлением для начала XIX века был, как верно указано Б.М. Эйхенбаумом в статье «Литература и писатель», Измайлов вместе с его журналом «Благонамеренный».

Высокая стихотворная и прозаическая продукция этих годов не выходила на широкий рынок, а реализовалась в камерных литературно-бытовых формах.

Известно, что издатель «Благонамеренного» не рассчитывал на широкий круг подписчиков, и журнал выходил очень неаккуратно, всецело завися от личных дел издателя.

В это же время та полоса литературы, которую мы условно называем низкой, не придавая этому термину оценочного значения, — литература переводов, — окончательно вошла в товарную фазу.

В экономическом плане это выразилось прежде всего в снижении оплаты труда переводчиков. Здесь действовали простые и непреодолимые законы экономики.

Расширение читательского рынка, массовый спрос на переводные романы вызвали массовое предложение переводческой работы.

А так как главным регулятором литературного производства в эту эпоху сделался частный издатель, то естественно, что он поставил свои отношения с писателем на чисто коммерческую почву.

Издателю была выгодна конкуренция между отдельными переводчиками, так как она позволяла ему снижать их гонорар и затягивать его уплату.

Жуковский, яркий представитель поэтического дилетантизма, опирающийся на двор, но в своей молодости занимавшийся переводами, испытал на себе коммерческие приемы издателей переводной литературы:

«Некогда в Москве обанкрутившийся Зеленников трактовал меня преобидно. Для него я перевел эа 75 р. «Мальчика у ручья». Эту сумму он выплачивал мне по 5 р., по 7 р. с полтиною и т. д. И это сочинение (Коцебу) в то время (1801 г.) принадлежало автору, любимому современным обществом. Русский перевод печатался тоже два раза (во второй раз в 1819 г.)» (П.А. Плетнев. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского. СПб., 1853, с. 29).

Замечательно, что тот же Жуковский на более высоких ступенях своей литературной карьеры дал нам крайний пример дилетантской установки в поэтической работе.

Мы говорим об избранных стихотворных переводах Жуковского, которые были предназначены не для рынка, а для индивидуального потребления меценатов.

Приведем отрывок из Плетнева:

«Переводы для особого назначения, вылившиеся из-под пера поэта, он хранил как что-то освященное, и потому напе-

чатал их в самом небольшом числе экземпляров. Они выходили тетрадками в 12-ю долю листа на прекрасной бумаге с белою оберткою, где стояла на двух языках надпись: «Для немногих». В продаже никогда их не было. Их получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца» (Op. cit., с. 51—52).

Существование на рынке спроса на определенные жанры реализовалось в точном издательском заказе.

Частные издатели учитывали читательский спрос и, принимая к изданию переводы авантюрных романов, не желали иметь дела с переводами высокой западной поэзии.

Это обстоятельство стесняло личную инициативу архаически настроенных писателей.

Иван Иванович Дмитриев, запоздалый представитель XVIII века в XIX-м, пишет Шишкову по этому поводу:

«...Не премину между тем сообщить здешним словесникам о благодетельном расположении академии содействовать к освобождению их от ига полуграмотных книгопродавцев-издателей. Говоря о словесниках, я имею в виду больше сочинителей учебных книг и переводчиков, которые в бездействии своем или в маловажных занятиях обыкновенно извиняются тем, что сами они не в состоянии печатать классических произведений, а книгопродавцы берут от них только переводы одних романов, да и то *в новейшем вкусе* (курсив И.И. Дмитриева). Это любимое слово в их объявлениях. Впрочем, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть и пр. Ив. Дмитриев. Москва. 1818. Декабрь 23.

В заседании 21 декабря 1818 г. Шишков предложил учредить особый комитет для рассматривания сочинений и переводов тех писателей, которые обращаются в академию с просьбами о вспомоществовании и оказания им пособия в издании одобренных комитетом рукописей» (Записки, мнения и переписка адм. А.С. Шишкова, т. I, с. 345—346, Berlin 1870 г.).

Положение профессиональных переводчиков на литературном рынке 20—30-х годов носит все черты работы в условиях капиталистического производства.

Кроме вышеописанного случая затягивания гонорара за перевод (Жуковский) мы встречаемся с более серьезными формами эксплуатации литературного труда.

Бурнашев в своих воспоминаниях рассказывает о том, что переводчики, работавшие для Энциклопедического лексикона Плюшара, нередко получали самый минимальный гонорар или даже работали совершенно бесплатно — за одну только честь быть напечатанным.

Несмотря на то что ко всем высказываниям В. Бурнашева следует относиться с особой осторожностью, потому что он представляет собой яркий тип мемуариста-выдумщика, мы считаем возможным привести здесь это показание.

Достаточно показателен уже тот факт, что о таких явлениях говорили в обществе и в прессе:

«Так, например, в одну какую-нибудь пятницу приносилось известие, что один из протеже Греча взял как бы на подряд все переводы с французского языка, раздаваемые редакторами, как общим, так и частными, гуртом или огулом, уже не по 100 (асс.) рублей с листа, а по 70 только, отдает же их другим лицам по 50 рублей, удерживая себе за комиссию 20 руб. Эти же другие передают третьим и так далее, до того, что наконец лист текста переводится за 15-20 рублей, хотя лист втрое огромнее обыкновенного. Последние переводчики, переводившие, конечно, крайне плохо, были все молоденькие мальчики, добывавшие себе деньги на пахитосы, лакомства и места за креслами в театре, будучи всем остальным обеспечиваемы или в родительском доме, или в том учебном заведении, где воспитывались. М.Н. Лонгинов, в статье своей, напечатанной в «Русском архиве» 1870 года, подтверждает это обстоятельство, рассказывая, что в числе переводчиков Энциклопедического лексикона были даже двенадцатилетние мальчики.

— Читали ль вы в Энциклопедическом лексиконе статью Азия? — кричал Воейков. — Она занимает пять листов и Сенковскому уплачено за нее две тысячи руб., считая по четыреста рублей лист, как он вытребовал по условию.

А всю статью для Сенковского переводили с французского, с немецкого, с английского целая компания юно-

шей и девушек ради чести работать для барона Брамбеуса, который потом слегка гладил перевод, доставленный ему в дар, вставлял свои разнообразные ориентализмы.

Так уверял кто-нибудь из нувеллистов» (В. Бурнашев. «Русский вестник», 1871, с. 178—179).

В журнале «Дело» за 1876 г. приводится любопытная таблица, рисующая соотношение гонорара писателей различной специальности и квалификации в первую и вторую половины XIX века:

ПЛАТА ЗА ЛИСТ

	1825 — 1850 гг.	1850 — 1875 гг	Во сколько раз увеличился (+) или уменьшился (—) гонорар
1-й разряд			
а) Самые популярные поэты и беллетристы	300—500 р. (Бестужев) 1000 р. (Грибоедов)	700 — 1750 р. асс. / 200 — 500 р. с.	+3 1/2
б) Высшая плата за критические и ученые статьи ..	400 р. (Сенковский)	435 р. асс. / 200 р. с.	+1/11
в) Первые критики и публицисты получали в год	3000 — 5000 р. (Белинский)		
2-й разряд			
а) Второстепенные беллетристы	50 — 100 р.	175 — 350 р. асс. / 50 — 100 р. с.	+3 1/2
б) Второстепенные критики, историки и пр.	50 — 100 р.	175 — 350 р. асс. / 50 — 100 р. с.	+3 1/2
в) Лучшие переводчики ..	50 — 100 р.	87 1/2 р. асс. / 25 р. с.	—1,15
г) В «энциклопедических словарях» за двойной лист	200 р. (у Плюшара)	262 — 420 р. асс. / 75 — 120 р. с. (у Толя и Краевского)	+2

3-й разряд

Обыкновенные переводчики	5 — 10 р.	17½ — 35 р. асс. / 5 — 10 р. с.	+3½

С 30-х до начала 50-х годов цены квартир, мяса, хлеба, дров и т. д. увеличились по крайней мере в 3½ раза, и ассигнационный рубль превратился в 1 р. с. (3 р. 50 к. асс.).

Продолжая дифференциацию литературных работников по их специальностям, мы должны, кроме переводчиков, поэтов и прозаиков, отметить еще создавшийся в 20-х годах тип профессионального журналиста.

Первыми журналистами в тесном смысле этого слова были в России Булгарин и Сенковский.

Гонорар Сенковского был для того времени очень высоким. Как редактор «Библиотеки для чтения» Сенковский получал 6000 руб., за каждые три тысячи экземпляров журнала и по 2000 р. за каждую последующую тысячу. За статьи в Энциклопедическом лексиконе Сенковскому платили 400 руб. за оригинальную статью и 200 р. — за переводную, в то время как рядовые сотрудники получали вдвое меньше.

В среде этих профессиональных журналистов, естественно, возник вопрос о социальном положении или — в пушкинской терминологии — о состоянии писателей.

Мнения по этому вопросу разделили писателей на две основные группы: профессионалов (журналистов) и дилетантов (называвшихся в то время «аристократами»).

Этот термин «аристократия» в литературной полемике 30-х годов имел не социологическое, а литературное значение.

Пушкин, писавший о себе как о писателе, работающем для заработка, литературно принадлежал к аристократической партии (Вяземский, Жуковский, Дельвиг), но професси-

онально был ближе к журналистам, чем к дилетантам из аристократического класса.

В сознании современников Пушкина 30-е годы понимались как перелом, как резкое изменение социальной функции литературы, требующее изменения в положении литератора:

«...Знаете ли вы, какое самое оригинальное существо не только в России, но в целой Европе, а может быть, и в целом мире? Вы не догадываетесь. *Это русский писатель* или, *как у нас говорится, сочинитель, на общеевропейском языке — автор*. Честью уверяю вас, что это не шутка. Русский писатель существует, говорит, видит, слышит и даже пишет, а сам он не осязаем, не видим, никто его не слышит или, что почти все равно, не слушает, а едва ли кто читает. Вам кажется это удивительным, а между тем это правда. Послушайте. Если во Франции, например, вам случится присутствовать при суждении гражданских или уголовных дел, то при первом допросе вы можете услышать следующее: — «Ваше имя, месторождение, звание?» Ответ: «Меня зовут NN из департамента или из города NN, звание мое: литератор, homme des lettres».

...Теперь, поставьте, разумеется в воображении, всю Россию в одну шеренгу и начните расспрашивать каждого жителя *о его звании*. Вы найдете дворян, почетных граждан, купцов и кавалеров, мещан, крестьян-однодворцев, казаков, разночинцев, чиновников, военных, а писателей не найдете. Однако уже и между дворянами, и между чиновниками, и между военными, и между купцами, и между мещанами, и даже между крестьянами есть люди, которые *пишут* и стихами и прозою, пишут и даже *печатают*, т. е. делают все то, что делают люди, подписывающиеся под протоколами и на визитных карточках *литераторами*. Кто не откликнется на перекличке, того нет во фронте, следовательно, когда вы перебрали все звания в России и не нашли писателей, их у нас нет. А если нет, то, как я выше сказал, они не осязаемы, не видимы, не слышимы и почти не читаемы. Ей-Богу, это оригинально.

Нет писателей, следовательно нет и литературы. Извините. Отчего же такие прекрасные дома у книгопродавцев, такие красивые экипажи и прочее сему подобное?

...В этой игре проигрывает всегда читатель, выигрывает *наверную* книгопродавец» (Ф.Б. [Фаддей Булгарин]. Юмористика. Русский писатель. «Северная пчела», 1836, № 16).

Очень сходно с Булгариным представляет себе положение русской литературы Николай Полевой. Он особенно акцентирует момент внелитературных доходов писателя и поэтому отказывается признавать литераторство как профессиональную, производственную категорию:

«...В душу бедного мальчика-рыбака, тому уже более 100 лет, Бог влагает непреодолимое стремление учиться и знать. Он бежит из родительской хижины, кое-как, кое-где учится, хочет обхватить целый мир ведения и преждевременно сгорает от излишнего, неудовлетворенного порыва пылкой души. Чиновник, попавшись в неприятные обстоятельства, начинает писать стихи, не имея понятия о поэзии и стихотворстве и не зная того, что провидение одарило его гениальными способностями. Стихи его нравятся, их хвалят. Он поправляет ими свои обстоятельства, продолжает служить и иногда писать, не заботясь о вековой славе, думает о своем стихотворстве *как о досуге от сенаторства*, а о венке Пиндаровом как о средстве, не последнем при службе. Далее: рассерженный остряк мимоходом изображает в комедии, что видел вокруг себя, и не думает о вдохновении, занимаясь службою и светскою жизнью. Наконец, человек, с необыкновенным даром, живя в глуши, на Кавказе, от скуки и досады изображает комической кистью несколько портретов и пренебрегает даром своим, увлекаясь службою и другими важными делами. Вот тебе Ломоносов, Державин, Фонвизин, Грибоедов. Какая тут литература? Все эти люди были ль следствия общего образования и стремления? Нет, это мимолетные явления людей гениальных, если угодно, но они не образуют собой литературы» (Альманах «Новый живописец общества и литературы», составленный Н. Полевым. М., 1832, ч. 5, с. 52—53. Разговор после бесед с литераторами).

Приведем еще одно его высказывание:

«...Я не вижу, не знаю литераторов, homme des lettres, как называют французы. Я вижу: ученых по званию, то есть учителей, в высшем или низшем значении этого слова; светских людей, которые мимоходом пишут в альбомы и альманахи так, как играют они в вист и ездят на охоту; людей, добывающих писаньем деньгу и которые охотно примутся за карты, за ножницы, за палку, если только им будет это прибыльнее пера; чиновников военных и гражданских, которые от скуки, для забавы, для денег, иногда и из видов по службе кое-что пописывают» (Альманах «Новый живописец общества и литературы». М., 1832, ч. 5, с. 55—56).

Слова Полевого о том, что русский писатель занимается литературной работой на досуге, буквально повторяются Булгариным в статье «Краткий разговор об обширном предмете», но здесь эти рассуждения даны в диалоге и приписаны человеку, с которым автор полемизирует:

«...Мы не можем справиться с англичанами, немцами и французами ни качеством, ни количеством ежегодных произведений литературы; у нас нет особого сословия литераторов; большая часть или, лучше сказать, почти все наши писатели занимаются словесностью только на досуге» (Фаддей Булгарин. Сочинения, ч. 2. СПб., 1830, с. 242).

Интересно, что и в статье Полевого и в высказываниях Булгарина пробегают одни и те же термины: homme des lettres, сословие литераторов и т. д., очевидно, бывшие лексическими стандартами для профессиональных журналистов 30-х годов.

В заключение этой главы нужно суммировать некоторые факты, полученные нами на конкретном материале.

Можно считать доказанным, что для первой половины XVIII века основным типом писателя были поэты дилетанты, из среды которых вербовались придворные поэты и драматурги.

В то же время существовал низший класс литературных работников — казенные переводчики, которым было исторически суждено сыграть впоследствии революционную роль в деле разрушения феодального литературного быта.

Именно из среды казенных переводчиков выделились первые профессиональные журналисты и беллетристы, работавшие в сфере неканонизованных жанров.

А к 30-ым годам XIX века, в связи с экономическим укреплением книжной торговли и журналистики, на журнальную работу перешла и передовая часть представителей высокой литературы.

Так совершилась литературно-бытовая канонизация писательского профессионализма.

Глава VI

Федор Эмин, первый профессиональный русский журналист

1

Историю развития русских литературных журналов обычно начинают с журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издававшегося в С.-Петербурге при академии наук в 1755 году под редакцией Г.Ф. Миллера.

Хронологически это верно, и журнал Миллера, конечно, первый русский журнал. Но хронологическое расчленение историко-литературного материала всегда условно и недостаточно.

Для понимания прогрессивной роли журналов в литературной эволюции более показателен 1769 год — тот год, когда частная инициатива в издании журналов стала типовым явлением.

За время с 1769 по 1770 г. было издано восемь журналов: «Всякая всячина», «Трутень», «Адская почта», «Смесь», «Полезное с приятным», «И то и сио», «Ни то ни сио» и «Поденщина».

Как выяснено В. Семенниковым, эти журналы издавались «иждивением» купцов Круглова, Седельникова и др.

Но термин «издатель» в XVIII веке имел иное значение: издателями назывались редактора-составители журнала, в большинстве случаев бывшие авторами всего журнального материала.

«Издатели» этих сатирических журналов преследовали не коммерческие, а политико-просветительные или литературно-полемические цели. В этом плане очень характерно заявление издателя журнала «Всякая всячина» Г.В. Козицкого, подчеркивающее социальную и материальную независимость журналиста-дилетанта:

«Итак, надейтеся, господин читатель, что, купя мой труд, вы не вовсе потеряете свои деньги. Не вздумайте же впрямь, что мне нужда в ваших деньгах: я, право, дважды в день сыт и еще остается столько, что и вас накормить можно. Я знаю, что все сие отправляется на чужой счет, ибо доход мой есть дань, наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего, а я то проживаю без толикого труда и часто без благодарности к ним».

С Козицким перекликаются анонимные издатели журнала «Вечера» 1772 года, издание которого приписывается литературному обществу, объединенному вокруг Хераскова:

«...Мы благодаря Бога насущный хлеб имеем и пишем для того, что нам очень писать захотелось. Тут нет ни корыстолюбия, ни худого намерения, а меньше всего авторского высокомерия» (ч. 1, с. 6).

На этом фоне становится понятным полемически-заостренное заявление Ф. Эмина, издателя журнала «Адская почта»:

«...Я сие пишу для моего препровождения времени и для пропитания, которое единственно от пера, а часто и несчастного имею» («Адская почта», с. 336).

Федор Александрович Эмин, к сожалению, очень мало изучен. До сих пор интересовались главным образом его авантюрной и фантастической биографией. Он был последо-

вательно авантюристом-путешественником, турецким солдатом-янычаром, переводчиком кабинета русской императрицы, издателем журналов «Адская почта» и «Смесь», историком России и, наконец, одним из первых русских романистов.

Для современного исследователя представляет большой интерес его русская история, наполненная ссылками на несуществующие материалы и цитатами из них.

Приведем здесь полное заглавие этого труда ввиду его характерности и редкости:

«Ф. Эмин. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследника и наследников его последование и описание в севере златого века во время царствования Екатерины Великой. СПб. 3 тома. 1767—1769».

Об этой истории чрезвычайно резко отзывались современные Эмину официальные историки Татищев и Шлецер.

И даже митрополит Евгений, настроенный по отношению к Эмину весьма благожелательно, писал в своем Словаре следующее:

«...Г. Шлецер заметил еще (в своем немецком сводном Несторе), что он даже выдумывал небывалых никогда авторов, и, например, какого-то Диодора (но верно не сицилийского), писавшего якобы о *болгарском князе,* и будто бы из сего Диодора в наш Никоновский летописец по большей части почерпнуты описания о греках» (Митрополит Евгений Болховитинов. Словарь. М., 1845, ч. II, с. 224).

Замечательно, что к началу XIX века апокрифичность истории Эмина уже была канонизована и возведена в сан исторической достоверности. Об этом свидетельствует отрывок из историко-теоретического сборника «Корифей литературы»:

«...Муж сей был весьма словесен, знал многие европейские и азийские языки: просвещен чтением наилучших древ-

них и новых авторов и от природы имел критический дух, столь свойственный истории.

...История его гораздо лучше сличена с иностранными авторами, нежели у Татищева; наполнена учеными примечаниями и близко бы подошла к совершенству, если бы Эмин жил в щастливейшем периоде нашей письменности» («Корифей, или Ключ литературы», ч. 1. СПб., 1802, с. 106).

Но пародийная история Ф. Эмина, так же, как и созданная им литературная личность и вся его беллетристическая работа, представляет собою отдельные научные проблемы.

Для нас он интересен в ином плане, как первый профессиональный журналист и беллетрист.

Не случайно, что Ф. Эмин — типичнейший журналист XVIII века — был иностранцем (по всей вероятности поляком), так же, как и типичные журналисты начала XIX века Сенковский и Булгарин.

Затем заметим, кстати, что издатели двух других журналов 1769 года — Рубан и Козицкий — были выходцами из Малороссии и получили образование в знаменитой Киевской академии.

Все эти факты нужно рассматривать не в биографическом, а в социологическом разрезе.

Русская литература второй половины XVIII века была страной, переживающей иностранную колонизацию.

Навыки и формы иностранной журналистики переносились на русскую почву и развертывались русским материалом.

Еще в допетровскую эпоху с Запада приезжали квалифицированные специалисты, цеховые мастера. Эта культурная интервенция усилилась особенно во время царствования Петра I.

Такие же цеховые мастера были и в литературе. Таким квалифицированным специалистом был Ф. Эмин, знавший несколько иностранных языков.

В своем заявлении на имя императрицы Ф. Эмин указывает, что он знает следующие языки: турецкий, итальянский, английский, испанский, португальский и польский.

По свидетельству книгопродавца Овчинникова, издавшего книгу Эмина «Путь ко спасению» (СПб., 1784), Эмин владел 12 языками, а по мнению Новикова — даже 14 европейскими и азиатскими диалектами (см. Словарь Новикова, с. 256).

Так же типичен путь, проделанный Ф. Эминым от переводов и компиляций к профессиональному журналнзму и беллетристике.

Квалифицированные специалисты-переводчики и журнальные работники не имели внелитературных доходов, и их цеховое самосознание заставляло их подчеркивать профессиональные моменты своей работы вразрез общему литературному дилетантизму изучаемой эпохи.

Помимо приведенного журнального высказывания Ф. Эмина, примечательно «почтительнейшее приношение», написанное им для графа Г. Орлова, которому Эмин посвятил свой первый роман «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» (СПб., 1763):

«...Ваше сиятельство, всепокорнейше прошу принять в высокое ваше покровительство труды того, который, спадши с колесницы фортуны и охромевши в счастии, *пером своим подпирается: ибо самолучшее рукодельцев удовольствие есть, когда их работа тем, для кого была сделана, будет милостиво принята»* (курсив наш).

Здесь чрезвычайно эффектен цеховой жаргон: «работа рукодельцев». В словах Эмина отчетливо ощущается производственный подход к литературе: осознание роли индивидуального заказчика, которому писатель феодальной эпохи непосредственно адресовал продукты своего труда.

Не менее интересно сопоставить высказывания Ф. Эмина о современной ему критике с тем отношением, которое критика встречает со стороны писателей в товарную эпоху.

Вообще говоря, прогрессивная роль критики сводится к переключению литературной продукции на нового потребителя. Критик, по существу, интерпретатор, растолковывающий данное литературное произведение на социальный заказ определенного класса.

Сказанное относится, конечно, не к технологам — исследователям литературы, а именно к газетным и журнальным критикам.

Поэтому критика как разновидность литературной профессии может возникнуть только в буржуазную эпоху. Писатель и читатель феодального типа не нуждались в промежуточных инстанциях, в критической интерпретации.

Тогда существовала простая формула кустарных взаимоотношений.

Читатель-феодал заказывает литературную вещь, нередко заказывает в буквальном смысле слова (произведения, приуроченные к известному событию: к именинам, к свадьбе, к приезду гостя и пр.).

Писатель-кустарь (здесь много градаций — от шута до придворного поэта) эту вещь производит.

Но с началом буржуазной эпохи положение писателя изменяется. Писателю приходится работать на неизвестного массового потребителя, и он вынужден разбираться в диалектике заказов различных социальных групп.

Возникновение писателя-профессионала происходит раньше, чем выкристаллизовывается тип профессионального критика. Критик, а не писатель является выразителем литературных интересов отдельных социальных слоев.

Федор Эмин сделался профессиональным писателем в то время, когда еще не было профессиональных критиков, регулирующих социальный заказ широких масс, а были только критики-дилетанты, выражающие литературные вкусы узкого читательского круга — дворянского сословия.

Естественно, что Эмин, ориентирующийся на иного потребителя, должен был определить свое отношение к нарождающейся критике.

В предисловии к третьей части романа «Непостоянная фортуна» Эмин говорит о критиках весьма иронически и с профессиональной гордостью подчеркивает, что труд писателя, производящего литературные ценности, гораздо выше по своей социальной функции, чем труд критика, определяющего ценность чужого литературного продукта:

«...Ныне большая мудрость состоит в критиках, и каждый в том упражняется, чтоб уметь хорошо критиковать; такие же люди у света в большой чести, так что я, рассуждая о их искусстве, едва им не завидую, для того что их знание и громко и не столько трудно, сколько мое *упражнение, ибо гораздо легче опорочить всю книгу, нежели часть оной сочинить»* (Ф. Эмин. Предисловие к третьей части романа «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда»; курсив наш).

Федор Эмин очень интересен для нас как представитель переходной литературной эпохи.

Во время Эмина (60—70-е годы XVIII века) в русской литературе еще существовал институт меценатства, но наиболее прогрессивная часть писателей освобождалась от феодальной зависимости и выходила на широкий рынок.

И Федор Эмин был одним из этих первых профессионалов.

2

Профессионально-журнальная деятельность Федора Эмина длилась всего один год, так как Эмин умер в 1769 г. Но и за этот короткий период Эмин успел издать два сатирических журнала: «Адская почта» и «Смесь», в которых большая часть материала принадлежит перу издателя.

Для того чтобы правильно оценить основные тенденции журнальной работы Эмина, надо взять его журналы в контексте сатирической журналистики его времени.

Все сатирические журналы 1769 года, даже те, которые боролись с иноземным засильем, находились в сфере иност-

ранной интервенции (конечно, это не термин, а условное обозначение реального процесса).

Общеизвестно, что «Всякая всячина» ориентировалась на «Английский смотритель» — Spectator — и отчасти на Quarterly Review.

А журнал «Полезное и приятное» подчеркивал свою компилятивную сущность даже в предисловии:

«...Предуведомление:

Видя, с какой жадностью приемлет общество издаваемые еженедельные сочинения для увеселения и наставления, не можно не восчувствовать радости.

...Что касается до предлагаемого при сем Полумесячного упражнения, то главные материи во оное взяты из книги, называемой Юношеская Библиотека, сочиненной одним славным аглинским писателем» («Полезное с приятным». Полумесячное упражнение на 1769 г. При императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе).

Связанность материала «Полезного с приятным» с иностранной журналистикой выражается и в заглавиях отдельных вещей, помещенных в журнале, например «Аглинская повесть» (6-й полумесяц, с. 26—33).

Еще более убедительны сноски:

Письмо о женском уборе: «Взято из второй части «Аглинского смотрителя» (4-й полумесяц, с. 30—32).

Письмо об обманчивом виде: «Взято из «Аглинского смотрителя» (5-й полумесяц, с. 14—16).

Или просто:

Из французского смотрителя (8-й полумесяц, с. 9—12).

Вопросам о соотношении материала сатирических журналов с иностранными журналами XVIII века посвящено несколько специальных работ.

Особо следует отметить работу Солнцева о журнале «Смесь», устанавливающую, что большинство статей «Смеси» представляют собой переводы с английского и французского языков.

Но до сих пор еще не было произведено подробное параллельное сличение текстов и не выяснено, по каким законам иностранный материал деформировался в конструкции русского журнала.

Журнал Эмина «Адская почта» был эпистолярной конструкцией, и зависимость его от иностранной литературы выражалась в том, что переписку вели Лесажевские бесы.

По такому же принципу был построен подготовленный к печати, но запрещенный полицией журнал Фонвизина «Стародум».

В журнале переписывались персонажи «Недоросля», и автор-издатель умело пользовался их масками для заострения сатирических моментов.

Другой журнал Эмина, «Смесь», был несколько сложнее по своей конструкции. Анонимные или подписанные инициалами письма к издателю чередовались в нем с отдельными статьями и диалогами. В противоположность предыдущим журналам, нанизывающим материал на стержень определенных персонажей, здесь были использованы несоответствие и противоречивость отдельных кусков.

Установка всех этих журналов была на прозу — на «письма» и «статьи», и вмонтированные в них стихи играли роль проходящего момента.

Типовыми журнальными жанрами XVIII века были:

1) письмо к сочинителю (издателю журнала), обычно подписанное идеологическими псевдонимами: Развратов, Стародуров и др. или (значительно реже) инициалами;

2) диалоги (напр., Меркурий и издатель «Смеси»);

3) словари (чаще всего с юмористическим толкованием слов);

4) обращение издателя к читателю;

5) «истории» (большей частью переводы из иностранных журналов), и, наконец,

6) стихи (эпиграммы, элегии, басни, анакреонтические оды и пр.).

Только журнал Чулкова «И то и сио» иногда выдавал листы, сплошь заполненные стиховым материалом (напр., с 19-й недели мая по 23-ю неделю).

Конструкция журналов настолько стабилизировалась, что Эмин счел необходимым спародировать форму издательского предисловия в своем «Нужном или излишнем предуведомлении»:

«...Сколько мог я приметить, то в заглавии каждой книги сочинитель пишет или о себе, или о своих трудах, почему и мне казалось необходимо уведомить читателей, что я, набравшись чужих мыслей и видя ныне много периодических сочинений, вздумал писать Смесь, о которой вольно всячески судить, но как длинные предуведомления часто бывают скучны, то, презирая оное, принимаюсь за дело» («Смесь», 1769).

Мотивировку издания «Адской почты» можно найти в пятом бесовском письме:

«...Теперь тебя только о том уведомляю, что есть надежда и нам писать повольнее, когда пишутся «Трутень» и «Смесь». Ничего «Всякая всячина» лучше затеять не могла, как сделаться начинщицей журналов. У нас до чтения книг и поныне мало охотников. Многие, взяв книгу в руку, не разложив еще оные, скучает тем, что велика, и что много им надо употребить времени на прочтение оные; а такие листочки каждый с охотой читает» («Адская почта», с. 22—23, письмо пятое от Кривого к Хромоногому).

На тему о соотношении журнального издательства с книжной торговлей писал и новиковский «Живописец»:

«...Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать. Просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невеждам и совсем не годятся. Какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся. Ободряйтесь, российские писатели, сочинения

ваши скоро и совсем покупать перестанут» («Живописец», 1772, ч. 1, с. 39–40).

Эти мнения не совсем справедливы. Оригинальных романов в то время было очень мало, но, кроме магистральных течений, кроме так называемой высокой литературы, важно учесть периферийные явления — в данном случае лубок.

Лубочные издания были эквивалентом словесности для самых широких кругов населения, и влияние лубков простиралось даже на журналы.

Журнал Чулкова «И то и сио» явно ориентировался на фольклорный и лубочный материал и вбирал в свою конструкцию пословицы, поговорки, персонажи сказок и пр.

Сам Чулков в несколько наивной форме устанавливает генезис стилистики своего журнала из лубочной литературы:

«...Таким образом, приступая к столь важному делу [к изданию журнала], должен я иметь непременно важные мысли; того ради принимался я читать весьма славные сочинения, под которыми господа авторы для вечной и бессмертной себе славы не ставили своих имян, следующие сочинения: о побеге из пушкарских улиц белого петуха от куриц, о Фроле Скобееве и Азиатскую Банизу. Из оных набрался я разума, чистого слога, изрядных замыслов и удивительного истории расположения и теперь чувствую уже себя довольно способным к понесению предпринятого мною труда» («И то и сио», ноябрь, четыредесять-шестая неделя).

Эти два момента: переключение иностранных журнальных и литературных форм и воздействие уже существовавшей в то время лубочной литературы очень важны для дальнейшего исследования литературных фактов конца XVIII и начала XIX веков.

Глава VII

Эволюция альманахов и литературные сборники Смирдина

1

Диалектика литературы заключается в непрестанном изменении соотношения стиховых и прозаических жанров.

Эволюция литературного ряда не обусловлена в прямом пропорциональном отношении другими социально-бытовыми рядами, потому что материал литературы слишком специфичен.

При изучении каждого периода развития литературы очень важно наметить пунктирную линию — магистраль литературного движения.

В каждую эпоху существуют и борются противоположные литературные направления, но только одно из них проходит по магистрали литературы, а другие не играют прогрессивной роли в литературной эволюции, оставаясь нейтральными или даже регрессивными элементами (эпигонические формы).

Профессионализация писательского труда, начавшаяся во второй половине XVIII века, находится в сложном взаимоотношении с магистралью литературной эволюции.

Социальный заказ нового (буржуазного) потребителя частично определился в формуле «русская проза».

И первые писатели-профессионалы ответили на этот заказ журнальными статьями (переведенными из иностранных журналов) и романами (большей частью тоже переводными).

Собственно русского, оригинального романа в то время еще не было. Возникновение его относится к значительно более поздней эпохе, к 30-ым годам XIX века.

Поэзия, отодвинутая в быт, перешла из дворцовых зал в салоны (Ю. Тынянов).

Так продолжалось до конца XVIII века, когда процесс литературной эволюции по своим внутренним законам снова выдвинул поэзию с периферии в центр литературы.

Мелкие стиховые жанры, диалектически сменившие высокую оду, поднялись из быта в литературу и потребовали своей канонизации.

Это явление реализовалось в формах, заимствованных с Запада, в так называемых альманахах. Первые альманахи наполнялись исключительно стиховым материалом и только в дальнейшем развитии своей конструкции допустили включение прозаических жанров.

Общеизвестно, что первыми альманахами в России были альманахи Карамзина «Аглая» и «Аониды».

В предисловии к альманаху «Аониды» Карамзин мотивирует его составление тем, что необходимо по примеру западных стран объединить в одном сборнике мелкие стихотворения различных авторов.

Мы приводим это предисловие полностью:

«От издателя.

Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых мелких стихотворений под именем Календаря муз (Almanac de Muses); мне хотелось выдать и на русском нечто подобное для любителей поэзии: вот первый

оный под названием Аониды[1]. Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных[2] стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания. Читатель похвалит хорошее, извинит посредственное, и мы будем довольны. Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне письмах.

Естьли *Аониды* будут приняты благосклонно, естьли (важное условие) *университетская типография, в которой они напечатаны, не потерпит от них убытку* (курсив наш), то в 97 году выдет другая книжка, в 98-м третья и так далее. Я с удовольствием беру на себя должность издателя, желая с своей стороны всячески способствовать успехам нашей литературы, которую люблю и всегда любить буду. Н. Карамзин» («Аониды», т. I, 1896, с. III–VI).

Отметим интересный момент в этом предисловии: Карамзин проговаривается о том, что издание альманаха, возможно, принесет убыток. Это опасение вызвано отсутствием прямого социального заказа на стихи. При издании альманаха Карамзин не рассчитывал на рынок и не преследовал коммерческих целей, а выполнял историческое задание, продиктованное ростом лирических жанров в русской поэзии.

Но вопреки опасениям Карамзина оказалось, что среди дворянского класса, до того времени потреблявшего стиховую продукцию в списках, нашлось достаточное количество читателей альманаха, и потому его издание продолжалось в 1796 и 1797 годах.

Успех карамзинского альманаха открыл собой целую серию альманахов, кривая которых неуклонно растет в 20-х годах XIX века и резко обрывается в 30-х годах.

---

[1] Другое имя муз

[2] Жалею, — конечно, и читатели «Аонид» будут жалеть вместе со мною, — что любезный мой Д-в [Дмитриев], который издал свои стихотворения под именем *«и мои безделки»*, не прислал мне ничего для сей первой книжки.

В очень редкой книжке гр. Е. Путятина «Дополнение к «Перекличке альманахам» (Новая Ушица, 1893, с. 15—27), приводится специальная таблица, иллюстрирующая динамику роста альманахов. Следует отметить, что количество альманахов, изданных за год, возрастает после 1823 года, т. е. после успеха «Полярной звезды».

1794	1	Аглая
1795	2	Аглая, Эрато
1796	2	Аглая, Аониды
1797	2	
1798-99	1	
1800	2	Утренняя Заря, Эрато
1801	3	
1802	4	
1803	2	
1804	1	
1805	1	
1807	2	
1808	2	
1811	1	
1814	1	
1816	1	
1817	1	
1818	1	
1821	1	
1823	3	Новые Аониды, Полярная звезда, Опыты в словесности воспитанников Харьковского пансиона
1824	4	Полярная звезда, Мнемозина н др.
1825	7	Мнемозина, Полярная звезда, Северные цветы, Невск. альманах и др.
1826	9	
1827	10	
1828	13	
1829	16	
1830	19	
1831	19	
1832	14	
1833	7	
1834	8	
1835	4	
1836	6	
1837	6	

Очень показательна статья об альманахах, напечатанная в Энциклопедическом лексиконе Плюшара в 1835 году, т. е. именно в то время, когда эволюционная роль альманахов уже была закончена и стиховые жанры уступили место новой русской прозе:

«*Альманах* (Al — manac) — арабское слово, составленное из члена *аль* и речения *манах*, погода, время, состояние воздуха. Первые календари, составленные аравитянами в Италии, были наполнены разными астрономическими предсказаниями, с означением счастливых и несчастливых дней и предполагаемых перемен погоды на каждую лунную фазу наступающего года. Такие календари назывались: «*Кетаб-альманах*», книга погоды.

Ныне под словом альманах, во-первых, разумеется вообще *календарь* или *месяцеслов*, и мы отсылаем читателей наших к первому из сих слов. Во втором, употребительнейшем значении альманах есть периодическое ежегодное издание, заключающее в себе литературные статьи в стихах и прозе, обыкновенно напечатанные великолепно и украшенные картинками и виньетками и проч. Такие альманахи ежегодно выходят в Англии, во Франции и преимущественно в Германии. В России первым альманахом были *Аониды*, издаваемые (sic!) Карамзиным в 1795, 1796 и в 1797 гг. С 1823 года вошли у нас альманахи в большую моду и издавались ежегодно под разными названиями. Некоторые из них имели большой успех, но эта мода от пустоты и незначительности многих альманахов начала ослабевать и ныне, кажется, совершенно исчезла» (Энциклопедический лексикон, т. I. СПб., 1835, в типографии А. Плюшара, с. 555—556).

Как важный признак формы альманаха статья Энциклопедического лексикона совершенно правильно выделяет графико-иллюстративный материал: гравюры, виньетки и проч. В некоторых альманахах, как известно, печатались даже ноты.

Графический материал альманахов необязательно должен был носить иллюстративную функцию. Очень часто в альманахи вклеивались «картинки», совершенно не связанные с текстом.

Это явление сделалось обычным в эпоху окончательного изнашивания формы альманахов — в 40-х годах XIX века.

Как показательный пример можно привести альманах Владиславлева «Утренняя заря», в котором гравюры восходят к традиции официального Готского альманаха и представляют собой портреты царственных и владетельных особ: великая княгиня Мария Александровна, графиня Завадовская, графиня Бенкендорф, баронесса Менгден и т. д. («Утренняя заря», 4-й год. СПб., 1842).

Другие годы «Утренней зари» заполнены столь же свободными от текста гравюрами пейзажного или портретного характера.

Но кроме иллюстраций в конструкции альманахов есть другой дифференциальный признак, не отмеченный в статье Плюшаровского лексикона.

Это формат. Как правило, альманахи издавались в очень маленьком, портативном формате, удобном для ношения книжки в кармане.

Вспомним здесь, что еще во время Новикова издавались специальные сборники, носившие характерные названия: Карманная книжка для любителей музыки (СПб., 1795), Карманная книжка для вольных каменщиков (М., 1783) и пр.

Чисто литературные альманахи, рассчитанные на ограниченный круг любителей поэзии, пошли по той же линии портативного формата и выпускались обычно в 12-ю долю листа.

Появление альманахов большего формата в эпоху Смирдина было воспринято как новаторство, так же, как и появление модных картинок в журнале Полевого «Московский телеграф».

Из числа после карамзинских альманахов наибольший коммерческий успех имела «Полярная звезда», изданная в 1823 году А.М. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым. Экономические причины и следствия этого явления разобраны нами в отдельной главе.

Но здесь нам важно определить литературные факторы этого успеха.

Почти все альманахи, изданные после карамзинских «Аонид» и «Аглаи», повторяли их форму. Сначала — издательское предисловие, потом — собрание лирических стихотворений, перебиваемое виньетками и гравюрами или, очень редко, переводными прозаическими отрывками.

Но в конструкцию альманаха «Полярная звезда» впервые была включена не переводная, а оригинальная русская проза. Как раз в это время отчетливо определилась тенденция создания русской прозы, и поэтому «Полярная звезда» сразу попала в полосу литературного внимания.

К числу таких же попыток изменения канонической конструкции альманаха надо отнести и «Мнемозину», альманах В. Кюхельбекера и кн. В. Одоевского, имевший подзаголовок «Собрание сочинений в стихах и в прозе» (Москва, 1824, чч. 1 и 2).

В этом альманахе, помимо стихотворного материала, были помещены теоретические и литературно-полемические статьи, в том числе и замечательная статья В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».

Особую тему представляет собой поэтика заглавий альманахов. Большинство их шло по определенному лексическому ряду: по древнегреческой мифологической линии.

Также типичны условно поэтические заглавия: «Полярная звезда», «Северные цветы» (у Пушкина в сценах «Альманашник» это явление отмечено пародией: «Восточная звезда»).

Альманахи чисто эпигонские, например альманах Раича «Новые Аониды», уже в своем заглавии ориентировались на своих предшественников.

Раич представляет собой атавистический тип поэта-дилетанта, архаиста не только в литературном, но и в литературно-бытовом плане.

Следует отметить, что Раич и профессионально был ближе к XVIII веку, чем к XIX. Он был государственным чиновником и одновременно переводчиком высокой по-

эзии. Из числа его переводов до настоящего времени сохранила печальную известность одна ямбическая строка: «Вскипел Бульон, течет во храм» (из Тасса — о Готфриде Бульонском).

В противовес писателям, объединявшимся в журналах по профессиональной линии, в литературном быту 20—30-х гг. возникали группы поэтов, объединенных по чисто литературному признаку (кружок Кюхельбекера, кружок Раича и пр.).

С литературно-эволюционной точки зрения эти кружки были консервативным или даже реакционным явлением. Это, конечно, не значит, что представители этих групп непременно должны были быть реакционерами политическими (об этом см. прекрасную работу Ю. Тынянова «Пушкин и архаисты»).

Архаические тенденции поэтических кружков получали свою литературную реализацию в издании альманахов.

Раич и Кюхельбекер издавали альманахи на собственные средства. Так проявлялся антагонизм литературных направлений в издательской деятельности.

2

Вопрос об альманахах, число которых возрастало от 20-х годов к 30-ым, чреэвычайно интересовал современников и часто трактовался на страницах журналов и газет.

Очень своеобразную позицию по отношению к альманахам заняла «Литературная газета».

В соответствии со своим техническим подходом к литературе «Литературная газета» выделила для альманахов только одну функцию: давать ежегодную сводку работ известных писателей:

«Что такое альманахи в нынешней Европе? Игрушки взрослых детей, подарки на новый год, книжки, которых главное достоинство состоит в картинках и богатом издании. Хорошая статья прозаическая, стихотворение, носящее

отпечаток таланта, не необходимость в подобном издании, а даже неожиданный подарок. Мы, русские, давно уже известны охотою подражать всему иноземному. И альманахи не ушли от замечательности нашей: мы ввели их в употребление, но, кажется, ранее, чем бы следовало. Впрочем, в этом случае наша поспешность не повредила, а принесла пользу. Пример редкий. Объяснимся. Альманахи наши не блестят картинками по причине очевидной: мы не имеем еще художников, которые посвятили бы свои таланты на подобную работу, а продажа альманахов, по незначительности своей, не позволяет даже и подумать о роскоши изданий. Нам должно хлопотать не о блеске, а об опрятности, но и сия добродетель нелегко нам достается. Как же наши альманахи могут быть праздничными подарками? Поневоле они избрали себе лучший удел: быть *годовыми выставками литературных произведений*. Большая часть наших писателей постоянно наделяет их образцами своих годовых занятий, а у иных и все труды трехсот шестидесяти пяти дней занимают две-три странички» (Альманахи на 1830 год, «Литературная газета» 1830 г., понедельник, января 6, № 2, с. 15).

Но развитие альманахов пошло не по той линии, на которую указывала «Литературная газета»: альманахи превратились в коммерчески выгодное предприятие, но потеряли литературное значение.

А Пушкин, во многих вопросах примыкавший к позиции «Литературной газеты», написал в том же 1830 году свои известные сцены «Альманашник», в которых вопрос об издании и составлении альманахов переносится в социально-бытовой план.

Рецепт составления альманаха дается Пушкиным очень простой:

«...выпроси у наших литераторов по нескольку пьес, кой-что перепечатай, закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с Богом» (А. Пушкин. Альманашник, сцена I, 1830 г.).

Между прочим, Пушкиным пародируется манера издателей альманахов давать под стихотворениями не полные подписи, а инициалы, причем их расшифровка делается на известные имена:

«...Увидишь, как пойдет наш альманах. С моей стороны даю тридцать четыре стихотворения: под пятью подпишу: А.П.[1], под пятью другими Е.Б.[2], под пятью еще К.П.В.[3], остальные пущу без подписи.

В предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь. Лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели — наши аристократы — знаешь» (А. Пушкин. Альманашник, сцена III).

Уже в 20-х годах форма альманахов и жанр издательских предисловий окончательно стабилизировались.

Естественно, что это обстоятельство сделало возможным появление пародийных форм.

Так полупародией звучит издательское предисловие к альманаху «Сириус», изданному М.А. Бестужевым-Рюминым в 1826 году в С.-Петербурге:

«...Из всех обычаев, везде и в разные времена существовавших, не было постояннее того, которым принято писать предисловия к книгам.

В наш просвещенный век, в который все подвержено скорому изменению, в который всякое обыкновение не может продолжаться долее урочного времени, в который одна только новизна служит для многих предметов главнейшим достоинством, в наш век, столь на все изобретательный, тщетно старались, не достигнув возможности вывести вовсе из употребления обычай писать предисловия, переменить в них хотя наружную форму: начали писать вместо предисловий особые диссертации, исполненные, как водится, пустосло-

[1] Александр Пушкин (сноски принадлежат авторам)
[2] Евгений Боратынский
[3] Князь Петр Вяземский.

вием, начали писать предисловия разговорами, письмами и даже стихами. Хвала изобретательности...» (с. VII—VIII).

В следующем абзаце обнажается построение предисловия:

«...Вот предисловие к предисловию, которое издатель, следуя общему обыкновению, предположил написать для сей книжки. Не почтут ли новостью *писать предисловия и к предисловиям* (курсив наш).

Надлежало бы начать, по примеру прочих, что виною явления сей книжки в свет есть советы, желания и даже просьбы каких-нибудь знаменитых литераторов, имена которых, разумеется, оставались бы в одном только воображении; но издатель, избегая таких околичностей, которые явно обличают ложь и хвастовство литературных самохвалов, начнет просто тем, что он, любя словесность, желал испытать: не принесет ли предложенный им труд если не ощутительную пользу словесности, то хотя минутное удовольствие любителям чтения» (с. IX).

Несмотря на обнаженно-пародийную установку предисловия, альманах Бестужева-Рюмина представляет собой обычный тип любительского альманаха, изданного дилетантом.

Материал «Сириуса» чрезвычайно показателен для альманахов этого типа и поэтому заслуживает более подробного рассмотрения.

Естественно, что большинство стихотворений принадлежат самому издателю-дилетанту Бестужеву-Рюмину.

Его стихи — типичная массовая стихотворная продукция постпушкинской эпохи. Отдельные отрывки очень резко показывают свою зависимость от «Евгения Онегина»:

... Как счастлив тот, кто заключений
Не делывал по ножкам дам
И, чужд пристрастных быв суждений,
Не сообщал о том друзьям.
Как счастлив тот, кто не томился
Досадой не прелестниц тех,

От коих скоро он добился
Любви проманчивых утех.

В последней строке этого стихотворения должна быть отмечена очень устойчивая в пушкинском 4-ударном ямбе ритмико-синтаксическая фигура, по наблюдениям О.М. Брика, часто встречающаяся в «Евгении Онегине».

Остальные вещи Бестужева-Рюмина (элегии, отрывки из романа в стихах «Владислав Волгин») в такой же мере традиционны.

Из других авторов в сборнике имеются Федор Глинка, Д. Давыдов, Илличевский и как представитель более высокого слоя поэзии Боратынский (одно альбомное стихотворение жанра дружеского послания).

Наиболее интересным из стихотворного материала альманаха надо признать двустишие, подписанное И. (по-видимому, Илличевский):

История многих людей

Встают, оденутся, закусят, выезжают,
Обедают, пьют чай, ложатся, засыпают.

Прозаический материал альманаха относится к самым различным жанрам. Переводная новелла («Жак и Мария»), переводная из Гирцеля история «Разрушение деревень Бузингело, Голдад и Ловерца, падение горы Росберга». Анекдоты, мысли и замечания, стилизованная греческая повесть «Геро и Леандр» и, наконец, небольшой рассказ в эпистолярной форме «Следствие комедии Горе от ума», интересный как типовое для этой эпохи явление.

Настоящую пародию можно найти в альманахе «Новый живописец общества и литературы», составленный Н. Полевым (М., 1832, ч. 2), в котором помещена «Поэтическая чепуха, или отрывки из нового альманаха "Литературное зеркало"».

Здесь прежде всего спародировано издательское предисловие:

«От издателей.

... Наша русская литература доныне состоит из *отрывков;* по крайней мере, главное содержание оной составляют отрывки литературы французской, немецкой, английской и проч. и проч. Сочинения новых наших поэтов (не говоря о *немногих* исключениях) суть сборники отрывков из Байрона, Гете, Ламартина, Делавиня, Шиллера и проч. Мы любим журналы и альманахи не потому, что это *сборники отрывков.* Наконец, без всяких фигур наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые не существуют и никогда не будут существовать.

От этого, кажется, происходит, что все *неотрывки* мы страх как не любим, не читаем их, гоним, браним. Довольно для доказательства сослаться на критиков, терзающих *Ивана Выжигина «Историю русского народа»*, на невнимание к книгам О. Иакинфа и т. д. Сообразив все сие, мы надеемся угодить читателям, представляя *отрывки из собрания отрывков,* т. е. отрывки из Альманаха, который предполагаем некогда издать» (с. 183—184).

Дальше даны в пародийном плане употребительнейшие жанры альманахов:

1) Русская песня («Ох, вы кудри, кудри черные» и т. д.).

2) Эпиграмма (на неудачного стихотворца).

3) Элегические двустишия.

4) Отрывок из поэмы.

5) Басня.

6) Альбомные стихотворения (в альбом княгине Ф.Ф.Б.Г.Д.)

7) Отрывок из трагедии

8) Элегия.

В последнем случае очень интересна направленность пародии. Элегия (с. 194—196) написана каноничным четырехударным ямбом, и в ней пародируется не только эпигонская тематика и лексика, но и стандартные ритмико-син-

таксические фигуры (см. работу О.М. Брика «Ритм и синтаксис»):

Мои бывалые мечтанья,
Мои далекие мечты,
Ты, трепет счастья, упованья,
Ты, вольный гений красоты... и т. д.

Стихотворения подписаны комическими псевдонимами: Феокритов, Шолье Андреев, Демишиллеров и пр. К некоторым стихотворениям даны примечания, заостряющие литературно-бытовую тему о манере писателей печатать в разных изданиях отрывки из неоконченных произведений:

«...С.К. Конфетин, юный поэт, известный многими стихотворениями, помещенными в журналах и альманахах, сообщил нам неоконченную свою поэму «Зюлейка». Он хочет издать ее вполне; но прежде намерен напечатать из нее *пятнадцать* отрывков в альманахах; вся поэма составит до 600 стихов.

С удовольствием помещаем отрывок, из которого читатели могут судить об оригинальности, силе чувства и вкусе поэта» («Новый живописец общества и литературы». М., 1832, ч. 2, с. 196).

Параллельно с появлением пародий на альманахи в журналах 30-х годов все чаще и чаще стали появляться рецензии и заметки, резко осуждающие альманахи как литературную форму.

Иногда отрицательная оценка альманаха имела индивидуальную направленность.

Некоторые рецензенты считали, что падение альманахов объясняется тем, что в них участвуют не выдающиеся поэтические силы, а слабые дилетанты. Именно на этом утверждении построена заметка Пушкина об одном любительском альманахе, напечатанная в «Современнике».

«Мое новоселье». Альманах на 1836 г. В. Крыловского. СПб. В тип. издателя. 296 с.

Это альманах. Какое странное чувство находит, когда глядишь на него: кажется, как будто на крыше опустелого дома, где когда-то было весело и шумно, видим перед собой тощего, мяукающего кота. Альманах. Когда-то Дельвиг издавал благоуханный свой альманах. В нем цвели имена Жуковского, князя Вяземского, Боратынского, Языкова, Плетнева, Туманского, Козлова. Теперь все новое, никого не узнаешь! Другие люди, другие лица! В оглавлении, приложенном к началу, стоят имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловского, Греча; кроме того, написали еще стихи буква «С», буква «Ш», буква «Щ». Читаем стихи, подобные стихи бывали и в прежнее время; по крайней мере, в них все было ровнее, текучее, сочинители лепетали вслед за талантами. Грустно по старым временам» (Заметка А. Пушкина. «Современник», т. I, СПб., 1836, с. 314–315).

Другой альманах, напечатанный в типографии того же самоиздателя Крыловского, вызвал резкую заметку в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»:

«Вечера минувшей осени. Издание Н. Греча. СПб. В тип. В. Крыловского. 1837 г. 144 с.

Это нечто вроде альманаха, но самого жиденького и тощенького из всех альманахов. Если бы нашелся такой великодушный человек, который вздумал бы процедить содержание этой книжки сквозь самое редкое решето критики, у него не осталось бы в решете ни одной мысли, ровно ничего. Альманах состоит из четырех повестей в прозе и 23 стихотворений; все это по большей части очень плохо, особенно повесть «Поездка в Павловск», где начертана фантасмагорическая картина русских журналов — чистое пустословие. Впрочем, справедливость требует заметить, что между стихами некоторые очень недурны, как, например, «Стансы» г-на Магденки и «Ласточка» г-на Суханова. Весьма многие стихи имеют заглавием —ей, —ой и проч., а потому и думаем, что даже и эта книжка будет читана с удовольствием именно этими особами —ей, —ой, других же читателей не можем ей проро-

чить» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1837 г., № 16).

Наивное объяснение упадка альманахов причинами биографическими, отсутствием талантливых работников в альманахе содержит в себе очень незначительную долю истины.

Снижение качества литературной продукции в альманахах обусловлено историческими причинами — возникновением толстых, «энциклопедических» журналов, вобравших в себя весь материал альманахов.

Форма альманахов устарела; она перестала удовлетворять литературному заказу так же, как в наше время устарели и выпали из процесса литературной эволюции толстые литературные журналы.

Если в 20-х годах XIX века конструкция стиховых альманахов усложнилась вводом нестихового материала: новелл, полемических и теоретических статей и пр., то в 30-х годах круг эволюции альманахов был уже завершен, и альманахи снова возвратились к чисто стиховой форме.

Это явление было отмечено современниками. Рецензируя альманах «Денницу» на 1834 г., Ксенофонт Полевой пишет:

«Денница» на 1834 г. Москва, 1834 г. В университетской тип. 240 с. Кн. 16.

Случалось ли вам видать, как запоздалые прошедшего века являются в собрание молодых людей, одетых по последней моде. В пудре, с кошельком, во французском кафтане, старичок входит смиренно, раскланиваясь во все стороны и стараясь не задеть кого-нибудь своими длинными полами, не обсыпать кого-нибудь своею пудрою. Так альманахи наши появляются в два последние года: без требований на первенство, как бывало во времена их славы, без высокопарных и даже бранчивых фраз, без щегольства и как будто приговаривая: «Дайте нам только дожить свой краткий век и потом делайте, что хотите».

Такова и «Денница» нынешнего года. *На заглавном листке она даже не поименована альманахом, и если судить по-прежнему разнообразию альманахов, когда в них помещались теоретические и ученые статьи, критика и полемика, то «Денница» не походит даже на своих прародителей.* Без предисловий, без объяснений представляет она несколько приятных произведений словесности. Если бы еще наружность ее соответствовала назначению книги, представляемой как будто в подарок с новым годом, то она была бы истинным альманахом, каковы они везде и какими прежде не были они на Руси. Но так все склоняется к своему назначению, и даже русские альманахи» (Рецензия, подписанная К.П. [Ксенофонт Полевой], «Московский телеграф», 1834 г., № 2, январь, с. 181—182).

Некоторые журналы еще надеялись на возможность подъема альманахов, делая установку на роскошные издания, объединяющие лучших представителей поэзии.

Об этом свидетельствует рекламная заметка в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» за 1837 год:

«У нас на Руси после «Северных цветов», «Альционы» и «Денницы» не являлось хороших альманахов. Слухи носятся, впрочем, что на будущий 1838 г. один литератор (имени которого объявить не можем) собирается издать великолепный альманах со всею литературною и типографическою роскошью; все известнейшие писатели будут участвовать в нем своими произведениями, а знаменитейшие русские художники украсят его своими гравюрами» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1837 г., № 7, отд. «Смесь»).

В заключение главы об альманахах следует привести заметку «Северной пчелы»:

«Судьба альманахов должна быть поучительным уроком не только для литераторов, но и для книжных спекулянтов. Успех первого альманаха, появившегося в 1823 году, увлек за собой на альманачное поприще множество грамотных и тьму безграмотных. Книжная московская промышлен-

ность отличалась мудрыми заглавиями, лубочными картинками, подошевною бумагою и бессмыслицею содержания альманахов — и они упали. Теперь в Москве взапуски издаются романы для развоза по ярмаркам и по деревням. Кто пишет все это? Загадка. А пишут и печатают в Москве весьма много. Там есть особого рода литература, особые правила, особое сословие литераторов, которого представителем и главою есть известный г. Орлов, автор множества пародий петербургских романов. Книги этого изделия даже не разбираются в журналах и сходят с рук в особом разряде читающей публики, распространяя в ней дурной вкус и истребляя в своих читателях все зародыши грамоты и здравого смысла. Для блага общего литераторам надо было бы подумать, как удержать в пределах этот разлив безграмотности, столь вредной для успехов литературы и просвещения. Это то же (в миниатюре), что нашествие варваров на просвещенную Италию» (Журнальные заметки, «Северная пчела», 1834 г., № 11, с. 43).

«Северная пчела» сводит причины упадка альманахов к чисто коммерческим факторам.

Указание на лубочные картинки и плохое качество бумаги очень ценно для характеристики издательской техники профессиональных альманашников.

Но все-таки следует признать слишком односторонним утверждение о том, что падение альманахов всецело обусловлено спекулятивной деятельностью их издателей.

Здесь были и другие причины, чисто литературного порядка.

В 30-х годах XIX века совершился тот же процесс, что и в 60-х годах XVIII века, — только он принял гораздо более резкие формы. Произошел отлив поэтической волны. Движущие центры литературы переместились. Установка на прозу определила собой движение литературы и журналистики. В журналах того времени сплошь и рядом встречаются указания на то, что проза развивается и пользуется успехом у читателей, а стихи не поглощаются рынком.

Очень резко и ясно этот тезис поставлен в заметке «Библиотеки для чтения»:

«Нет русских стихов... Смирдин, лучший знаток дела, даже утверждает, что решительно не стоит труда и издержек печатать русские стихи, особенно отдельными книжками: никто стихов не покупает; торговля стихами совершенно упала на Руси» («Библиотека для чтения», 1839 г., т. 36, отд. VI, с. 29).

Здесь нужно вспомнить жалобу других журналов на то, что нет отдельных изданий стихов и что все стихи перешли в журналы.

При такой ситуации альманах перестал существовать как литературный факт.

Материал альманахов, стиховой и прозаический, был перегруппирован и по-новому распределен в конструкции толстого «энциклопедического» журнала.

3

Было бы не совсем верно рассматривать сборники, изданные А.Ф. Смирдиным, — «Новоселье» 1833—1839 гг. и «Сто русских литераторов», изданные в 1838—1845 гг., —в разряде альманахов.

И генетически, и исторически сборники Смирдина не восходят к типу стиховых альманахов, и это явление отчетливо ощущалось современниками.

Что касается «Ста русских литераторов», то скорее всего его можно сопоставить со сборником «Пантеон российских авторов», составленным Н. Карамзиным в 1801 г. (М., 1801—1803 гг.).

«Пантеон российских авторов» был издан Платоном Бекетовым в формате листа и заключал в себе био- и библиографические заметки Карамзина, приложенные к портретам известных русских писателей.

Сборник «Сто русских литераторов» построен по такому же плану, только вместо биографических заметок каж-

дый портрет сопровожден произведением изображенного на портрете автора.

Дифференциальные признаки альманаха, указанные нами в предыдущих главах: небольшой формат и установка на стихи — здесь отсутствуют.

Сборник «Новоселье», вышедший раньше «Ста русских литераторов», значительно ближе подходит к каноничной форме альманахов.

В «Новоселье», как и в других альманахах, имеются гравюры, заставки и виньетки. Формат и объем «Новоселья» несколько больше, чем в альманахах, но не настолько, чтобы нарушить его нормы.

К 30-ым годам альманахи размеров «Новоселья» сделались нередким явлением. Укажем хотя бы на цитированный выше альманах Полевого «Новый живописец общества и литературы».

Но распределение материала в «Новоселье» резко нарушает традицию альманахов.

Для чистых типов альманаха (карамзинские альманахи, «Мнемозина» Кюхельбекера) была типична фрагментарная конструкция. Материал складывался из мелких жанров или из отрывков, но эти отрывки были связаны по линии определенного литературного направления.

В противовес этому конструкция «Новоселья» представляет собой как бы сведение в одном фокусе различных литературных направлений, причем каждый автор представлен не фрагментом, а законченным произведением.

Это объясняется подбором материала по случайному признаку — из числа подаренных издателю вещей.

Современники Смирдина в большинстве случаев оценивали его сборники как положительное явление.

Только Плетнев дал отрицательный отзыв о сборнике «Сто русских литераторов», причем, в первую очередь, он подверг обстрелу конструкцию сборника.

«Сто русских литераторов. Т. первый.

С гравированными портретами и картинами.

«С данного времени (говорит издатель, книгопродавец Смирдин) имел я намерение собрать самые верные портреты известнейших современных литераторов русских и издать это собрание в свет». После издатель предложил коллекции портретов придать вид книги и поэтому напечатал при них по одной статье каждого из авторов, им избранных. Мы находим последнее его соображение не совсем удачным. Статьи напечатаны, но *книги* из них не вышло. Книга предполагает какое-нибудь единство — или предмета, или цели сочинения. А здесь мы видим статьи без всякого между собой отношения. Если бы издание могло по крайней мере служить *современною хрестоматиею*, оно походило бы на книгу. Но в теперешнем своем виде, подобно *Новоселью* или одному тому *Библиотеки для чтения*, оно не представляет ничего целого. Что сказали бы о художнике, который, представив коллекцию портретов, вздумал бы на память физиономий нарисовать возле каждого лица или сапог, или перчатку, или палку — вещи очень любопытные, когда они образуют полный костюм исторической особы, но ничего незначащие по одиночке. Отдельные статьи авторов, здесь представленных, еще печатаются или были уже печатаемы в *Библиотеке для чтения*. Почему бы там не прикладывать этих же портретов, что обошлось бы с гораздо меньшими издержками, а первое желание издателя равным образом было бы исполнено. Мы не находим особенной надобности говорить о статьях, потому что ни один из известнейших (как называет их книгопродавец) авторов не вышел здесь из своей давно знакомой нам сферы» (Сочинения П.А. Плетнева, т. II, ред. Плетнева, 1838–1839 гг.).

Плетнев чрезвычайно акцентирует отсутствие «связующего единства» в книге. Этот упрек несправедлив по отношению к фрагментарной конструкции альманахов и сборников, но с историко-литературной точки зрения нам важно мнение Плетнева о том, что весь материал «Ста русских литераторов» мог бы быть напечатан в «Библиотеке для чтения».

Здесь Плетнев невольно выразил восприятие своих современников. Энциклопедический журнал типа «Библиотеки для чтения» превратился в сознании современников в универсальное издание, включающее в себя любой материал.

Эта гипертрофия конструкции впоследствии сделалась причиной падения толстых журналов.

Точка зрения Плетнева проводилась им и в дальнейшем, о чем свидетельствует его рецензия на «Русскую беседу» и особенно заключительная фраза этой рецензии:

«Доброе намерение, с которым издается «Беседа», возвышает цену хороших статей, находящихся здесь, и даже заставляет смотреть снисходительно на самые худые, без которых не обходится подобное собрание. Притом же издания вроде «Беседы» не могут быть признаваемы *книгами* в собственном смысле. Вот две законные причины, по которым литературная критика была бы здесь неуместна. Несравненно любопытнее дознаться, может ли «Беседа» достигнуть своей цели. Она предназначена для вспомоществования: следовательно, должна быть раскуплена в наибольшем числе экземпляров. Вернейшее средство к достижению последнего заключается в издании какого-нибудь творения, которое бы по содержанию своему и изложению оказалось необходимым для всякой библиотеки, частной и общественной. Конечно, подобная книга не может быть сочинена соединенными силами всех литераторов, столь разномыслящих и разнопишущих. Но люди, принявшие на себя издание «Беседы», т. е. сбор статей, денег и их употребления, могли бы разнородные литературные сокровища, теперь ими собранные, разместить по принадлежности в журналах, с платою от издателей, как обыкновенно это делается, и на сумму, собранную таким образом, приобрести желаемую нами книгу, в каком бы то ни было роде, лишь бы она составляла творение истинного таланта и возбуждала к себе всеобщее стремление, быв предназначена не для минутного перелистования, а для чтения постоянного и всегда занимательного. Но *«Беседа»* —

не *«Сто ли это литераторов... «?»* («Русская беседа», собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Смирдина, т. I, Собр. соч. Плетнева, т. II, с. 328—329, курсив наш).

Сама «Библиотека для чтения», профессионально заинтересованная вопросом о количественном соотношении журналов и сборников, высказывалась по этому поводу с большой осторожностью:

«Сборники, кажется, угрожают таким же наводнением нашей литературе, какое некогда причиняли в ней альманахи. Уже несколько явилось их в свет, другие готовы явиться. Есть, однако ж, важное и существенное различие между нынешними сборниками и прежними альманахами: в последних статьи большею частью состояли из отрывков предполагаемых или совсем не предполагаемых романов, поэм, драм и проч.; в первых мы читаем сочинения, хотя не огромные, но целые, или, по крайней мере, стремящиеся прикрыть свою отрывочность некоторою определенностью идеи и полнотою ее развития...

И так пусть издаются сборники — это все лучше, чем ничего или чем прежние альманахи. Мы, однако же, слышим жалобы, что подобные издания и журналы, составляющие, впрочем, у нас почти одно и то же, поглощают книги, мешают их происхождению, как будто бы книги не могли не выходить в свет, если б было кому их читать и писать! Да и что за нужда, каким путем дойдет до меня хорошее сочинение — путем ли сборника, журнала или отдельною книгою? Лишь бы я мог ее прочитать. Может быть, автору будет удобнее отдать свое сочинение редактору журнала или издателю сборника, чем самому хлопотать с книгопродавцами и типографиями, что, как известно, у нас составляет одно из нестерпимых злополучий авторства» («Библиотека для чтения», 1846 г., т. 75, отд. V, с. 13—15).

«Библиотека для чтения» совершенно правильно отметила литературно-бытовые причины, побуждающие авторов отдавать свои небольшие вещи издателям сборника. Но опасе-

ния журнала насчет возможной эпидемии сборников оказались преувеличенными.

Если сравнить число сборников, вышедших после смирдинских «Новоселья» и «Ста русских литераторов», с числом альманахов, изданных после карамзинских «Аонид», то станет ясно, что сборники не имели большого коммерческого успеха (см. приведенную выше таблицу из брошюры гр. Е. Путятина, в которой перечислены не только собственно альманахи, но и сборники).

Очень скоро издание сборников превратилось в чисто литературную традицию, продолжающую действовать до наших дней.

Глава VIII

«Смирдинский период русской словесности»

1

«Надежда увидеться с вами, почтеннейший Василий Аполлонович, опять обманула меня. Зима прошла, и вы не поспешили навестить петербургских друзей своих. Жалею об этом много за себя, а немного и за вас. Наша северная столица в четыре года во многом изменилась к лучшему: довольство, роскошь и любовь к наукам и изяществу, благородные занятия литературою и искусствами — все это подвигается вперед исполинскими шагами. И наружность столицы видимо изменяется: кто не побывает в течение года в некоторых частях города, тот с трудом их узнает. Так, например, квартал Коломны между Фонтанкою и Мойкою, у Калинкина моста, обстроен в короткое время и с удивительным богатством. А Невский проспект? В прошлом году выведено великолепное, хотя и не весьма обширное, здание голландской реформатской церкви, насупротив дома графини Строгоновой. Далее выстроены два прекрасные флигеля дома лютеранской церкви Св. Петра. У Казан-

ского моста красуется огромный дом госпожи Энгельгардт, в котором помещается лучшая гостиница (Hôtel garni) города и даются маскарады. И вся эта левая сторона прекрасной улицы (за исключением домов графа Румянцова, княгини Вяземской и еще двух или трех) наполнена в нижних ярусах богатыми магазинами, кофейнями и пр., которых освещение представляет в темные вечера прелестнейшую иллюминацию. Самый богатый в этом отношении дом есть конченный недавно правый флигель Петровской церкви; там помещаются магазины: лучших шляп Цимермана, отличных ситцев русского изделия Битепажа, древнейший в Петербурге косметический магазин Герке, нотная лавка и музыкальная, библиотека для чтения Рихтера и, наконец, *книжный магазин и библиотека для чтения почтенного нашего книгопродавца Александра Филипповича Смирдина.*

Вам уже известно, думаю, из «Северной Пчелы», что он в минувшем декабре открыл в сем доме книжный магазин, устроив и расположив оный со вкусом и великолепием. Ныне перевел он в сей же дом и библиотеку для чтения. Магазин занимает часть нижнего яруса, а библиотека помещается в среднем бельэтаже, в огромной, светлой, великолепной зале. В прошедшую пятницу, 19 февраля, открыл он сию библиотеку празднеством, на которое пригласил многих литераторов и других любителей просвещения. Крайне сожалею, что вы и некоторые другие, по местным и временным обстоятельствам, не могли быть на сем единственном и первом в России празднестве. Обеденный стол накрыт был в большой зале библиотеки, посреди шкапов, наполненных произведениями нашими и наших предшественников[1]. В шестом часу сели за стол, пестрым строем и пишущие и читающие. Любопытно и

[1] Сообщаем имена присутствовавших на сем празднике литераторов и художников по азбучному порядку для избежания всякой другой ранжировки Е.В. Аладьин, А.М. Алексеев (переводчик «Геометрии» Дюпена), В.Н. Берх, А.П. Брюллов, Ф.В. Булгарин, А.Ф. Воейков, Б.А. Врасский, князь П.А. Вяземский, П.И. Гаевский, С.А. Галактионов, Н.В. Гоголь-Яновский (автор «Вечеров на хуторе»), Греч, А.И. Данилевский, И.Д. Ершов, В.А. Жуковский, К.А. Зеленцов, И.Т. Калашников, В.И. Карлгоф,

забавно было видеть здесь представителей веков минувшего, истекающего и наступающего; видеть журнальных противников, выражающих друг другу чувства уважения и приязни; критиков и раскритикованных, взаимно объясняющихся: страстные уверения, усердные обещания, невинные остроты искрились, как шампанское в бокалах. В начале обеда казалось, будто кого-то недостает: вдруг появляется почтенный ветеран петербургской поэзии, граф Дмитрий Иванович Хвостов, и вручает хозяину стихи, сочиненные им на сей случай. Они прочитаны были дважды во всеуслышание всем и покрыты громкими рукоплесканиями».

В своем стихотворном тосте гр. Хвостов говорил:

Угодник русских муз, свой празднуй юбилей,
Гостям шампанское для новоселья лей;
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертной жизни вновь, усердствуя, воззвал
Для лавра нового, восторга и похвал.
Они отечество достойно славят оба;
Но ты к паренью путь открыл свободный.
Мы нашим внучатам твой труд передадим.

К концу обеда запенились бокалы, и произнесен был первый драгоценный тост: *здравие государя императора*. Тост сей принят был с единодушным искренним восторгом. Все присутствовавшие желали здравия и долгоденствия великодушному монарху, воскресившему отечественную словесность Цензурным уставом. К тому же из числа присутствовавших на сем празднестве литераторов не было почти ни одного, который бы не удостоился высочайшего внимания и награды государя императора и августейшей его фамилии, за

Д М Княжевич, В.Д. Комовский, И.А Крылов, А.М Корнилов, М Е Лобанов, К П Масальский, Андрей Аф Никитин, Александр Никитич Никитин, А С Норов, князь В Ф Одоевский, Е И Ольдекоп, А Н Очкин, В.И Панаев, П.А Плетнев, А С Пушкин, Н.Ф. Рожественский, барон Г.А. Розенкампф, барон Е Ф Розен, А.Г Ротчев, В Н Семенов, О.М Сомов, А И Стойкович, Н И Устрялов, Н И Уткин, Б М Федоров, граф Д И. Хвостов, С С де-Шаплет, Д И Языков, М.Я Яковлев, И.И. Ястребцов

труды в литературе и науках — в этом русские литераторы счастливее собратий своих в других, как говорят, просвещеннейших странах Европы. Петр Великий, Анна, Елисавета, Екатерина, Павел, Александр были первыми ценителями талантов в отечестве: публика наша следовала мановению государей.

За сим тостом пито за здравие почтенного хозяина, а потом последовали другие тосты, по предложению гостей: И.И. Дмитриева, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, графа Д.И. Хвостова, князя П.А. Вяземского и проч.; отсутствующих: Н.И. Гнедича, А.С. Шишкова, К.Н. Батюшкова. И.А. Крылов, поблагодарив за тост, провозглашенный в честь его, предложил почтить память отошедших к покою писателей: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Хемницера, Державина, Богдановича, Капниста, Княжнина, Кострова, Аблесимова, Озерова, Нелединского, Крюковского, Грибоедова и Карамзина.

За сим последовали другие тосты, из коих для вас упоминаю об одном, также предложенном И.А. Крыловым: *здравие московских литераторов*. Некоторые тосты, даже возглашенные в честь присутствующих, сопровождаемы были выражениями тех чувств, которые сими писателями возбуждены в современниках. Словом: веселость, откровенность, остроумие и какое-то безусловное братство одушевляли сие торжество; здравие всех нынешних писателей и, наконец, здравие читателей и покупателей заключили ряд усердных желаний. В числе особ, в коих воспоминание возбудило в сердцах всех присутствовавших горестно-благодарное воспоминание, был учредитель сей библиотеки Василий Алексеевич Плавильщиков.

После обеда гости, желая возблагодарить за радушное угощение и удовольствие, доставленное им приятною беседою, положили составить общими трудами альманах *Новоселье А.Ф. Смирдина*. Каждый обязался сообщить для сего статью — первый подписался В.А. Жуковский; все последовали его примеру.

Празднество сие останется незабвенным в нашей словесности. Почтенный Смирдин, явивший себя достойным посредником между писателями и публикою, займет в истории нашей литературы первое место подле Новикова, оживившего книжную торговлю в семидесятых и осьмидесятых годах.

Я начал было писать о переменах и улучшениях в Петербурге и кончил описанием литературного празднества. Лист дописан и должно кончать письмо. Впрочем, я не жалею о том, что пораспространился об этом случае. В одной газете напечатано было известие о сем празднике, очень неверное и написанное, как видно, вскоре после обеда, а предметы в слишком близком расстоянии, как известно, двоятся в глазах[1].

До свидания на яву или на бумаге.

Н. Греч.

С.-Петербург, 23 февраля 1832».

(Корреспонденция, Письмо к В.А. Ушакову. «Северная пчела», № 45, пятница, 26 февраля 1832 г.)

Так гласило официальное сообщение современника и соратника Смирдина о знаменитом обеде в доме Петровской церкви.

Однако столкновение различных литературных группировок, в частности столкновение А.С. Пушкина, утверждавшего свой литературный аристократизм, с писателями «плебейцами», сошло не так гладко, как говорит об этом официальный отчет в «Северной пчеле».

Тот же Греч, уже неофициально, рассказывал:

«А нельзя отнять и от Пушкина большого эпиграмматического дарования. Да, вот хоть бы на днях. Это было на новоселье Смирдина. Обед был на славу: Смирдин, знаете, ничего в этом не смыслит; я, разумеется, велел ему отсчитать в

[1] Здесь Греч, очевидно, намекает на приведенное стихотворение Хвостова, напечатанное в «Дамском журнале». В примечании к этому стихотворению Хвостов писал. «Стихи мои приняты со всею братскою похвалою и в *ту же минуту, во время обеда,* напечатаны у хозяина в типографии»

обеденный бюджет необходимую сумму и вошел в сношение с любезнейшим Дюмэ[1].

Само собою разумеется, обед вышел на славу, прелесть. Нам с Булгариным привелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг, заметив, что Семенов сидит между нами, двумя журналистами, которые, правду сказать, за то, что не дают никому спуска, слывут в публике за разбойников, крикнул, с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти были тотчас всеми поняты. Я хохотал, разумеется, громче всех, аплодировал и посылал летучие поцелуи Пушкину, который кричал мне: «Вы, Николай Иванович, не сердитесь...» Я отвечал ему громко: «Я был бы непростительно глуп, ежели бы сердился за эту милую шутку, которая нашему брату, журналисту, вовсе и не обидна, потому что нам то и дело, что приходится разбойничать по общим понятиям публики, то есть лаяться, острить, отбиваться, даже хищничать. Я понимаю значение журналиста и никогда эпитетом разбойника не обижусь. Я старался обо всем этом говорить как можно больше, чтоб успокоить Булгарина, который пришел в совершенное нравственное расстройство и задыхался от бешенства» (В.Б. Из воспоминаний петербургского старожила. Четверги у Н.И. Греча, «Заря», 1871 г., апрель, с. 26).

Современники воспринимали новоселье А.Ф. Смирдина, как крупное событие литературной жизни. Описание новоселья, кроме «Северной пчелы», поместили «Дамский журнал» и «Русский инвалид».

В последнем напечатал свою статью Воейков. На нее откликнулся ироническими комментариями «Московский телеграф»:

[1] Знаменитый ресторан того времени в Большой Морской.

«Рядом со статьею о *Теофрасте* напечатал г-н Воейков описание обеда у г-на Смирдина, — писал обозреватель «Московского телеграфа». — Тут есть чудесные вещи. Не угодно ли послушать. «Обед дан роскошный; собрание (*дан?*) блестящее». Прелесть: *«дан блестящее собрание». «На одном конце стола сидели* И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин» и проч... А каков склад в следующих словах, от точки: «Памяти Сумарокова, создателя русского театра, памяти Тредьяковского, трудолюбивого перелагателя истории Ролленевой, *первому вводителю к нам гексаметров (!!)...»* Так точно напечатано. «Шумная веселость, *единодуший*, гордость при виде русских *книг, до 16000 творений заключающих*, были *душою* сего небывалого на Руси пиршества, которое продолжалось до полуночи». До сих пор точно никто не знал, что *книги заключают творения и что гордость и единодушие* могут быть *душою* пиршества.

В заключение описатель говорит, что собеседники *«сделали подписку,* которою *каждый обязался* доставить ему (г. Смирдину) статью своего сочинения. Сии статьи составят книгу, конечно, не менее, как в 4 части». Жаль, что по другим, более достоверным известиям вместо 4 частей составится всего навсе[го] — альманах» (Обозрение современных русских журналов. «Московский телеграф», 1832 г., № 2, с. 35–36).

Литературно-бытовой антагонизм Петербурга и Москвы сказался и на этот раз. Обед и пиршество в правом флигеле Петровской церкви произвели в литературных кругах Москвы неприятное впечатление. Здесь усматривали «союз петербургской литературы». Погодин горячо обсуждал с Аксаковым вопрос «о необходимости оппозиции» и записывал в своем дневнике: «Можно чрез *Телескоп*, но Надеждин ненадежен. Полевому дают 25 тысяч, чтоб оставил *Телеграф...»* Но, вместе с тем, Погодин весьма интересовался предприятием Смирдина и писал к некоему Перцову, которого просил сообщить ему сведения об этом. Между тем чета Аксаковых продолжала восставать против этого предприятия Смирдина.

Погодин с ними спорил в защиту последнего и об этом записал в своем дневнике следующее: «Да где бескорыстные люди? Надоумка (Надеждин), что ли? Досадно, что в пылу разговора сказал: и я соединяюсь, вместо могу соединиться!»

Через год вышло «Новоселье» с «отрывком из драматической поэмы» самого Погодина» (Николай Барсуков. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1897 г., кн. 4, с. 17).

Интерес периодической печати к смирдинскому новоселью был вызван той ролью, которую сыграл Александр Филиппович в истории русского книжного дела и отчасти в истории русской литературы.

Кем же был А.Ф. Смирдин, именем которого В.Г. Белинский назвал целый период русской литературы.

2

21 января 1794 года (в Москве) у московского мещанина, торговца полотном, Филиппа Сергеевича Смирдина родился сын, которого назвали Александром. Этому Александру суждено было впоследствии сделаться знаменитым книгопродавцем-издателем.

В семилетнем возрасте он был отдан для изучения грамоты к местному дьячку, как того требовала среда, к которой принадлежал отец Смирдина.

Усвоив в течение трех лет все, чему его мог научить дьячок, он обнаруживал при этом большую прилежность и любознательность.

Филипп Сергеевич, по недостатку средств считавший невозможным дать сыну дальнейшее образование, не оставил его, однако, при своей полотняной торговле.

Он решил отдать Александра в мальчики при книжной лавке. В 1804 году юный Александр Филиппович был отдан в известную в то время в Москве книжную торговлю Ильина. Сведений об этом Ильине не сохранилось, но можно предположить, что он был типовым для того времени книгопродавцем, торговавшим где-нибудь в районе Охотного ряда

«Ванькой Каином», «Георгом английским милордом», «Распутной дщерью» и другой рыночной беллетристикой.

Здесь-то Смирдин впервые получил навыки книготорговца, впервые научился смотреть на книгу как на товар, как на предмет рыночного сбыта.

«Исполняя с точностью даваемые хозяином поручения и стараясь во всем угождать каждому, мальчик Смирдин сделался вскоре любимцем хозяина и вследствие этого мог несколько свободнее располагать собою; будучи религиозен, он часто посещал церкви и любил прислуживать в алтаре, петь и читать на клиросе, а в свободное время, по серьезности характера не участвуя в забавах своих сверстников, проводил время в чтении книг.

Наступил долгопамятный 1812 год. Несмотря на молодые лета, за старания и способности хозяин сделал Смирдина приказчиком, и он мог бы уже с большими удобствами продолжать свою службу в книжной торговле Ильина, но тогдашнее положение отечества возбудило в нем, как и во многих других молодых людях того времени, патриотическое чувство. Он вздумал идти в ряды московского ополчения, но не мог исполнить этого, потому что наплыв желающих был так велик, что Смирдин в течение нескольких дней не мог добиться до места набора, будучи измят толпою до нездоровья. Последнее обстоятельство и вид некоторых встречавшихся ему ополченцев, дурно одетых и вооруженных пикою и топором, охладили его пыл, и он решился было возвратиться к своим занятиям, но вследствие скорого затем занятия французами Москвы должен был с большею частью населения бежать из нее и, за отсутствием всяких средств на поездку, пешком направился в Петербург. Обкраденный дорогой во время сна и едва не убитый, он кое-как, Христовым именем, добрел до Петербурга...» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782—1882, С.-Петербург, с. 51—52).

В 1813 г. Смирдин возвращается в Москву. Прослужив четыре года у книгопродавца Ширяева, он в 1817 году переезжает в Петербург и окончательно там поселяется.

Во время своего бегства из Москвы Смирдин имел случай встретиться с В.А. Плавильщиковым, крупным петербургским книгопродавцем, который, списавшись предварительно с П.А. Ильиным и получив от него хорошую о Смирдине рекомендацию, пригласил последнего к себе в приказчики.

В 1817 году Смирдин начал работать в магазине Плавильщикова.

«Здесь честностию, аккуратностию, знанием дела и умением обращаться с покупателями Смирдин приобрел расположение Плавильщикова, который и сделал его главным приказчиком и управляющим магазином» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 52).

15 августа 1823 г. В.А. Плавильщиков умер и оставил духовное завещание, в котором он, по одной версии, предоставлял Смирдину «за его службу право купить весь книжный товар по той цене, как ему было угодно, но Смирдин, по добросовестности своей сделал вызов всех книгопродавцев, чтобы оценить товар, и затем сам назначил цену дороже всех» (В. Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина. «Русский инвалид», 1857 г., № 203, с. 841).

Нам представляется более достоверной другая версия, по которой Смирдину предоставлялось «или получить за свой ум из вырученных денег от продажи товара довольно порядочную сумму, или принять на себя всю торговлю, с тем, однако, условием, чтобы расплатиться со всеми долгами Плавильщикова, простиравшимися будто бы до значительной суммы 3000000 ассигнациями. А.Ф. Смирдин избрал последнее, взяв на себя все дела и книжный магазин Плавильщикова, находившийся у Синего моста» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 52—53).

В книгах Петербургской купеческой управы значится, что Александр Филиппович Смирдин 28 лет по указу думы от 31 декабря 1824 года за № 23891 записан в с.-петербургское купечество.

3

Успех Смирдина-издателя начат был напечатанием романа Ф.В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» в 1829 году.

Роман был отпечатан в количестве трех или четырех тысяч экземпляров (тираж для тогдашнего книжного рынка огромный) и раскуплен или, правильнее сказать, «расхватан» в течение трех недель.

Приведем сначала показание Греча:

«При успехе своих повестей и мелких статеек задумал он (Ф. Булгарин) своего «Ивана Ивановича Выжигина». Писал его долго, рачительно и имел в нем большой успех. Года в два разошлось до семи тысяч экземпляров... Видя успех «Ивана Выжигина», книгопродавец Алексей Заикин заказал Булгарину «Петра Выжигина», который был несравненно слабее и не принес выгоды» (Н.И. Греч. Записки о моей жизни. СПб., изд. А.С. Суворина, 1886, с. 451).

Гораздо точнее это дело изложено в уже цитированном сборнике, посвященном деятельности книгопродавцев Глазуновых:

«Успех »Ивана Выжигина» до такой степени поразил тогдашних книгопродавцев, что они наперерыв бросились предлагать Ф.В. Булгарину свои услуги по изданию его сочинений, и Булгарин, имея уже наготове другой роман — «Петр Выжигин», взял за него с книгопродавца Ивана Ив. Заикина, или собственно с погорячившегося сына его Алексея Ивановича (чего старик долго не прощал сыну) тридцать тысяч руб. асс., тогда как первое издание «Ивана Выжигина» было продано Смирдину тысячи за две.

«Петр Выжигин» по отпечатании, как говорится, вовсе не пошел и вместо барыша дал своему хозяину вместе с изданием убытку тысяч 35.

Это обстоятельство охладило в прочих книгопродавцах рвение к изданию сочинений Булгарина, и он снова возвратился с своими произведениями к Смирдину» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 50—51).

Успех «Ивана Выжигина» был не случаен. «Иван Выжигин» был одним из первых в России романов, в котором сюжетная конструкция западноевропейского, главным образом испанского, плутовского романа сочеталась с материалом, взятым из русского быта.

Современниками «Иван Выжигин» ощущался как первый «русский» роман.

Новый литературный жанр победоносно отвоевал себе место на книжном рынке, вербуя вместе с тем нового читателя.

Характерно, что литературный враг Фаддея Булгарина, небезызвестный Александр Анфимович Орлов, выпустил в 1831 году роман, название которого связывало Ивана Выжигина с героем комаровского романа «Ванька Каин» (объявление об этом романе см. в «Полицейских ведомостях», выходивших под редакцией Межевича).

В 20-х годах XIX века «Ванька Каин» ощущался уже как лубочный роман, и, таким образом, Орлову удалось полемически снизить роман Булгарина и перевести его в разряд вульгарных жанров.

Это литературное издевательство настолько рассердило Булгарина, что он решил применить свой наиболее действительный прием — донос:

«М.Г. Все газеты и журналы русские, до напечатания, рассматриваются цензорами, облеченными правительством в сие звание. «Северная пчела» имеет пять цензоров; напротив того, «Полицейская газета» не имеет ни одного, и прибавления к сей газете, заключающие в себе литературные

статьи, издаются на ответственности издателя, как в Англии и Франции, где существует неограниченная свобода книгопечатания. *Соответственно ли это форме нашего правительства* и справедливо ли в отношении к другим журналам — судить не мое дело, но, будучи жертвою этой свободы книгопечатания в русском царстве, прибегаю под покровительство вашего превосходительства и прошу обратить внимание ваше на злоупотребления, которым не предвидится конца. Редактор «Полицейской газеты» есть юноша без литературного имени и без всякого поручительства в свете. Можно ли на его ответственности поручать издание официальной газеты и позволять наполнять газету полицейскую литературными сплетнями и оскорблениями литераторов? В каком государстве официальные газеты занимаются литературою, рецензиями и полемикой? Нигде в целом мире. Хуже всего то, что г. Краевский, друг и покровитель редактора «Полицейской газеты» Межевича, бесстыдно осмеливается ссылаться на покровительство вашего превосходительства... «Полицейская газета» не имела права печатать объявление книжника Лисенкова в том виде, как оно напечатано. Лисенков объявил ко мне претензию, а я имею еще большие претензии к нему, и тяжба наша должна производиться на основании цензурного устава. До окончательного решения тяжбы формою суда никто не может принудить меня исполнить требования истца, и в целом мире не печатают решений, пока они не наступят. Здесь, со стороны полиции, явное нарушение законов. Что же касается до *пародии объявления* об издании моих сочинений, то, во-первых, благопристойность и уважение к нравственности публичной долженствовали бы воспретить печатание о Ваньке Каине в «Полицейской газете», а, во-вторых, сочетание Ваньки Каина с названием моего сочинения есть явное оскорбление чести гражданина. Цензурным уставом запрещено давать новым сочинениям заглавия, уже вышедшие в свет, без согласия автора, а всем известно, что «Иван Выжигин» написан мною. Я сидел на гауптвахте не за личности, а за то

только, что напечатал самую умеренную критику, сочинения Очкина, на роман Загоскина. За шутки над сочинением, а не над лицом автора мне угрожали совершенным истреблением. Неужели вся строгость для меня одного, а против меня все позволено. На меня печатают пасквили за границей, наполняют эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорблениями противу правительства — и этот пасквиль, то есть книга Кенига о русской литературе допущена в продажу в России, а других отставляли от службы за напечатание невинных статеек о России, тогда как Мельгунов, суфлер Кенига, невредим. *На меня пишут гнуснейшие вещи* в «Отечественных записках», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и в «Полицейской газете», *а я не могу нигде найти суда и расправы.* Что это значит, я не понимаю, а знаю только, что акционеры «Отечественных записок» составили против меня заговор и что они сильны, находясь на службе в цензуре иностранной и в министерствах. Но, зная вашу душу и ваш благородный характер, я твердо убежден, что ваше превосходительство для полезного примера примете меры, чтобы Межевич, редактор «Полицейской газеты», был наказан явно и чтобы у него отняты были средства к распространению сплетней и пасквилей посредством официальной газеты. Les mœurs publiques oûtragées — есть повсюду преступление, а публиковать в «Полицейской газете» о Ваньке Каине и к этому гнусному титулу, и, впрочем, запрещенной книги, пришить заглавие книги живущего автора не позволено было бы и в Англии, и такой поступок был бы наказан тюремным заключением. — Police correctionelle и King's-Bench у нас нет. Куда прибегнуть с жалобою? *Бог, во благости своей, дал вас и жандармский корпус.* К вам прибегаю и умоляю о защите.

С истинным высокопочитанием и беспредельною преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивого государя, покорнейший слуга

Ф. Булгарин».

Донос остался без последствий, и Орлов продолжал свою кампанию.

По свидетельству В. Бурнашева («Русский вестник», 1871 г.) Орлову или «Арлову, как называл его Воейков, обижавшийся за фамилию графов Орловых», удалось выпустить семь книжек, связанных с романом «Иван Выжигин».

Вот их список по указанию Мезьера:

1) Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его и т. д. Нравственно-сатирический роман. М., 1831.

2) Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. М., 1831.

3) Федор Кривой или Елизавета Михайловна, супруга Петра Выжигина. М., 1832.

Но Бурнашев упоминает еще следующие романы:

1) Хлыновские степняки, дети Ивана Выжигина.

2) Смерть Ивана Выжигина.

3) Церемониал погребения Ивана Выжигина.

4) Два кума или крестный отец Ивана Выжигина.

5) Бегство Ивана Выжигина в Польшу и препровождение по этапу в Сибирь.

Успех «Ивана Выжигина» был не единичен. Аналогичное явление происходило и с романами Загоскина и других романистов, и очень скоро роман сделался монопольным жанром на книжном рынке.

Еще в 1823 году Ф. Булгарин, полемизируя с князем Вяземским, писал:

«Я нарочно справлялся у книгопродавцев и узнал, что число покупаемых книг, исторических и политических, содержится к числу покупаемых романов и романтических произведений разного рода как 1 к 20; то есть, если книгопродавец продаст один экземпляр Политической экономии, то в продолжение сего времени двадцать романов поступают с полок его лавки в домашние библиотеки» (Ф. Булгарин. Ответ на статью, помещенную в № XIX «Новостей литературных». «Литературные листки», 1823, № 1, с. 10–11).

Через восемь лет критик «Северной пчелы» восклицал:

«Горе публике, если она обнаружит к чему-либо свою любовь. Сперва у нас душили журналами, потом закидывали альманахами, потом пятирублевыми поэмами, а теперь душат не на живот, а на смерть романами и повестями» (Письмо из Петербурга в Москву к В.А.У. «Северная пчела», 1831, № 285).

Таким образом, успех Смирдина по изданию «Ивана Выжигина» — успех обусловленный. Это было выполнение исторического заказа, и история щедро расплачивалась за него.

Покупка у А.С. Пушкина «Бахчисарайского фонтана», напечатанного кн. Вяземским и, как известно, имевшего небывалый успех, и несколько других удачных издательских и торговых операций содействовали процветанию дел Александра Филипповича.

Коммерческий успех «Бахчисарайского фонтана» отмечался всеми современниками.

Приведем наиболее яркую заметку в Булгаринском журнале «Литературные листки»:

«Литературные новости.

«Бахчисарайский фонтан», поэма А. Пушкина, привлекает в книжные лавки множество покупателей. Этот фонтан оживит басню о золотом дожде Юпитера, с тою только разницею, что вместо прекрасной Данаи русские книгопродавцы пользуются драгоценными камнями оного. Вероятно, вскоре вовсе не будет в продаже сего прелестного сочинения» («Литературные Листки», 1824, № 6, с. 240).

«Поэму «Бахчисарайский фонтан» купили гг. книгопродавцы *Александр Сергеевич Ширяев и Александр Филиппович Смирдин*» (Там же, с. 281).

Десять лет спустя в журнале Надеждина «Телескоп» была помещена передовица «Обозрение русской словесности». В ней, помимо литературно-партийных сетований на скудость русской словесности, важно указание на цветущие годы, когда были изданы поэмы Пушкина и, опять-таки, булгаринский «Иван Выжигин»:

«Не знаем, что скажут цифры статистиков в рассуждении итога вышедших в нем книг, сравнительно с предшествовавшими годами; но относительно впечатлений, оставленных ими, против прежних лет, недочет решительный. Довольно, что не было ни одной новой поэмы *Пушкина*, ни одного нового романа *Булгарина*. Даже бесконечная жизнь *Евгения Онегина* прекратилась; даже неистощимая фамилия *Выжигиных* перестала давать новые отродья. Стало, ни расхвалить, ни разбранить нечего. Ни особенного добра, ни особенного худа» («Телескоп». М., 1834, т. XIX, с. 8).

В конце 1831 года «Северная пчела» рекламировала новый шаг Смирдина на поприще книжной торговли:

«А.Ф. Смирдин, снискавший уважение всех благомыслящих литераторов честностью в делах и благородным стремлением к успехам литературы, приобретший доверенность и любовь публики богатыми и дешевыми изданиями сочинений любимых авторов, старых и новых, и точностью в исполнении своих обязанностей, А.Ф. Смирдин захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не бывало в России. Лет около пятидесяти перед сим для русских книг даже не было лавок. Книги хранились в подвалах и продавались на столах, как товар из ветошного ряда. Деятельность и ум незабвенного в летописях русского просвещения Новикова дали другое направление книжной торговле, и книжные лавки основались в Москве и Петербурге по образцу обыкновенных лавок. Покойный Плавильщиков завел наконец теплый магазин[1] и библиотеку для чтения, и И.В. Сленин, последовав примеру Плавильщикова, основал также магазин в той части города, где долгое время подле модных тряпок русские товары не смели появляться в магазинах. Наконец, г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, по-

[1] Ранее книжная торговля происходила в открытых помещениях. Зимой в таких помещениях было очень холодно, число покупателей падало до минимума На старых гравюрах книгопродавец часто изображался со стаканом дымящегося чая, который пили для согревания.

садил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви Св. Петра, в нижнем жилье находится книжная торговля г. Смирдина. Русские книги, в богатых переплетах, стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенною скоростью. Сердце утешается при мысли, что наконец и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то одушевляет писателя. — В верхнем жилье, над магазином, в обширных залах устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте. Все напечатанное по-русски находится у г. Смирдина, — все, что вперед будет напечатано достойного внимания, без всякого сомнения, будет у г. Смирдина прежде, нежели у других, или вместе с другими. Там же принимается подписка на все журналы» (Новый книжный магазин г. Смирдина. «Северная пчела», 1831, № 286).

Переезд Смирдина на Невский проспект и роскошный по тому времени магазин воспринимались как резкий скачок в истории русской книжной торговли.

Любопытно сопоставить вышеприведенное описание магазина Смирдина со стихотворным описанием книжной лавки 1811 года:

...Завален книгами гостиной двор торжок.
Выходишь, например, на рынок за свечами,
Тут просвещение в корзинах за плечами,
Шаг дале — лавок ряд, в них полки в семь аршин,
Там выставлены все по росту книги в чин:
В кафтанах разных мод, или в тюках огромных
Иные век лежат в углах себе укромных.
Иду — глушит меня книгопродавцев шум;
Все в такт кричат: сюда! здесь подешевле — ум!
Всяк Митридат из иих, на память все читают.

Книг роспись предо мной — уступку обещают,
Лишь только б как-нибудь меня к себе привлечь.

(П Вметнев. Книжная лавка. «Улей», 1811, № VII, ч. II, с. 214–215.)

Смирдин, таким образом, «канонизует» книжную торговлю, делает ее «высоким жанром».

За бельэтаж дома Петровской церкви он платит огромную по тому времени наемную плату — 12 000 рублей ассигнациями в год. «Такого прекрасного магазина ни до Смирдина, ни после его у русских книгопродавцев покуда не было», — пишет обозреватель книжной торговли.

Приказчиками у Смирдина служили Ножевщиков и известный в то время библиоман и библиофил Федор Фролович Цветаев. По словам современника, Цветаев был «человек весьма недюжинный и владевший такою удивительною памятью, какою щеголять могут лишь в крайне ограниченном числе избранники. Память его была до того изумительна, что давала ему возможность безошибочно, наизусть, без всякой справки, указывать на страницы различных мест из огромных сочинений и знать в тончайших подробностях историю каждого мало-мальски рельефного издания из числа тех нескольких тысяч томов, какие составляли библиотеку А.Ф. Смирдина, лучшую в городе. К тому же он до того сроднился с этими книгами и размещением их в книгохранилище, что знал, где которая из них на полках стоит, и указывал ее своим юным помощникам-мальчикам без запинки и затруднения» (В.П. Бурнашев. Воспоминания. «Русский архив», 1872, с. 1786).

Федор Фролович, по некоторым сведениям, принимал участие, в качестве помощника Анастасевича, в составлении знаменитой «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенной».

Кроме того, он был библиотекарем у Смирдина.

Пользование библиотекой в то время было доступно не всякому, так как библиотечный абонемент стоил довольно дорого, в частности в библиотеке Смирдина.

«Правила библиотеки.

1. Желающие пользоваться чтением книг благоволят подписаться и платить:

За целый год	30 руб
За полгода	20 »
За три мес.	12 »
За один мес	5 »

2. Но кто пожелает вместе с книгами получить новые журналы, тот сверх того платит·

За целый год	20 руб
За полгода	12 »
За три мес.	7 »
За один мес.	3 »

(Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина СПб., 1828, с 1.)

Переезд Смирдина в правый флигель Петровской церкви и знаменитый обед, данный им по поводу новоселья, открывают новый этап его издательской деятельности и зачинают так называемый «товарный период русской литературы».

4

«Итак, я насчитывал четыре периода нашей словесности: Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский и прозаически-народный. Остается упомянуть еще о пятом, который начался с появления в свет первой части «Новоселья» и который можно и должно считать смирдинским, ибо А.Ф. Смир-

дин является главой и распорядителем сего периода. Все от него и все к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться — словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность», — писал В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях».

Шумный успех Смирдина объясняется двумя причинами. Во-первых, Смирдин перенес навыки лубочных издателей и книгопродавцев, у которых подход к книге был товарным, рыночным. Навыки эти Александр Филиппович мог приобрести во время своей службы у П. Ильина. Этим генезисом из лубочной литературы обусловлена и безграмотность (относительная) Смирдина:

«Писал он довольно неправильно, с большими орфографическими ошибками; во внутреннее содержание книг, предлагаемых ему для издания, никогда не входил, довольствуясь объяснением автора...» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 54—55).

Этот, новый для того времени, коммерческий подход к литературе, перенесенный на нетронутый еще рынок высокой литературы, сыграл чрезвычайно прогрессивную роль.

Второй, не менее важной причиной успеха Смирдина было то, что он работал на историю, являлся точкой пересечения исторических сил.

Начало 30-х годов было периодом бурного роста и развития книжной торговли. Смирдин был подхвачен и взнесен на гребень волны.

Фаддей Булгарин писал в 1841 году:

«Лет за пятнадцать пред сим книгопечатание и книготорговля сильно стали возвышаться деятельностью некоторых писателей и книгопродавцев, и число русских читателей в последние десять лет возвысилось более, нежели впятеро противу прежних годов...» (Ф.Б. [Ф.В. Булгарин]. Еще несколько истин о настоящем положении русской книжной торговли

и о книгопродавческих объявлениях. «Северная пчела», 1841, № 77).

Читательские интересы переключились с иностранной литературы на русскую. В связи с общекультурными изменениями появляется и новый читатель, иного социального облика.

Анонимный обозреватель деятельности Глазуновых пишет:

«Книжная торговля в Петербурге и в Москве в это время или, лучше сказать, в период времени с 1829/30 года почти до 1840 года была чрезвычайно оживлена. Книжные лавки были постоянно полны покупателями. Кроме покупателей местных, между которыми стали появляться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие русских книг, зимою появились в значительном числе помещики, покупавшие зараз на большую сумму книг... Причиною оживления книжной торговли 1830-х годов, конечно, надобно считать обилие литературных талантов, появившихся или, лучше сказать, скопившихся в то время, и постоянный оживленный выпуск в свет их произведений. Все книгопродавцы стали издавать несравненно более (втрое, вчетверо), чем прежде, и особенно этим отличался А.Ф. Смирдин. По обширности оборотов своих и большому требованию разных книг покупателями, Смирдин нуждался в изданиях других книгопродавцев, и это заставляло его пускать на мену или другими расчетами массу своих хороших изданий, которые распространялись повсюду и, будучи приобретены книгопродавцами выгодно, сбывались с уступкой, не залеживались, и это приманивало массу покупателей и увеличивало обращение книг в публике» (Op. cit., с. 62—63).

Крупной заслугой Смирдина было расширение книжного рынка, ориентация на широкие читательские массы. Раньше книжная торговля была, по преимуществу, «столичной» (за исключением лубочной литературы и литературы «лакейских») и рассчитывалась главным образом на дворянские и чиновные слои. Смирдин же увеличил емкость

читательского рынка за счет провинции, адресуясь к поместному читателю.

Другой крупной реформой Смирдина было снижение цен на книги за счет увеличения тиражей и придачи изданиям коммерческого характера. По словам Белинского, Смирдин «произвел решительный переворот в русской книжной торговле и вследствие этого в русской литературе. Он издал сочинения Державина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова — так, как они в типографском отношении никогда прежде того не были изданы, т. е. опрятно, даже красиво, и — что всего важнее — пустил их в продажу по цене, доступной и для небогатых людей. В последнем отношении заслуга г. Смирдина особенно велика: до него книги продавались страшно дорого и поэтому были доступны большею частию только тем людям, которые всего менее читают и покупают книги. Благодаря г. Смирдину приобретение книг более или менее сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее читают и, следовательно, наиболее нуждаются в книгах. Повторяем, это главная заслуга г. Смирдина перед русскою литературою и русскою образованностью. Чем дешевле книги, тем больше их читают, а чем больше в обществе читателей, тем общество образованнее. В этом отношении деятельность книгопродавца, опирающаяся на капитале, благородна, прекрасна и богата самыми благотворными следствиями» (В.Г. Белинский. Сто русских литераторов. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1900, с. 493).

Но похвалы Белинского были скрыто полемичны и заключали в себе тайные нападки против Булгарина, Греча и Сенковского. Отмечая заслуги Смирдина в деле удешевления книги, Белинский тут же нападал на него за коммерческий характер изданий:

«*История государства российского* Карамзина, благодаря г. Смирдину, стоила только *тридцать рублей ассигнациями* вместо прежних *полутораста* и больше рублей, следовательно, в *пять* раз дешевле. Вышла она в двенадцати небольших книжках в 12-ю долю листа, напечатанных, однако ж, не

слишком мелким и очень четким шрифтом. Чего бы, кажется, лучше? И действительно, на стороне книгопродавца тут одна только заслуга, и заслуга великая. Но образованные, просвещенные, ученые и даровитые писатели, принимавшие участие в редакции «Истории» Карамзина, дали ему благой и мудрый совет — частию посократить, частию повыбросить примечания... Зачем это было сделано? Затем, чтоб книжка была тоньше, издание обошлось дешевле, и его можно было бы пустить в продажу дешевле» (Op. cit., с. 493—494).

Нападки Белинского объясняются борьбой литературных группировок. Но как писатель-профессионал он не мог не отметить торговых и издательских заслуг Смирдина.

5

Магазин Александра Филипповича на Невском проспекте был своего рода литературным салоном.

Все более или менее крупные литераторы той эпохи посещали магазины Смирдина, проводя время в литературных спорах.

Тут можно было встретить и мечтательного романтика Жуковского, и баснописца Крылова, и вечно суетящегося творца «Ивана Выжигина» Фаддея Венедиктовича Булгарина.

Часто заходили сюда и Николай Греч, и великий мистификатор барон Брамбеус, он же Осип Иванович Сенковский. Последний «не пользовался расположением Смирдина вследствие того, что обращался с ним как-то грубо: входил, например, в магазин и разговаривал с Смирдиным, не снимая шляпы, не давал при посетителях руки и вообще держал себя неприлично».

Соратник Некрасова И.И. Панаев рассказывает в своих воспоминаниях следующую характерную для того времени сценку:

«...Однажды, часа в три, я зашел в книжный магазин Смирдина, который помещался тогда на Невском проспекте

в бельэтаже дома лютеранской церкви. В одно почти время со мною вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватою эспаньолкой, одетый франтовски; другой, среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдавшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина, по известному портрету Кипренского.

До этого я никогда не встречал Пушкина. Я преодолел робость, которую ощутил при первом взгляде на этот великий литературный авторитет, подошел к прилавку, у которого он остановился, и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походившие более на когти. Выражение лица его показалось мне очень симпатическим, а улыбка — чрезвычайно приятной и даже добродушной.

Он спросил у Смирдина, не помню, какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко и не смотря на Пушкина и потом, с улыбкой обратившись к Смирдину, начал с некоторою торжественностью:

— К Смирдину как ни придешь... — и остановился.

Смирдин заюлил и начал ухмыляться. Пушкин взглянул на своего спутника с полуулыбкою и покачал головой. Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой· «Счастливец! как он обращается с великим человеком. Кто бы это такой?»

С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это-с С. С[оболевск]ий, — отвечал Смирдин, — преумнейший человек и друг Александра Сергеевича-с... Он пишет на всех удивительнейшие эпиграммы в стихах-с!

После я уже узнал, что стих, произнесенный Соболевским у Смирдина, был первый стих известного экспромта Пушкина:

К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь».

(И.И. Панаев. Литературные воспоминания. Первое полное издание под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника. Л., изд. «Academia», 1928, с. 60—62.)

Торговля шла под энергичным и дельным руководством Смирдина весьма успешно.

Сам Александр Филиппович «с лица был человек постоянно серьезный, как говорится, сосредоточенный, никогда не видали его смеющимся или даже улыбающимся, чрезвычайно привязанный к своему делу и трудолюбивый до смешного. Бывший приказчик его (впоследствии книжный торговец), Федор Васильевич Базунов, рассказывал, что Александр Филиппович подчас своею ненужною деятельностью очень надоедал приказчикам и мальчикам. Обыкновенно большая часть книжных торговцев не выходили в свои лавки торговать по воскресеньям, он же приказывал отпирать свой магазин и в воскресенье; должны были являться, конечно, и приказчики и мальчики, и когда случалось так, что решительно в магазине делать нечего, то он прикрывал груды книг, лежавших в одном углу магазина, без всякой цели переносил в другой, стряхнув только с них предварительно пыль».

Издательская деятельность Смирдина развернулась чрезвычайно широко.

В 1833 году вышел первый том альманаха «Новоселье». Виньетка, приложенная к альманаху, представляет данный Смирдиным обед по случаю перемещения его библиотеки на Невский проспект.

На хозяйском месте сидит Крылов, за ним стоит Смирдин (1/2 влево); вправо от Крылова сидят: Хвостов, Пушкин и кн. Вяземский (в очках); слева стоит с поднятым бокалом в руке Греч; далее сидят кн. Шаховской и Булгарин. Рисунок

этот был исполнен Брюлловым и гравирован резцом Галактионовым.

Ко второй части «Новоселья», вышедшей в 1834 году, также была приложена гравюра, изображающая магазин Смирдина. На первом плане показаны Пушкин и Вяземский с книгой в руке; левее Федор Фролович Цветаев. За конторкой сам Смирдин (1/2 влево) разговаривает с Сенковским; дальше, за той же конторкой, приказчик Ножевщиков.

Выход первой части «Новоселья» встречен был литературными противниками Булгарина, Греча и особенно Сенковского резко отрицательно.

Гоголь, негодуя, писал М.П. Погодину 20 февраля 1833 года:

«Читал ли ты смирдинское «Новоселье»? Книжица ужасная: человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса; сколько тут и подлости, и вони, и всего» (Письма Гоголя под редакцией Шенрока, т. I, с. 246).

Этот отзыв Гоголя, помимо литературной распри с Сенковским, мог быть вызван и столкновением самоиздатчика Гоголя с профессионалом-издателем Смирдиным.

В 1835 году С. Шевырев упрекал Гоголя за тяготение к самоиздату:

«Мы желали бы также, чтобы повествователь не был сам и издателем своих повестей и поручил бы другим заботиться об опрятности своих изданий. Иногда, читая его страницы, думаешь, что держишь корректуру, и как-то невольно хочется ее выправить. А эта опрятность есть необходимая обязанность перед публикой: нельзя же нечесанным и в нечищенном фраке приехать в общество! К тому же иные смотрят только на задний двор в сочинении. Надо же таких беречься. Это не расчет, вредный самому же автору» (С. Шевырев. Об авторских изданиях. Миргород Н. Гоголя. «Московский наблюдатель», 1835, ч. I, с. 411).

Некоторое представление об отношении Гоголя к Смирдину дает нам следующее письмо, адресованное В.А. Жуковскому и наполненное медитативными излияниями и свойственной Николаю Васильевичу подозрительностью:

«Мне отдали сию минуту Ваше письмо; Вы заботились, Вы хлопотали обо мне, и в ту же минуту мне представились живые глаза Ваши и в них выраженное ко мне участие. Чем благодарить Вас? Клянусь, я был утешен им в нынешнем моем горьком положении в тысячу раз более, чем жидовским предложением Смирдина. Но поговорим о предложении Смирдина.

Я Вам говорил, что нет никакой выгоды издавать теперь все мои сочинения вместе; что хотя разошлись экземпляры «Ревизора» и «Миргорода», но еще довольно и «Арабесок» и особенно «Вечеров на хуторе», и что кроме «Ревизора» они вовсе не требуются так жадно, чтобы можно было предпринимать издание, а доказательством, что зто правда, служит бездельная сумма, предлагаемая Смирдиным. Но такая моя участь. Книгопродавцы всегда пользовались критическим моим положением и стесненными обстоятельствами. Обожди я год, покамест выйдет мой новый роман и обратит на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на сочинения, ныне забытые; а между тем переждутся нынешние тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившие число покупателей. Книгопродавцы говорят гласно, что у них теперь нет денег, и то, что те, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку расстроенных неурожаем имений. Нужно, как нарочно, чтобы мне именно случилась надобность в то время, когда меня более всего можно притеснить и сделать из меня безгласную и страдающую жертву. Точно, я не помню никогда таких тяжелых моих обстоятельств. Все идет плохо. Бедный клочок земли наш, пристанище моей матери, продают с молотка, и где ей придется преклонить голову, я не знаю; предположение мое пристроить сестер так, как я думал, тоже рушилось; я сам нахожусь в ужасном бесчувственном состоянии, в каком ни-

когда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцам употребить в свою пользу мое горе? Я Смирдина не осуждаю безусловно: он поступал с другими хорошо, но со мною всегда жидовским образом; и после всего того, что он со мною делал, я должен опять перед ним унизиться. Я, признаюсь, думал, что Вы сделаете предложение другому книгопродавцу; мне кажется, я Вам говорил, что с Смирдиным не хочу иметь сношений. Но, может быть, Вам неизвестно, в чем может быть здесь жидовство Смирдина? Вот в чем: мне дают за одну третью часть, то есть за пьесы, назначенные Вами в первый том собрания, как-то: «Ревизор», «Женитьба» и отрывки из неоконченной комедии, 6 тысяч. И, признаюсь, я уже готов был согласиться, несмотря на то, что смерть не хотелось, чтоб мои незрелые творения, как-то: «Женихи» и неоконченная комедия, являлись в свет. Но нужда заставила на все решиться. Я уже было предался минуты на две отдохновению, даже веселил себя мыслью, что наконец разделаюсь как-нибудь с моими тяжелыми обязанностями и, светлый, с оживленною душой отправлюсь в мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскал из недоконченных комедий только два отрывка; она вся осталась в Риме. А где делись «Женихи», я до сих пор не могу постигнуть. Мне кажется, как будто я взял ее из Рима с собою, но, сколько ни рылся в бумагах, в чемоданах, в белье, нигде не мог отыскать. Пропала ли она где-нибудь на дороге, или выбросили ее таможенные, рывшиеся в моем чемодане, или лежит она в Риме на моей квартире в моем сундуке — ничего не знаю. Знаю только, что я теперь погрузился в мое ужасно бесчувственное состояние. Рушилась последняя возможность, и если бы даже принужден был принять предложение Смирдина, то и его условия не могу теперь исполнить. Но согласитесь сами, что мне нужно быть решительно глупым, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собрания дают уже 6 тысяч, то, верно, за другие две части 3 дадут. Вот уже 9 тысяч. Но я теряю много, изда-

вая их теперь; это говорят книгопродавцы и литераторы, имеющие частые сделки, и, наконец, тяжелое и голодное время, угрожающее также и в нынешнем году, если даже не более. Ширяев мне дает за эти же самые сочинения, с условием только, если я выдам вперед роман, 16 т., а может быть, даже, говорит, и более, а теперь не дает ничего, потому что малой суммы не хочет мне предлагать, чтобы не сказали, что он меня обманул и воспользовался моим незнанием; а Смирдин не посовестился. Притом разве вы не видите, в какие я попадаю когти к Смирдину, принявши его условия. Заметьте, какое малое число экземпляров он печатает, для того чтобы счет на экземпляры не был велик. А кто поручится, что он напечатает только полторы, а не три или четыре тысячи, — ведь этого на лице Смирдина не увидишь, а мне же не нанимать шпиона, смотреть, что у него делается дома и в типографии. И что мне из того, что право на два года, тогда как он обеспечит себя экземплярами на 20 лет? Если бы это были новые сочинения, то, конечно, выгодно продать на два года, зная, что в эти два года экземпляры разойдутся все, и можно предпринять новое издание, а тут все уж кончено — уж другого издания при жизни мне не видать, это последний ресурс, и я не могу теперь так рискнуть. Тогда я был один; теперь у меня разоренное семейство.

Итак, решился не продавать моих сочинений, но употребить и поискать всех средств, если не отразить, то хоть отсрочить несчастное течение моих трудных обстоятельств»

(Письма Гоголя под редакцией Шенрока, письмо к В.А. Жуковскому, январь 1840 г., т. 2, с. 26—29.)

Все это достаточно объясняет резкий отзыв Гоголя о смирдинском «Новоселье».

Последнее, как известно, было составлено из вещей, подаренных Смирдину литераторами, присутствовавшими у него на обеде.

Желая их компенсировать, Смирдин предпринял издание известного альманаха «Сто русских литераторов».

Смирдинский орган, «Библиотека для чтения», широко рекламировал это предприятие:

«А.Ф. Смирдин готовит публике великий, великолепный подарок, которому не было ничего равного на книжной Руси. Это будет пантеон русской литературной славы первой половины XIX века; это будет monumentum aere perenius бессмертия всех нас грешных и смертных, — нас, то есть писателей, потому что и я порой, в припадке тщеславия, причисляю себя к писателям. Почтенный наш Смирдин всегда был убежден, что читатели не могут так хорошо судить об авторах, как судит сам он, который имеет удовольствие смотреть им в лицо, и он решился представить читателям все авторские лица, чтобы читатели могли сравнить их с книгами. Мысль удивительно счастливая, которая, мы уверены, будет иметь величайший успех. А.Ф. Смирдин заказал для этого портреты всех русских авторов лучшим граверам лондонским, заказал еще в Лондоне множество прелестных картинок к статьям, которых все писатели наши, числом сто, охотно ему написылали, и составил изо всего этого книгу в десяти томах, книгу богатую, изящную, разнообразную, занимательную, удивительную, бесподобную. Каждый автор, чтобы не посрамить себя, помещает в этой книге подле головы своей лучшее, что было в голове его, и отдает себя и свое произведение, лицо и ум, внутренность и внешность головы на благоусмотрение читателей» («Библиотека для чтения», 1838, т. 30, отд. VI, с. 39).

По выходе I-го тома «Ста русских литераторов» появилась статья чисто рекламного характера, принадлежащая перу почтенного Фаддея Венедиктовича Булгарина:

«Смирдин желает всеми силами души своей процветания русского языка и литературы и мира, согласия между литераторами. Смирдин чужд всем личным отношениям авторов и желает только оживить изнывающую словесность, возбуждая литераторов к труду. В этой-то цели он предпринял издание: *Сто русских литераторов.* Пусть публика видит черты, лица и физиономии каждого нашего писателя; пусть судит о

его слоге, изобретении и сравнивает всех современников. Мысль прекрасная, достойная истинного любителя словесности. Для осуществления этой мысли Смирдин употребил много времени, стараний и денег. Издание первого тома стоило более 40 000 рублей, и, по несчастью, он не мог вознаградить всех издержек, потому что, не получив всех картинок из-за границы, не мог пустить в продажу все количество напечатанных экземпляров. Получив наконец эти картинки, он теперь может удовлетворить все требования на *первую часть Ста литераторов*... Он не Дидот, не Брокгауз, не Котта, но он умный, добрый, честный, сметливый русский человек, страстно влюбленный в свое ремесло, желающий матери своей, России, славы и пользы и жертвующий для этой цели всем. Русская пословица твердит: сердце сердцу весть подает. Все истинные русские, все любители русского слова, без сомнения, поймут Смирдина и доставят ему средства исполнить свое честное и полезное предприятие. Мы не имеем нужды приглашать к этому нашу добрую, умную и благонамеренную публику» (Ф.Б[улгарин]. А.Ф. Смирдин и «Сто русских литераторов». «Северная Пчела», 1839, № 287).

Белинский, представитель враждебного стана, хваля издательскую сторону альманаха, резко обрушивался на его содержание, возмущаясь его эклектичностью. По его словам, «издание предпринято без всякого плана, без всякого порядка. Кто попался первый, того и давай сюда, отчего и составилось общество, члены которого не могут надивиться тому, как они сошлись вместе. Старые писатели смешаны с новыми, гениальные — с бездарными, знаменитые с неизвестными, хорошие — с плохими...» (Op. cit., с. 502).

Если с одной стороны Александр Филиппович действительно иногда не разбирался в достоинствах печатаемых им вещей, то с другой стороны он умел «открывать» таланты и покупать до того не котирующиеся на книжном рынке рукописи. Показателен в этом отношении случай с «Картиной человека» Галича:

«...однажды профессор философии Галич приходит к Плаксину и, между прочим, с озабоченным видом говорит:

— Есть у меня забавная идея; я хотел бы написать книжонку, правда, довольно плотную, в виде введения к истории человечества, которую так и хотелось бы намарать со временем; да боюсь напрасно время потеряешь.

— Отчего же вы так думаете?

— Ведь книжечка, я тебе говорю, выйдет толстая.

— Ну так что же?

— Как что же? Что я стану делать с нею? Я не могу напечатать ее без денег.

— Эх вы, наш Сократ (так обыкновенно звали его бывшие слушатели), а на что ж Бог нам послал Александра Филипповича?

— И то правда: да совестно, ведь к нему все лезут; однако пойду да засяду работать.

Сказано — сделано. Книга эта — «Картина человека» — Галичем написана, Смирдиным напечатана; а впоследствии академия наук присудила автору Демидовскую премию» («Книговедение», 1895, № 3, с. 9—10).

Вокруг Смирдина постоянно вращались литераторы, книгопродавцы и вообще люди, имеющие какое-либо касательство к книжному делу. Одни из них имели со Смирдиным литературные дела, другие пользовались его покровительством и советами.

Смирдин часто наезжал в Москву, где он пользовался огромным влиянием на книжную торговлю.

Каждый такой наезд превращался в целое событие на книжном рынке. Его встречали с триумфом, делая из обыденной торговли своего рода литературную ярмарку.

«При нем не существовало, как ныне, затруднений к изданию какой-нибудь полезной книги, каждая могла быть напечатана и иметь верный сбыт. Он предлагал или напечатать на его иждивение, с выручкой затраченной на издание суммы из продажи самой книги, или, если книга была напечатана, покупал издание ее вполне или частию и сам раздавал ее дру-

гим книгопродавцам на безусловный кредит» («Библиотека для чтения», 1857, т. 146, отд. «Смесь», с. 253).

Благодаря деятельности Смирдина Петербург сделался средоточием, своеобразным гегемоном издательского дела. «Москва, — по словам К. Полевого, — далеко отставала в этом отношении от Петербурга, и, наконец, в публике образовалось мнение, что только петербургские книги хороши. Это доказывалось даже отзывами книгопродавцев и бродячих продавцов книг, которые охотнее покупали петербургские книги и дороже платили за них, говоря: «Нам вот что дорого» и указывая на магическое для них в заглавии слово «С.-Петербург» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. С.-Петербург, 1888, изд. А.С. Суворина, с. 358).

Такой успех и большое влияние Смирдина объяснялись тем, что Смирдин знал состояние книжного рынка и учитывал вкусы и запросы своего заказчика-потребителя. «Постепенно приучил он русских читателей к изданиям исправным, красивым, а литераторов — к уверенности, что каждый добросовестный труд их будет вознагражден по достоинству. Наконец, было так, что, когда на заглавном листе находились слова: издание А. Смирдина, книга имела ход, потому что от этого издателя всегда можно было ожидать чего-нибудь дельного, любопытного, хорошо изданного» (К. Полевой. Воспоминание об А.Ф. Смирдине. «Северная пчела», 1857, № 210, с. 991).

Некрологический характер этой статьи, конечно, сгущает краски. Но в общем воспоминания Полевого довольно верно рисуют значение и деятельность Смирдина.

Незаинтересованный свидетель говорит, что предприятия Смирдина «по части изданий поддерживались необыкновенным успехом, который сперва сопровождал его предприятия, тем более что начало тридцатых годов было обильно литературными талантами. Что ни печаталось, все расходилось успешно в публике».

Успех Смирдина не случаен, он обусловлен исторической закономерностью.

Пресловутый идеализм Смирдина, о котором говорят все воспоминания, в переводе на язык социологии не что иное, как риск коммерсанта, порожденный условиями денежного обращения и работы на рынок.

Отсюда и широкое развитие кредитных операций, значительные уступки, которые делал Смирдин на свои издания, и охотный обмен последними.

Контингент покупателей Смирдина составляла не аристократия и не купечество, «а военные и преимущественно помещики. Последние в то время считались лучшими покупателями и плательщиками, приезжали ли они зимой в Петербург, или выписывали из деревень прямо. Крепостное право, очевидно, давало им в то время средства удовлетворять и охоту к чтению. Значительная часть повестей, романов и вообще произведений так называемой изящной литературы раскупались помещиками» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 55).

Такова была в общих чертах деятельность Александра Филипповича в период его расцвета.

Иногда нормальный темп этой деятельности нарушался анекдотическими эпизодами, одним из которых мы закончим нашу главу.

В одном из своих многочисленных воспоминаний В.Б[урнашев], вообще склонный к мистификации, что нужно принимать во внимание при оценке достоверности его сообщений, пишет:

«Вердеревский рассказал совершенно свеженький анекдот о Хвостове. Дело в том, что знаменитый наш баснописец Иван Андреевич Крылов иногда занимал деньжонки у графа Дмитрия Ивановича, ссужавшего его ими всегда с величайшим удовольствием, потому что проценты, конечно, громадные, больше нынешних еврейских, по 15 в месяц, уплачивались прослушиванием галиматейных стихотворений графа. На днях Ивану Андреевичу понадобились гроши, и на этот раз не бездельные, и он поехал к своему банкиру, то есть к Хвостову, но, к горю того и другого, в этот раз граф сам был

à sec, потому что на днях только отдал Сленину весьма значительную сумму денег для издания своих виршей.

— Да разве не на свое иждивение Сленин, как он объявляет в предисловиях, издает произведения графа? — спросил кто-то, чуть ли не благодушный Подолинский.

— Какой осел, — вскричал Воейков, — кроме самого автора решится тратить свои деньги на издание всей этой галиматьи? Само собой разумеется, что Сленин тут только комиссионер-фактор и комиссионер, наживающий себе порядочные куши на этом дельце, потому что старый стихоплет понятия не имеет о ценах бумаги, типографии, художников, переплетчика, комиссионерских и пр. А вы разве не знаете, что когда вся эта, в пяти, шести или больших томах, дребедень бывает издана в свет, то Хвостов раздает экземпляры на комиссию, платя за эту комиссию не по нашему 15—20%, а 40—50%, вот как-с! Затем он разъезжает по книжным лавкам и справляется о продаже своих творений. Оказывается, что творения его застряли и сидят ни тпру, ни ну, сколько Сленин, на счет автора, ни объявляет широковещательно и о их выгоде во всех газетах, и вот тогда Хвостов снабжает деньгами своих агентов, которым велит отправляться по книжным лавкам и скупать там его экземпляры, разумеется, не упоминая о том, что они этим исполняют его поручение. Впрочем, не он первый, не он последний пускался на такую штучку: знаменитый французский романист д'Арленкур, когда романы его всеми были раскуплены и всем порядком оскомину набили, делал в точь то же самое

— А почему это, — спросил опять, помнится, Подолинский же, — граф так часто издает свои не раскупающиеся издания: в 1818, 1821, 1827, 1830 годах и все одно и то же, с некоторыми свежими прибавлениями?

— А это, изволите видеть-с, для того, — вещал Воейков, — чтобы, как его сиятельство объявляет всегда в своих предисловиях (при этом он развернул первый том нового издания Хвостова) следующее: «Многие, может быть, порицали меня за часто повторенные издания». С чего это он берет и кому

какая нужда до его нелепых изданий. Издавай хоть ежедневно, себе на потеху, людям на посмеяние. «А делал оное и, если жизнь моя продолжится, всегда делать буду, на счет авторского славолюбия (и на счет своего кармана) единственно для удобнейшего исправления погрешностей (да, каждый том есть огромная погрешность), которое необходимо нужно, если автор желает, чтобы его стихи,

.. Когда покажутся в столицу,
Не первые пошли обертывать корицу.

И без корицы найдется, что в них обертывать, — хохотал Воейков, — про то хорошо знает мой новый гость Владимир Петрович.

Засим он вменил себе в обязанность рассказать почтеннейшей публике во всевозможных подробностях мой случай в магазине Дюливье со стихами графа на холеру и с посвящением моей особе дареного экземпляра, в который мадам Дюливье распорядилась завернуть какой-то корсет, купленный престарелою графиней Хвостовой у нее в магазине.

— Все это прекрасно, — заметил кто-то, но все это остановило Василия Евграфовича с анекдотом о Крылове и Хвостове.

Рассказчик продолжал:

— Итак, граф Дмитрий Иванович страдал безденежьем, почему он предложил Ивану Андреевичу вместо денег, налицо не имевшихся, только что изготовленные для продажи 500 полных экземпляров своих стихотворений в 5 томах.

«Возьмите, Иван Андреевич, все это на ломового извозчика, — говорил Хвостов, — и отвезите Смирдину. Я продаю экземпляр по 20 р. асс.; но куда ни шло: для милого дружка — сережка из ушка, отдайте все это Смирдину, для скорости, по 5 р., по 4 р. экз., и вы будете иметь от 2000 до 2500 р. разом, т. е. более чем сколько вам нужно. Крылов, думая, что за эту массу книг, роскошно изданных, дадут-таки ежели не по 4, то по 2 р., соображая, что тут, ежели рассчитывать на вес, наберется почти около сотни пудов, даже не принимая в соображение

тяжеловесности стихов (острил рассказчик), поблагодарил графа, добыл через графскую прислугу ломового извозчика и, невзирая на свою обычную лень, препроводил весь этот груз лично к Смирдину, конвоируя самый этот литературный транспорт от Сергиевской до дома Петропавловской церкви, на легковом извозчике шажком. Но каково было удивление и разочарование Крылова, когда Смирдин наотрез отказал ему в принятии этого, как он говорил, хлама, которым, по словам книгопродавца, и без того уже завалены все петербургские книжные магазины. В задумчивости, но не расставаясь со своей флегмой, вышел Иван Андреевич на Невский проспект, где ломовой извозчик пристал к нему с вопросом: «Куда прикажет его милость таскать все эти книги?» — «Никуда не таскать, друг любезный, — сказал наш русский Лафонтен, — никуда, а свали-ка здесь на улицу около тротуара. Кто-нибудь да подберет». И все 500 книг творений Хвостова, опасающегося так оберток на корицу, были громадною массой свалены у тротуара против подъезда в книжный магазин. Им бы лежать тут пришлось долго, да вскоре проскакал по Невскому проспекту на своей залихватской паре рысаков с пристяжкой на отлете обер-полицеймейстер Сергей Александрович Кокошкин. Подлетел к груде книг, подозвал вертевшегося тут квартального, удостоверился, что все это творения нашего знаменитого певца Кубры, и велел разузнать от Смирдина, в чем вся суть. Когда его превосходительство проезжал обратно, книг тут уже не было: все они, по распоряжению частного пристава, отвезены были обратно к графу Хвостову, о чем с пальцами у кокарды треуголки частный отрапортовал генералу, пояснив с полицейским юмором происхождение этой истории, автором которой был Иван Андреевич Крылов. Его превосходительство изволили смеяться и на следующее утро имели счастие обо всем этом докладывать, в числе городских происшествий, государю императору, которому этот случай доставил несколько веселых минут. От последнего обстоятельства граф Дмитрий Иванович, в качестве верноподданного, был в радостном восхищении» (Петербургский старожил В.Б[урна-

шев]. Мое знакомство с Воейковым. «Русский Вестник», 1871, т. 96, с. 137—141).

6

Имя Александра Филипповича Смирдина в истории русской книжной торговли всегда соединяется с установлением коммерческих отношений между писателем и издателем, с введением гонорара в русский писательский быт. Подробно об этой роли Смирдина мы будем говорить в следующей главе, пока же скажем несколько слов о цифрах смирдинских гонораров.

Гонорары существовали и до Смирдина в виде единичных случаев, но массовым, закономерным явлением не были. Эпоха же Смирдина, в силу некоторых социальных деформаций делает это явление закономерным, своеобразно «канонизует» литературный гонорар.

Первый известный нам гонорар, уплаченный Смирдиным, — это 2000 рублей ассигнациями, отданные Фаддею Булгарину за «Ивана Выжигина». Указания некоторых историков книги, будто бы «Иван Выжигин» был продан за 30 000 рублей, неверны и относятся к продаже «Петра Выжигина» книгопродавцу Заикину, о чем было сказано выше (ср. А.И. Кирпичников. Очерки по истории книги, с. 67).

По словам «Библиотеки для чтения», Александр Филиппович «каждому сочинителю платил щедро, благородно, часто даже позабывая о своих собственных интересах». Последние слова нужно приписать некрологическому характеру статьи. «Одному И.А. Крылову за право издания его «Басен», в числе 40 000 экземпляров, заплатил он сорок тысяч рублей ассигнациями. До сих пор еще сохраняется предание, что А.С. Пушкину за каждую его стихотворную строку платил он по червонцу, а за его известное стихотворение «Гусар» заплатил тысячу двести рублей ассигнациями» («Библиотека для чтения», 1857, т. 146, отд. «Смесь», с. 250—251).

Осипу Ивановичу Сенковскому за редактирование «Библиотеки для чтения» Смирдин платил огромное по тому времени жалование, вызывавшее зависть пишущей братии, — 15000 рублей в год.

Второе издание «Маленькой истории» Полевого Смирдин хотел купить за 10000 рублей ассигнациями.

«Деятельный, прославившийся своими книжными, почти всегда счастливыми предприятиями А.Ф. Смирдин, — пишет Кс. Полевой, — задумал новое большое предприятие. Он согласил издателей «Северной пчелы» и «Сына Отечества» (т. е. Н. Греча и Ф. Булгарина) передать ему на условленное время издание их газеты и журнала, с правом пригласить для редакции обоих изданий Н.А. Полевого, который изъявил на то свое согласие... Смирдин обеспечивал ему большие выгоды, а на издержки переселения и уплату некоторых нетерпящих долгов выдавал вперед 20 000 рублей ассигнациями, правда не наличными деньгами, а своими векселями, которые принимались тогда всеми процентерами как чистые деньги» (Кс. Полевой. Записки. СПб., изд. А.С. Суворина, 1887, с. 370—371).

Параллельную запись от 8 декабря 1839 года мы находим у Никитенко:

«Сегодня я заключил условие со Смирдиным. В мое ведение поступает половина «Сына Отечества», т. е. отделы: науки, искусства, иностранной и русской литературы! Критика, политика и смесь остаются в руках Полевого. Сверх того, я ответственный редактор перед правительством за все издание. Вознаграждение нам по 7500 рублей в год каждому.

Плата за статьи назначается по 200 рублей за лист оригинальный и по 75 руб. за перевод. Эту плату сотрудники получают от Смирдина немедленно по напечатании их статей» (А.В. Никитенко. Записки и дневники (1826—1877). СПб., 1893, т. I, с. 401).

Указанные здесь журнальные гонорары сделались стандартными для той эпохи.

Здесь любопытно отметить, как переводы, с которых началась оплата литературного труда, переменили свое место в тарифной сетке книжной промышленности и стали оплачиваться вдвое ниже, чем произведения оригинальные.

Профессиональные взаимоотношения между Александром Филипповичем и Иваном Андреевичем Крыловым должны послужить предметом специального исследования.

Укажем здесь только, что Крылов, под влиянием покровительства двора, внешне относясь недоброжелательно к коммерческим отношениям писателя и жалуясь на торговое направление литературы, вместе с тем как писатель-профессионал умел отстаивать свои права на литературную собственность и повышать свою тарификацию:

«Иван Андреевич Крылов написал слабые басни, как бы в доказательство того, что талант его стареет, — записывает Никитенко в своем дневнике 12 апреля 1834 года, — у него был договор со Смирдиным, в силу которого тот платил ему за каждую басню по 300 рублей; теперь он требует с него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги» (Op. cit., с. 326).

Одно время Крылов был приглашен фиктивным редактором «Библиотеки для чтения», благодаря своей политической благонадежности и правительственным связям. По этому поводу выше цитированный А.В. Никитенко писал:

«Он [Крылов] жалуется на торговое направление нынешней литературы, хотя сам взял со Смирдина за редакцию «Библиотеки для чтения» 9 тысяч рублей. Правда, он не торгует своим талантом, ибо можно быть уверенным, что он ничего не будет делать для журнала. Однако он пускает в ход свою славу: Смирдин дает ему деньги за одно его имя» (Op. cit., с. 352. Запись датирована 9 февраля 1835 г.).

Гораздо более сложны отношения Пушкина и Смирдина. Совершенно прав профессор Сергиевский, когда он пишет, что для истории литературы гораздо важнее выяснить отношения Смирдина и Пушкина, чем отношение последнего к Анне Петровне Керн.

Отношения Пушкина к первому издателю-профессионалу не являются специальной темой нашего исследования, и здесь мы попытаемся наметить их пунктиром в самых общих чертах.

Александр Сергеевич был писателем-профессионалом с соответственной этому социальному положению «товарной идеологией», которую он декретировал в «Разговоре книгопродавца с поэтом».

В письме к князю Вяземскому Александр Сергеевич говорил:

«Я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть не для улыбки прекрасного пола».

Особенность положения русского писателя-профессионала, литературным трудом добывающего средства для существования, хорошо осознается Пушкиным:

«Patronage [покровительство] до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб поднес все свои прекрасные поэмы To his grace the Duck etc. В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, которых он удостоился, и проч. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила m-me de Staël, словесностью занимались большею частью дворяне. Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу в надежде получить от него пятьсот рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями...

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас выгодным ремеслом, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то» (А.С. Пушкин. Мысли на дороге).

Деловые сношения Пушкина со Смирдиным начинаются, по-видимому, продажей последнему издания «Бахчисарайского фонтана», напечатанного кн. Вяземским. Смирдин купил издание за 3000 рублей.

В 1828 году Александр Филиппович покупает второе издание «Руслана и Людмилы» за 7000 рублей.

В апреле 1830 года Плетнев от имени Пушкина заключает со Смирдиным условие, по которому Смирдину на четыре года уступались права на все вышедшие в свет сочинения Пушкина. Смирдин при этом обязался выплачивать Пушкину в течение этих четырех лет, с 1 мая 1830 года, ежемесячно по 600 рублей ассигнациями (Плетнев. Сочинения, т. III, с. 350).

В издание вошло: семь глав «Евгения Онегина», два тома стихов, «Полтава», «Цыгане» и «Бахчисарайский фонтан».

Эти ежемесячные выплаты составляли для Пушкина значительный ресурс, и он неоднократно упоминает о них в своих письмах, называя их своим «жалованием» или «оброком» (Переписка, т. II, с. 264 и 287).

Смирдин платил не всегда аккуратно, иногда задерживая платежи. Одна из таких задержек вызвала со стороны Пушкина эпиграмму на Смирдина. Приведем записку, адресованную М.Л. Яковлеву:

«Смирдин меня в беду поверг,
У торгаша сего семь пятниц на неделе.
Его четверг на самом деле
Есть после дождика четверг.

Завтра получу деньги в 2 часа по полудни. А ввечеру тебе доставлю. Весь твой» (Три письма Пушкина. «Библиографические записки», 1861, № 10, с. 289).

Малейшая настойчивость Смирдина раздражала Пушкина.

«Варварство нашей литературной торговли меня бесит, — пишет он Погодину. — Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому подобн. и ни к каким условиям не приступает. Трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим техническим языком» (Письмо А.С. Пушкина М.П. Погодину от 11 июля 1832 года).

Тем не менее Пушкин ценил добросовестное отношение Смирдина и охотно поручал ему издания своих произведений. Смирдиным были изданы — «Борис Годунов» (1831 г.), «Евгений Онегин» (1-е полное издание, 1833 г.), «Поэма и повести» (1835 г.).

Когда в конце 1833 г. Смирдин задумал издание «Библиотеки для чтения», он заключил с Пушкиным условие, по которому Пушкин обязался отдавать свои новые произведения этому журналу, получая по червонцу за стих; и, действительно, в «Библиотеке для чтения» за 1834 г. был напечатан целый ряд его произведений в стихах и в прозе («Гусар», «Сказка о мертвой царевне», «Пиковая дама», «Кирджали» и др.).

Денису Васильевичу Давыдову Смирдин предлагал по триста рублей за печатный лист «Библиотеки для чтения» с тем, чтобы Давыдов имел право печатать помещаемые там статьи в особой книжке (Письмо Д.В. Давыдова Пушкину от 2 марта 1836 г.).

В 1835 году, когда Пушкин проектирует издание журнала, Смирдин предлагает ему крупную сумму отступных:

«Денежные мои обстоятельства плохи, я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как он еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я только от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его «Библиотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на это согласиться. Но Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно» (Переписка, т. II, с. 243, письмо Нащокину, октябрь 1835 г.).

Цензурные притеснения и изъятия моментально отражались на взаимоотношениях поэта и издателя, часто не в выгодную для последнего сторону:

«Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя, — записывает в своем дневнике Пушкин. — Слово *кумир* не пропущено цензурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова

вымараны. На многих листках поставлен (?) — все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным» (Дневник А.С. Пушкина (1833—1835 гг.), Гиз, М.—П., 1923, с. 39).

В каком роде происходили эти «перемены условий», видно из дневника А.В. Никитенко от 11 апреля 1834 года:

«Случилось нечто, расстроившее меня с Пушкиным. Он просил меня рассмотреть его «Повести Белкина», которые он хочет печатать вторым изданием. Я отвечал ему следующее:

— С душевным удовольствием готов исполнить ваше желание теперь и всегда. Да благословит вас гений, а мы всегда готовы! (Что сказать? Обрезывать крылья ему? По крайней мере рука моя не злоупотребит этим.) Потрудитесь мне прислать все, что означено в записке вашей, и уведомьте, к какому времени вы желали бы окончания этой тяжбы политического механизма с искусством, говоря просто, процензорованья и т.д.

Между тем к нему дошел его «Анджело» с несколькими урезанными министром стихами. Он взбесился. Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однако ж, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки» (Op. cit., с. 326).

Как видно из этого, Пушкин твердо отстаивал оплату своего писательского труда, иногда не стесняясь в выборе средств.

Авдотья Панаева приводит эпизод, который, несмотря на свою возможную апокрифичность, ярко характеризует взаимоотношения Александра Сергеевича Пушкина с Александром Филипповичем Смирдиным:

«Панаеву понадобилась какая-то старая книга, и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и пока приказчик отыскивал книгу угощал чаем; разговор зашел о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с, — сказал Смирдин. — Мне раз случилось говорить с ней... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желает брать других денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь; она ответила: «Входите». Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

— Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

— Все это она-с проговорила скоро, не поворачивая головы ко мне, а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные на обеих щеках. Я поклонился, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову-с, и они сказали мне:

— Что? с женщиной труднее поладить, чем с самим автором. Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме? — отвечал Смирдин» (Авдотья Панаева [Е.Я. Головачева], Воспоминания. Л., изд. «Academia», 1927, с. 299—301).

По мнению Н.О. Лернера, этот рассказ относится к пушкинскому «Гусару», за которого в 1833 году Смирдин заплатил поэту 2000 рублей ассигнациями.

Такова в самых общих чертах история взаимоотношений Пушкина и Смирдина в эпоху усиленной профессионализации русского писателя.

В продолжение своей деятельности Смирдин «издал различных сочинений более чем на *десять миллионов рублей ассигнациями* (по сведениям «Русского инвалида», 1857, № 203, с. 841 — «более чем на три миллиона руб. сер.»). За одну бумагу и за печатание этих изданий заплатил он 1 959 092 рубля и писателям за право издания выдал 1 370 535 рублей почетного вознаграждения.

Он издал труды более чем *семидесяти* русских писателей, в числе которых должно упомянуть Державина, Карамзина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Марлинского, Батюшкова, Д.В. Давыдова, И.И. Козлова, Боратынского, Норова, Муравьева, Литке, Врангеля, Бутурлина, Бегичева, князя Одоевского, Перовского [Погорельского], Гнедича, Хмельницкого, Броневского, госпожи Зонтаг, Сенковского, Греча, Булгарина, Арсеньева, Нелюбина, Шишкова, госпожи Жуковой, Фукса, Вейдемеера, Подолинского, Кукольника, Катенина, Даля [Казака Луганского], Степанова, Свиньина, Зотова, Каменского, Перевощикова, Галича, Хавского, Нарежного и прочая, и прочая» («Библиотека для чтения», 1841, т. 47, отд. VI).

7

«Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся»
(А.С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом)

Эпоха 30-х годов — эпоха общей профессионализации писательского труда, эпоха, начинающая собой период, кото-

рый условно можно назвать «товарным» периодом русской литературы.

Роль зачинателя этого периода персонифицирована современниками в Александре Филипповиче Смирдине:

«Смирдину мы обязаны тем, что ныне литературные занятия дают средства к жизни и довольству посвящающих им свое время и способности. Мы помним, как нападали в современных журналах на это, как называли тогда *коммерческое* направление нашей литературы. Времена эти прошли, все поняли важность и необходимость вознаграждения за литературные труды, но честь, слава и вечная память тому, кто дал этому началу первое движение» (В. Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина. «Русский инвалид», 1857, № 203, с. 841).

Мнение о Смирдине как о создателе товарного периода русской литературы, как о первом издателе, начавшем оплачивать литературный труд, одностороние и верно только до известной степени.

Это мнение нужно брать с поправкой на прошлое и на общие законы исторического развития.

Литературный гонорар до Смирдина несомненно не был массовым и закономерным явлением.

По словам И. Панаева, «Якубович от литературы не получал ничего, потому что тогда не только за стихи, но и за прозу платили только немногим избранным» (И. Панаев. Литературные воспоминания, с. 106).

О самом себе Панаев пишет:

«Я сделался, наконец, записным литератором: писал для журнала Краевского повести и разбирал, по его просьбе, разные литературные книжки... Я работал охотно и бескорыстно, даже и не помышляя о том, что труд мой стоит чего-нибудь. Я вполне удовлетворялся уже одним тем, что видел его в печати» (Ibidem, с. 113).

А.В. Никитенко, работавший в журнале Фаддея Булгарина, получал в качестве гонорара оттиски своих статей.

Еще в 1826 году журнальный гонорар представлял редкое исключение. Булгарин, узав, что в «Московском вестнике» Погодин собирается платить гонорар, писал ему:

«Объявление ваше, что вы будете платить *по сту* рублей за лист, есть несбыточное дело».

Да и в самый товарный период оставались еще писатели с «дотоварной», непрофессиональной «идеологией».

Когда Смирдин, приехав однажды в Москву, попросил поэта С.Е. Раича продать ему несколько стихотворений, тот в гневе воскликнул: «Вдохновение не продается!»

Итак, массовым явлением литературный гонорар в досмирдинскую эпоху, конечно, не был. Но он существовал в отдельных случаях и захватывал отдельные писательские слои.

Так, еще в XVIII веке профессиональными, живущими литературным заработком писателями были лубочные авторы, выдвинувшие такую яркую фигуру, как «Московский житель — Матвей Комаров». Профессионалом был и «турецкий янычар» Эмин, переводчик, журналист и романист.

Наконец, литературный труд оплачивался Новиковым и его товариществом.

Но господствующей формой писательского быта XVIII века было меценатство.

В начале XIX века, с выходом на литературную арену писателя-дворянина, меценатство сменяется аристократическим дилетантизмом, с параллельным антитетическим ростом профессионального писателя.

Большой и неожиданный для того времени коммерческий успех «Полярной звезды» в 1823 г. и затем «Бахчисарайского фонтана» Пушкина в 1824 году окончательно подготовили почву для товарного периода русской литературы, для массовой профессионализации писателя. Эпоха Смирдина — эпоха перехода количества в качество.

Под товарным периодом русской литературы мы условно понимаем тот период, когда меценатство и литературный дилетантизм писателя-дворянина, для которого литература яв-

ляется побочным занятием, сменяются появлением писателя-профессионала, образующего особое сословие, которое живет продажей своего литературного труда издателю.

Причем еще раз повторяем, что зачинательскую в этом деле роль Смирдина нужно понимать условно, как явление историческое.

«Вообще, приоритет на изобретение или открытие установить очень трудно; эпоха подготовила предпосылки построения, и несколько человек, не связанных друг с другом, ощущают себя творцами. В этом случае человек и человеческий мозг не что иное, как геометрическое место точек пересечения линий коллективного творчества.

Я поясню свою мысль сравнением. Если мы в совершенно неподвижно стоящий стакан с водой бросим мельчайше истертый порошок, то увидим, что и после того как вода успокоится, мельчайшие частицы порошка, подвешенные в воде, движутся вроде того, как движется рой мошек на солнце, но гораздо тише. Движение это называется броуновским, по фамилии ученого, который его открыл и объяснил нам, что частицы, подвешенные в жидкости, в силу ничтожности своей массы, воспринимают движение молекул и начинают колебаться под действием их толчков.

Вот роль таких частиц, выявляющих движения, не заметные сами по себе для невооруженного глаза, и играет творец, будет ли это изобретатель двигателя внутреннего сгорания или поэт» (Виктор Шкловский. Ход коня. Изд. «Геликон», Москва — Берлин, 1923, с. 69—70).

Роль такой частицы, выявляющей движение социальных молекул, играл и Александр Филиппович Смирдин.

Он сам и его деятельность были ничем иным, как геометрическим местом точек пересечения исторических линий.

Можно с полным правом сказать, не впадая при этом в метафизичность, что если бы Александра Филипповича Смирдина не было, история его создала бы.

Смирдин — величина детерминированная.

* * *

Уже Фаддей Булгарин подходил исторически к деятельности Смирдина, расценивая ее как разрешение задачи данного исторического момента.

«...Важнейшее препятствие к успехам словесности... есть недостаток возмездия за труды и время. Не один умный и образованный человек, который был бы отличным автором, должен подавить в себе благородную страсть и писать просьбы и резолюции, чтоб избегнуть нищеты, которою угрожает ему занятие словесностью. Воля ваша, а литератор должен быть привязан к словесности душою и *телом*. Мы имеем примеры страсти богатых и знатных людей к авторству, которая всегда оканчивалась несколькими статейками и гибла в омуте наслаждений и честолюбия. Труд не для богатого» (Ф. Булгарин. Об общеполезном предприятии книгопродавца А.Ф. Смирдина. «Северная пчела», 1833, № 299, с. 1184).

Установив этот своеобразный социологический, точнее, классовый прогноз, Булгарин далее, описав деятельность Новикова, подходит к профессионализации писателя исторически:

«После Новикова книгопродавцы воспользовались пробуждением публики, потребностью века, жаждою славы молодых писателей, нуждою ученых и нищетою полуграмотных бумагомарателей и обогатились, не заботясь о распространении вкуса к изящному, не помышляя о словесности и возмездии литераторов за их труды. Книгами торговали, как торгуют мясом или лесом, с тою разницею, что книгопродавец был и властителем и производителем товара, а литератор — или работником, или простым зрителем. Счастливая эпоха деятельности литературной прошла вместе с Новиковым и оставалась только в памяти... Словесность чахла...

Наконец, в наше время появились аргонавты в словесности, которые вознамерились плыть в Колхиду и силою исторгнуть златое руно у драконов, стерегущих его. Недостава-

ло только кормщика. Судьба послала нам его в лице книгопродавца А.Ф. Смирдина. Уже мы плывем и видим берег.

Смирдин, конечно, не Новиков. Он только книгопродавец, но книгопродавец необыкновенный, действующий с пламенною любовью к славе России, с беспримерным в области промышленности бескорыстием, с страстью к литературе. Поставляя себе в непременную обязанность быть распространителем вкуса к чтению, Смирдин примкнул к литераторам и, гнушаясь выгодами, основанными на присвоении чужого труда и собственности, предложил всем раздел выгод, за общее усердие к пользе словесности. Что сделал и что делает Смирдин, того со времени Новикова не бывало и, может быть, не будет на Руси после него. Он окрылил словесность, дал ей жизнь, разбудил публику и писателей, сдружил их и положил первое основание новому сословию: *сословию литераторов*.

Заметьте, что сословие тогда только может образоваться, когда в состоянии существовать независимо от других сословий, что каждая отрасль образованности тогда только может процветать, когда возделывается особенным сословием, посвятившим себя исключительно обрабатыванию одной отрасли. Таким образом держатся науки, искусства, промышленность... Выгоды, доставляемые Смирдиным литераторам, позволят им свободно и досужно заниматься делом, а не урывками между сном и департаментом» (Op. cit., «Северная пчела», 1833, № 300, с. 1186—1187).

Эта сословно-цеховая точка зрения, отстаиваемая Булгариным, — точка зрения писателя-профессионала, каковым и был Фаддей Венедиктович.

Вышеприведенная статья Булгарина анонсировала выход «Библиотеки для чтения» и была тесно связана с вопросом о журнальном гонораре.

Открытое афиширование оплаты писательского труда раскололо литературный лагерь на две враждебные партии — сторонников и противников «коммерческого направления».

Первым выстрелом в этой войне, продолжавшейся несколько лет, была знаменитая статья С. Шевырева — «Словесность и торговля», поднявшая вопрос, по терминологии наших дней, о «халтуре» и заказе.

Господство жанра романа и повести, стиль их, роль журнала и характер критики Шевырев видел в заказе рынка, в порождении спекуляции.

«Библиотека для чтения» есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи, чрезвычайно разнообразные, прекрасные, но более плохие, редко занимательные и часто скучные» («Московский наблюдатель», 1835, кн. 1, ч. I, с. 7).

«На журналы я смотрю как на капиталистов. «Библиотека для чтения» имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. «Северная пчела», может быть, вдвое. Замечательно, что эти журналы еще в том сходятся с богачами, что любят хвастаться всенародно своим богатством. Эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные: за ними нет никогда недоимки, они платят вперед и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнации. Вот едет литератор в новых санях; ты думаешь, это сани. Нет, это статья «Библиотеки для чтения», получившая вид саней, покрытых медвежьей полостью, с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковер, этот лак чистый и опрятный — все это листы дорого заплаченной статьи, принявшие разные образы санного изделия. Литератор хочет дать обед и жалуется, что у него нет денег. Ему говорят: — Да напиши повесть — и пошли в «Библиотеку для чтения», вот и обед. Одним словом, литература наша сыта, дает обеды, *живет в чертогах, ездит в каретах*, в лаковых санях, кутается в медвежью шубу, в бекеш с бобровым воротником, *возвышает голос на аукционах опекунского совета, покупает имения*... Настал, если не золотой, то самый сытный век нашей литературы. Дождались мы того счастливого времени, что статьи наши считаются за верные банковые билеты, что словесность наша имеет свой торговый дом, в котором эти измаранные билеты тотчас вымениваются на чистые печатные, все приобретающие. Не на Парнасе сидят наши музы, не сре-

ди их в небесах, а в снегу обитает наша словесность. Я представляю ее себе владетельницею ломбарда; здесь, на престоле из ассигнаций, восседает она со счетами в руке. В огромных залах ее чертогов великое множество просителей, с исписанными тетрадями в руках; билеты равно принимаются от известных и неизвестных; она всех сравняла по уровню печатного листа, за исключением немногих прежних капиталистов; но между этими просителями нет уже ни одного героя, который осмелился бы, как прежде, поднять голову над всеми и объявить монополию на повесть, на роман, на поэму. Но кто невидимый герой всего этого мира? Кто устроил ломбард нашей словесности и взял ее производителей под свою опеку? Кто движет всею этой машиной нашей литературы? Книгопродавец. С ним подружилась наша словесность, ему продала себя за деньги и поклялась в вечной верности» (Ibid., с. 10).

Объясняя далее массовое распространение «неистового» романа «литературной спекуляцией на счет нашего воображения, сердца и вкуса», Шевырев полагал, что одна только поэзия не покоряется спекуляцией:

«Торговля теперь управляет нашей словесностью, и все подчинились ее расчетам; все произведения словесного мира расчислены на оборотах торговых; на мысли и на формы наложен курс».

Поэзия одна не покоряется спекуляции...

...Тщетно книгопродавец сыплет перед взором поэта звонкие, блещущие червонцы: не зажигается взор его вдохновением, Феб не внемлет звуку металла» (с. 19).

До известной степени соображения Шевырева справедливы.

Именно в это время в противовес журнализму и беллетристике, расценивающейся как товар на книжном рынке, возродилась архаическая тенденция самоиздательства.

Авторские издания типичны главным образом для сборников стихотворений.

Но с исторической точки зрения поэзия Шевырева реакционна. Эволюция русской литературы выдвинула в 30-х годах XIX века на очередь прозаические жанры, и поэтому литературе были нужны не стихотворные альманахи, а толстые журналы и томы романов.

Торговое направление словесности создавало, по словам Шевырева, новую социальную позицию литератору:

«Теперь литератор не есть уже бесприютный бобыль нашего общества. Литератор есть уже капиталист, которого умственный капитал имеет еще ту выгоду, что не может никак подвергнуться вычислениям и временным условиям торгового баланса, который вдруг неожиданно дает несбыточные проценты. Одним словом, литератор у нас получил собственность» (с. 21).

Торговое направление считалось Шевыревым эпохой «перехода». Состояние же перехода, говорил Шевырев, всегда вредно, особенно тогда, когда в ней сталкиваются две совершенно противоположные стихии: духовная — какова словесность; материальная — какова торговля.

Поэтому, отмечая положительные стороны торгового направления, он резко нападал на него.

Роль книгопродавца только тогда будет благородной, когда он вместе со сбытом заботится и о нравственном успехе:

«Явлению такого человека, капиталами оживляющего вещественную жизнь литературного мира, мы должны радоваться в эпоху торгового направления словесности; но вместе с тем всякий литератор, знающий цену своего звания, должен противодействовать толпе спекуляторов, которые в то же время вторгаются в мир литературы и представляют другую, неизбежную сторону злоупотреблений ее торгового направления.

Они (спекуляторы-литераторы) потворствуют прихотям века, если в нем господствует безвкусие, будут распространять его как можно более; они наводнят литературу своими произведениями, потому что пишут без труда честного, не по призыву мысли, не по внушению мнения, а потому, что обя-

зались книгопродавцу столько листов, как фабрикант обязуется поставить казне столько-то половинок сукна; они-то своею бездушною прозою, лишенной мыслей, заливают нашу словесность» (Ibid., с. 26—27).

Считая, что издательский заказ вызовет массовое появление халтуры, Шевырев оценивал «торговое направление» словесности как явление другого ряда — «материальное», а не «духовное» и потому не могущее играть прогрессивного значения в развитии литературы:

«Книгопродавец имеет все права смотреть на словесность как на торговую спекуляцию; имеет все права смотреть на литераторов как на пишущие машины и приводить их в действие деньгами — этими движущими парами физического и умственного мира; он имеет все права заводить журналы вроде литературных фабрик, сзывать поставщиков, объявлять торги и заводить все коммерческое в словесность. Но книгопродавец купит всю литературу, но не создаст ее. Вся вещественная машина в ее руках у него, — но у него нет ни одной мысли, и потому сбыт литературы ему принадлежит, но не успех» (Ibid., с. 23—24).

В вопросе о халтуре Шевырев перегибал палку. Даже стилистические моменты он был склонен выводить непосредственно из условий авторского гонорара:

«Не только господство форм, но и самый характер произведений, и художественные идеи объясняются весьма легко с моей материальной точки зрения. Пойдем далее. Знаешь ли, что отсюда же объясняется отчасти и тайна нашего современного слога? Почему он так кишит эпитетами и глаголами? Куда девалась заветная краткость, о которой проповедывал Гораций и с его голосу все риторы? Посмотри, как наш писатель то, что можно сказать одним словом, выражает предложением, а предложение, достаточное для мысли, вытягивает в длинный-предлинный период, период — в убористую страницу, страницу — в огромный лист печатный» (С. Шевырев. «Московский наблюдатель», 1835, с. 17—18).

«...Но в чем тайна всего этого? В том, что цена печатного листа есть 200 или 300 рублей; что каждый эпитет в статье его ценится, может быть, в гривну; каждое предложение есть рубль; каждый период, смотря по длине, есть синяя или красная ассигнация... Как же не дорожить ему после этого всяким словом, когда из этих слов составляются не периоды, а ассигнации?» (там же, с. 18).

«...Итак, болтливость нашего слога, бесконечные плеоназмы, необделанные периоды, ряды синонимов, существительных, прилагательных и глаголов на выбор, все эти свойства скорописи, одолевшие нашу литературу, имеют начало свое в том, что нынче слова — деньги, слог, чем грузнее, тем выгоднее. От такого слога растет статья, толстеют листы книги, вздувается самая книга, как калач у пекаря, наблюдающего выгоды припеки. Извини, что мое сравнение пахнет дымом пекарни, но оно вполне выражает мысль мою» (там же, с. 19).

Установление каузальной зависимости между ценой печатного листа и протяженностью эпитета, конечно, является примитивным критическим методом.

Здесь невольно вспоминаются обывательские рассуждения о графике футуристического стиха.

Ступенчатая разбивка синтаксических единиц, обусловленная требованиями интонационного выделения слов, объяснялась тем, что за каждое слово футуристы получают как за целую строку.

Белинский, предвосхищая появление статьи Шевырева и занимая пока еще несколько двойственную позицию, в 1834 году выступал на защиту Смирдина и «товарного направления»:

«Есть люди, которые утверждают, что будто г. Смирдин убил нашу литературу, соблазнив барышами ее талантливых представителей. Нужно ли доказывать, что это люди злонамеренные и враждебные всякому бескорыстному предприятию, имеющему целью оживление какой бы то ни было ветви народной промышленности. Я не принадлежу к таким людям» (Литературные мечтания. Полн. собр. соч., т. I, с. 391).

Затем уже задним числом, в 1845 году, Белинский решительно становился на сторону торгового направления, что обусловлено было его бытием писателя-профессионала. По его мнению, «торговое направление, данное г. Смирдиным русской литературе, даже и в отношении к успехам вкуса принесло великую пользу».

«...С появлением «Библиотеки для чтения» литературный труд сделался капиталом... Можно ли предполагать действительное существование литературы там, где может жить своим трудом и поденщик, и разносчик, и продавец старого тряпья, и битой посуды, и тем более писец, но где не может жить своим трудом писатель, литератор? Что бы ни говорили, но аксиома неоспоримая, что нельзя в одно и то же время быть вполне и хорошим чиновником, и хорошим литератором: чиновник непременно будет мешать литератору, а литератор — чиновнику. Чтоб быть ученым, поэтом или литератором вполне, необходимо видеть в науке, в искусстве или в литературе свое исключительное призвание, свое, так сказать, ремесло, свой род промышленности, говоря языком политической экономии» (В.Г. Белинский. Сто русских литераторов. Полн. собр. соч., т. IX, с. 495).

Разобрав значение «торгового направления» в русской словесности, Белинский обрушивался непосредственно на Шевырева. Приведя длинную выдержку из «Словесности и торговли», Белинский говорил:

«Эта шумливая выходка против прекрасного дела г. Смирдина говорит всего убедительнее в его пользу. Во-первых, широковещательная и многоглаголевая статья эта напечатана в журнале, который в своей программе объявил, что он будет «платить за статьи и платить не скупо». Во-вторых, велеречивый сочинитель этой статьи не замедлил послать в журнал г. Смирдина статью, на общих для всех основаниях денежного вознаграждения. (Вот, подлинно, продался, да и бранит других, что они продают свои труды...) В-третьих, в отрывке, который мы выписали из статьи, что ни слово, то не-

правда, что ни слово, то выдумка, что ни слово, то преувеличение».

Отстаивая прогрессивное значение торгового направления, Белинский противопоставлял его меценатскому периоду:

«Плата за честный труд нисколько не унизительна; унизительно злоупотребление труда. И, по нашему мнению, гораздо честнее продать свою статью журналисту или книгопродавцу, нежели кропать стишонки в честь какого-нибудь мецената, милостивца и покровителя, как это делывалось в *невинное и бескорыстное* время нашей литературы, когда подобными *одами* добивались чести играть роль шута в боярских палатах, получали места и выходили в люди...» (Ibid., с. 449—450).

Таким образом, Белинский отстаивал свои профессиональные позиции.

Иначе реагировала «Библиотека для чтения»; так как по журнальной программе она отказывалась от прямой полемики, то она прибегла к чисто литературному методу борьбы, к пародии, и этой пародией обессмысливала статью Шевырева.

В отделе «Литературной летописи» были помещены такого рода рассуждения на тему о том, почему пишет писатель:

«Мне кажется, очень понятно, и оно даже легко объясняется, почему люди пишут и печатают книги. Одни — как им не писать, когда за несколько печатных листов сыплются на них деньги вместе со славою. Другие — да как им не писать, если это приносит чистые деньги, совершенно чистые без всякой славы. Сколько, например, вы, сударь, который вечно пишете вещи неудобопечатаемые, получаете в год жалования? — «Тысячу рублей». — Тысячу? Скажите! Да, чай сотни три доходов и наград получаете вы еще? — «Нет, сот пять всего набирается». — Так всего-навсего полторы тысячи. Посмотри же теперь, сударь, ремесло писаки и печатальщика; долго ли ему выработать полторы тысячи рублей! Положим, он умеренно пишет по два романа в месяц и продает их также умеренно, по сто рублей: это составит две тысячи четыреста рублей. С двумя тысячами четырьмя стами рублей много

можно сделать: можно нанимать премиленькую квартирку на Петербургской стороне, водить жену в чепчике каждый день гулять на Крестовском, иметь на столе беспереводно бутылку пива и для приятеля картуз вакштафу Лапотникова, шить себе каждый год фрак из русского сукна и в именины поросконшичать бутылкой крымской мадеры или донского бургундского. Как не печатать того, что пишете! Хорошо! Да, есть еще люди, которые пишут, печатают и не видят от этого чистых денег, денег без славы, — ни денег со славою. Разумеется, что и у них, для того чтобы писать, есть причины, многие и разные. Одни пишут по фанатизму к музам, и их бескорыстие оскорбила бы всякая награда, будет ли она состоять в звуках славы или в звуках целковых. Это вертящиеся дервиши словесности, которые пишут, пока у них не закружится голова, не потемнеет в глазах, не явится невидимый мир печатной критики, и в самом фанатизме находят себе награду. Другие мучатся за грехи своих отцов и являют собой поучительный пример, как должны мы заботиться о чистоте наших нравов, чтобы детям нашим не пришлось тяжко расплачиваться за наши проказы, стихами и прозою, иногда до седьмого колена. Наконец, есть еще писатели, которые ничего не ищут, не жаждут ни славы, ни денег, не получают ни того, ни другого: эти чего пишут? Из-за чего-то неизъяснимого. Как растолковать желание видеть свое имя в печати? Тут от помышлений о чем бы то ни было мирском, непрочном, тленном, ассигнациях или славе так далеко, как от Петербурга до Пекина. Нет. Есть именно наслаждение видеть имя свое напечатанным. Удовольствие совершенно умственное, чувство неуловимое и непонятное людям непечатанным; отрада выше всех отрад. Вы видите, во-первых, имя свое изображенное прямыми литерами; тысячу раз изображенное, и всегда отлично, хорошо. Потом видите вы свое имя в объявлениях книгопродавца; наконец, в «Реестре» Смирдина. Еще видите вы удивление, с каким слышат знакомцы и соседи, что и вы пишете. — «Вы пишете, Сидор Карпович?» — Пишу, сударь. — «О...» — За это «о», образованное живописным ртом моего

соседа, я сам готов пуститься в стихотворцы. За восклицание моей молодой знакомки я решусь даже приняться за оду. «Как, и вы, Сидор Карпович, пишете?» — Пишу, сударыня, пишу, и печатаю. Вы не можете себе представить сколько хлопот писать для печати. Типографские работники берут с меня на водку; книгопродавца никогда нет дома, когда я приношу ему на комиссию свои книги, и критик сказывается больным, когда я приношу ему свои труды в *знак искреннего уважения*. А я все-таки пишу, сударыня. Но всего лучше то, когда два человека разговаривают о вас, и один из них спрашивает: — Какой Сидор Карпович? А другой отвечает: — Писатель. Выше этого наслаждения не может быть на свете. Сидор Карпович — писатель.

По этому способу, который называется аналитическим, можно растолковать все в природе, даже и то, почему люди пишут и печатают книги» («Библиотека для чтения», 1836, т. XIX, отд. VI, с. 1—13).

Нужно отметить, что фразеология «торгового периода», подражающая стилю политических экономий, появилась значительно ранее вышеприведенной полемики.

Так, уже в 1832 году обозреватель «Телескопа» писал:

«1832 год в летописях нашей словесности отметится годом черным для *обрабатывающей литературной промышленности* и, следоватльно, для *литературной аристократии* и, если можно так выразиться, для *литературного мещанства*, занимающегося книжным *фабричным производством*» (Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год. «Телескоп», 1832, № 1, с. 156, курсив наш).

В том же году «Трудолюбивый муравей», намекая, очевидно, на деятельность Смирдина и пародируя стиль торговых объявлений, весело извещал:

«ОБЪЯВЛЕНИЯ

Нижеподписавшийся, русский литератор, сим честь имеет известить, что по заказу принимает он на себя поставку оригинальных исторических романов, романтических траге-

дий и переделанных на русские нравы водевилей, романов, переведенных с французского, и проч. За оригинальный исторический роман в 4 томах, с любовью, русскими и мужицкими фразами, множеством собственных имен, и, по крайней мере, пятьюдесятью выписками за Истории Карамзина и двадцатью описаниями нравов, обычаев и одежд, взятыми из книги Успенского, — цена 300 рублей ассигнациями (намек на исторические романы Ф. Булгарина). За романтическую трагедию с совершенным несоблюдением единства действия, времени и места, в пятистопных стихах без рифм — 100 рублей. За переделанный водевиль он доволен хорошим обедом и бутылкой шампанского, а за перевод романа с французского возьмет с перепискою его набело по 25 рублей за том. Он ручается, что все это поставит скоро, исправно и в самом новом, современном вкусе. У него же продаются, по мелочи, разные романтические стихи, как-то: отрывки из трагедий, комедий, поэм, весьма годные в альманахи и могущие составить порядочную литературную известность куплеты для водевилей, где помещены совершенно новые насмешки над судьями, женщинами и журналистами; целые стихотворные пьески, от 10 до 50 стихов, с рифмами, где изъясняются разные воспоминания об утраченной молодости, о бывалом весельи, о глазах, руках и ногах дев, о кипящем вине, о студенческой жизни и проч. Имеет он также готовые пьески, писанные к разным людям, в разные места и по разным делам, с пробелами, где можно вставлять собственные имена и потому весьма удобно применять и подносить их кому следует или кому угодно. Спросить у нашего городского Ладвока, г-на Вздороторгуева, или в трактире, подле находящемся.

С. Рифмоскрыпов».

(Камер-обскура № 8, «Трудолюбивый муравей», историческо-политическо-литературная газета, издаваемая в городе NN Яковом Ротозеевым и Фомою Низкопоклонниным, «Московский телеграф», 1832, № 8, с 163—165)

Таким образом, уже в начале 30-х годов, в связи с подъемом книжного дела и массовой писательской профессиона-

лизацией, появляется терминология «торгового» периода и связанная с ней «идеология».

В 1834 г. О. Сенковский протестует против понятия единства в литературе, подходя к нему в плане экономического положения писателя:

«Единство, то есть некоторый род единства, могло существовать в словесности, когда вся словесность жила на чердаке, писала всю ночь и утро на треногой скамейке, под дырявою кровлею, и в полдень стремглав сбегала по черной лестнице, чтоб терзать голодными зубами жаркое гордого мецената, а после жаркого тешить его чтением своих трудов; когда литератор в значении и силе привлекал к себе, как церковная паперть, все нищее сословие писателей и был для них средоточием надежд, литературного суда и славы; когда один или два ветерана словесности самовластно управляли изящным, удерживая в рабском повиновении все молодые понятия, все юные порывы таланта. Из такого единства проистекали только — для литераторов уничтожение, для словесности — школа, самая пагубная умственная монополия. Теперь, когда словесность перестала быть бесприютной сиротою, когда она взросла, возмужала, поступила на свой хлеб и пошла в люди; когда, прихотливая и исполненная чувства своей силы и своего благородства, стала сочинять свои страницы и в пышном кабинете вельможи, и в уборной щеголихи, на розовой надушенной бумаге, между счетом модистки и бурною запискою страстного любовника с усами, и на дубовом, испещренном каплями чернил столике грамотного лавочника, и в безбедной горнице записного литератора, перед лежащим на разбросанных книгах контрактом на гербовой бумаге, заключенным вчера с книжною торговлею и записанным по надлежащей форме у маклера, и даже среди военного шума, на простреленном неприятельской пулею барабане; теперь, когда книжное дело, склонность к писанию, удовольствие сообщать мысли свои публике каждый день более и более распространяются по всем ветвям общества, глядящим в различные стороны и лишенным самою природою возможности взаим-

ного прикосновения, когда вся Европа поздравляет себя с освобождением литературы от опасного влияния заслуженных писателей и всякого рода посредников между умом и публикою; когда всякий может быть оригинальным, не спрашивая о позволении у другого, — теперь заговорили вы о единстве в литературе...» (О. Сенковский. Исторический роман. «Библиотека для чтения», 1834, цит. по Собранию сочинений Сенковского, т. VIII, с. 31—32).

Здесь особенно любопытно указание на то, что писатель распространяется по классовой территории, появляется в различных социальных прослойках, а также попадавшееся нам и ранее противопоставление профессионального периода периоду меценатскому.

Итогом всей литературы о «торговом направлении» русской словесности явилась результирующая статья Николая Полевого «Отрывок из заметок русского книгопродавца его сыну».

Полевой прежде всего деканонизовал традиционное «высокое» представление о литературе и книге, вводя его в иной семантический ряд и тем снижая:

«...Мне кажется, литература — такое же общественное и земное дело, как и всякое другое; литератор — такое же звание, как и прочие. Житье литературное не хуже другого, да и труд не тяжелее других. Довольно, если назовем литературу такою же необходимостью, как война, правосудие, торговля; литераторов такими же необходимыми людьми, как солдат, приказный и купец. Высокая цель, высшее назначение, труд умственный — слова громкие, правда, но если и так, падая с неба на землю, высокая цель теряется в земной грязи, высшее назначение путается в злоупотреблении страстей и труд умственный облачается в форму вещественную, в книгу, журнал, а газета, журнал, книга продается и покупается — следовательно, она *товар*.

Вот добились мы до настоящего слова: книга — товар; и как же хотите вы, чтобы мы, торгующие книжным товаром, считали его чем-нибудь другим. За что же вы на нас серди-

тесь, когда мы называем вещь ее настоящим именем? Герой, увенчанный лаврами и изувеченный на поле битв, подписывается под распискою в получении жалованья, не героем, а поручиком, майором, полковником. Литератор говорит в условии: *продал* я такой-то, Архип Сидоров, *рукопись мою и получил* за нее *деньгами* столько-то. Не одно ли и то же? Вот если бы литератор писал: «Предал я рукопись мою бессмертию и получил за нее в задаток славу», — тогда иное дело...» (Николай Полевой. Отрывок из заметок русского книгопродавца его сыну. «Новоселье», ч. III, СПб., 1846, с. 498-499).

Сведя литературу «с ходуль, на которые поставили ее гг. литераторы», Полевой продолжает:

«Итак, если книга — товар, то выходит, что фабрикант такого товара — *литератор*, потребитель его — *публика*, а мы, книгопродавцы, — *продаватели* его, торгаши литературным товаром. Станем же смотреть на все это попросту.

Будучи товаром, книга требует, чтобы литератор, как все фабриканты, старался сделать ее по вкусу публики, так чтобы можно было ее выгоднее продать — по вкусу публики, говорю, то есть делать то, что требуется и как требуется. Вследствие того не всегда требуется доброта товара, а драгоценное свойство товара — умение удовлетворить потребности покупателя. Тогда будут барыши фабриканту и гуртовому его покупателю, и прибыль в продаже по мелочи товара, купленного гуртом. Что ж ты думаешь: не так делается в литературе? Ох, мой друг! Так, именно так, и уж нам это известно, нам, книгопродавцам, народу, который стоит за кулисами и видит, как крашеную холстину выдают за дворцы, за сады, за мореокеан и как гром раздается из железного листа, а пальбу производят, стуча в декорацию кулаками» (Ibid., с. 500).

Роль зачинателя «торгового направления» современная и позднейшая критика единогласно приписывала Александру Филипповичу Смирдину:

«Смирдин первый оживил у нас литературу благородною оценкою труда, первый не захотел пользоваться обыкновенною беспечностью таланта и первый стал вознаграждать при-

былью, получаемой от издания его творений. Все это необыкновенное движение в нашей литературе в течение последних пятнадцати лет было следствием его деятельности, его благородного образа мыслей, его усердия к умственной славе России и того неограниченного доверия, которое умел он своей честностью внушить к себе всему пишущему и читающему классу. Пушкин прекрасно называл его libraire-gentilhomme» («Библиотека для чтения», 1841, т. 47, отд. VI).

Все последующие статьи, в сущности, только перефразируют эту оценку «Библиотеки для чтения».

Так Ксенофонт Полевой пишет:

«Только с его [Смирдина] времени русские литераторы узнали, что занятия их могут быть вознаграждаемы достаточно. Писатель с дарованием мог быть уверен, что найдет у Смирдина занятие и пособие. Одно это было уже такою услугою, которую нельзя довольно оценить. Поощрение не может создать дарований, но несомненно, что оно увеличивает число людей, посвящающих труды свои поощрямой отрасли деятельности. Это сделал А.Ф. Смирдин для русской литературы, т. е. увеличил в ней число полезных действователей» (К. Полевой. Воспоминания об А.Ф. Смирдине. «Северная пчела», 1857, № 210, с. 991).

«Кроме многих других заслуг, оказанных им и литературе и книжной торговле, имя Смирдина стоит доброй памяти, как имя человека, значительно возвысившего литературную ценность литературного труда» («Отечественные записки», 1857, т. CXIV, отд. III, с. 45).

«С горячей любовью к своему делу, чуждый купеческой грошевой алчности, он первый и, кажется, единственный до наших дней книгопродавец стал щедро вознаграждать авторов, не торгуясь из-за пятачка» (П.И. Юркевич. Из воспоминаний петербургского старожила. «Исторический вестник», 1882, № 10, с. 165—166).

«Главная заслуга его — *удешевление книг, оценка литературных произведений, как капитала, и прочная связь, какую он положил между литературой и книжной торговлей*»

(Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1858, т. I, с. 5).

Автор статьи «Три книгопродавца минувшего времени» («Библиограф», 1892, № 1) дословно переписывает эту цитату, не оговаривая этого, к сожалению, ни ссылкой, ни кавычками (см. с. 42—43). Отметим, кстати, что приведенная в начале этой главы оценка деятельности Смирдина, данная «Русским инвалидом», также дословно повторяется «Московскими ведомостями» (1857 г., № 114, с. 972), что дает возможность предполагать о принадлежности обеих статей перу одного и того же автора.

Повторяем, что в деле создания «торгового направления» Смирдин играл роль видимой точки, выявляющей движение исторических сил. Он был лишь выполнителем заказа истории. История выдвинула на литературную арену писателя с новым социальным обликом, писателя, не обеспеченного «вторым» ремеслом и могущего жить только своим литературным трудом. Экономическое положение России сводилось в эпоху 30—40-х годов к развитию товарного хозяйства, к появлению рынка и рыночного заказчика. Общая социально-экономическая конъюнктура вызвала расширение читательского слоя за счет появления провинциального, главным образом помостного читателя. Таким образом, историческая ситуация требовала профессионализации литературного труда. Смирдин был послушен голосу истории.

Глава IX

«Библиотека для чтения» и Тютюнджю-Оглу

«Вкус — это прихоть беременной женщины, которая есть общество»
(Тютюнджю-Оглу. О. Сенковский)

1

«Все ожидают, — писал князь П.А. Вяземский И.И. Дмитриеву 14 августа 1833 года, — пришествия нового журнала Смирдина... На перспективе, в окнах книжной лавки Смирдина объявленис о нем колет глаза всем прохожим полуаршинными буквами. Хороша программа нового журнала. Самое заглавие — нелепость. «Библиотека для чтения»! Да для чего же и может служить библиотска? Нащекин говорит: «После этого можно сказать — карета для езды». Что за глупость! Резкость суждений, к коим прибегают журналисты, как к самому крайнему средству. Нс в резкости суждений беда, а в неприличности, в пристрастии, в наглости, в невежестве, в плоскости, в подлости оных. Резкое суждение, но добросовестное и на благонамеренном понятии основанное, не пятно журналу, а, напротив, заманка и под-

стрекание для читателя. Тупые, пошлые, бесцветные суждения — вот что морит читателя и журнал. *По важности содержания и благородному тону* не будет уступать лучшим иностранным журналам сего рода. Точно харчевник, который, открывая харчевню свою, уверяет почтеннейшую публику, что она не уступит лучшим ресторациям. Что значит журнал, который заранее объявляет, что не будет входить в споры ни с какими журналами и не отвечать ни на какие критики. Да стало быть он не журнал. Журнал — действующее лицо; он должен быть на площади, в толпе, в тесноте народной, отвечать направо и налево, задирать разговоры, трение, быть всегда на ногах, в движении, до поту лица своего. А что за журнал, то есть трибун литературный, который объявляет: «Не говорите со мною, потому что я никому отвечать не буду»? Так спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся. Дело не связываться с негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвечаешь ни на какие критики, — глупо и неловко, потому что солжешь, будешь отвечать, покрепишься, покрепишься и сорвешься» (Барсуков. Жизнь и труды М. Погодина, с. 221—222).

Таким резким письмом было предварено появление классического русского журнала — «Библиотека для чтения».

Первая книга «Библиотеки для чтения» вышла в январе 1834 года. Это был первый толстый энциклопедический журнал, осознанный как литературный факт.

Специфичной для него литературной установкой был синкретизм материалов, из которых он компонировался. В противовес современным журналам, в массе своей проводящим принцип диференциации по материалу (журналы литературные, медицинские, спортивные и т. д.), «Библиотека для чтения» избегала монотематизма и стремилась к универсализму, к энциклопедичности. Это был журнал «словесности, художеств, промышленности, наук, новостей и мод».

Составлялся он из следующих отделов: I. Русская словесность. Стихотворения. Проза. II. Иностранная словесность.

III. Науки и художества. IV. Промышленность и сельское хозяйство. V. Критика. VI. Литературная летопись. VII. Смесь.

К каждой книге прилагались раскрашенные картинки, изображающие последние моды. Обычно они заимствовались из парижских журналов.

В энциклопедичности «Библиотеки» журнально-прогрессивным моментом было не только многообразие тем, но и их пестрота, их контрастное порой соотношение.

Так, в I томе наряду со стихотворениями Жуковского, Пушкина, Козлова, наряду с беллетристическими вещами барона Брамбеуса, Булгарина, Греча, наряду со статьей Сенковского «Скандинавские саги» и «Взглядом на историю России» Н.А. Полевого в отделе «Промышленности и сельского хозяйства» были статьи Яценкова: «О состоянии мануфактур в России», «О земледелии в России», «Английский способ расчисления меры досок», «Распиловка бревен», исследование Максимовича «О составных частях почв»; в отделе «Смесь» рядом с заметками «Новый балет Р. Тальони» и «Новая драма В. Гюго» печаталось «Объявление о беглых людях», «Мемнонов колосс», «Происхождение и различные употребления резины», «Водяной паук», «Прибыль английского банка» и, наконец, «Моды» с двумя картинками.

Возможно, что эта пестрота тем имела такой же художественный расчет, как комбинация стилей в «Путевых заметках» Гейне.

Белинский в своем враждебном «Библиотеке» отчете «Ничто о ничем» отдавал должное отделу «Смеси» как одному из лучших. При этом он прибавлял:

«Конечно, чтобы хорошо составлять подобную смесь, нужно быть только *великим человеком на малые дела;* но журнал — странная вещь, и если для него нужны люди, способные на что-нибудь прекрасное и даже великое, то не менее их нужны и великие люди на малые дела» (Т. II, с. 373).

Первоначально объем журнала предполагался в 18 печатных листов, но уже в январе 1834 года Сенковский писал: «Вторая книжка *Библиотеки для чтения* выйдет в свет завт-

ра 1 февраля. Вместо обещанных 18 листов, издатель, не прекращая своей щедрости в отношении к своим подписчикам, опять напечатал 24 листа» (Сенковский. Новые книги. «Северная пчела», 1834, № 25, с. 97).

Толщина журнала воспринималась современниками как положительное явление, и Гоголь, например, говорил: «Он (журнал) уже выигрывал тем, что издавался в большом объеме, толстыми книгами. Это для подписчиков была приятная новость, особливо для жителей наших городов и сельских помещиков» (О движении журнальной литературы. «Современник», 1836, т. I, с. 202).

Формат «Библиотеки для чтения», как литературный факт, явился в результате эволюции альманаха.

Энциклопедический характер журнала также был подготовлен эпохой.

Уже в 1829 или 1830 году Сенковский составил программу так и не вышедшей «Всеобщей газеты», в которой имелись основные черты «Библиотеки для чтения». Содержанием этой газеты предполагалось:

«I. В отделении текущих новостей: а) новости политические и административные, внутренние и иностранные, в том виде, в каком оные печатаются в «Академических ведомостях», «Journal de St.-Petersbourg», «Северной пчеле» и других газетах, выходящих в пределах Российской империи; b) известия о движении внутренней и внешней торговли; с) известия о ценах отечественных произведений в разных странах России; d) известия о новых и ныне существующих мануфактурных, торговых и земледельческих предприятиях и заведениях; е) известия о достопримечательнейших происшествиях в столице и других местах.

II. По части наук: а) рассуждения и известия об успехах точных наук в разных странах Европы. Сюда относятся описания открытий, изобретений и улучшений по математике, астрономии, физике, химии, минералогии, естественной истории и медицине и обозрение важнейших сочинений, выходящих по сим наукам на разных европейских языках; b) рас-

суждения и описания применений сих наук к разным частям промышленности и общежитию; описания новых фабричных процессов, машин и т. п.; c) рассуждения об усовершенствовании разных частей сельского хозяйства и о нововводимых улучшениях по оному; d) рассуждения о разных предметах экономии политической и науки о законодательстве; e) рассуждения и исследования по части истории, биографии исторических лиц; f) рассуждения об успехах географии и статистики. Путешествия. Статистические известия; g) исследования, относящиеся к Востоку, по части древней и новейшей истории и географии; h) рассуждения по части педагогики. О новых методах преподавания и улучшениях по оному, вводимых в отечестве и за границею. Об устройстве учебной части в разных государствах. О новых учебных заведениях. Об успехах народного просвещения в России. О распоряжениях по части училищной и т. д.; i) разборы и обозрения важнейших сочинений, выходящих по сим частям и отраслям наук в России и за границей; k) ученые известия: о заседаниях ученых обществ, академий и университетов, о новых ученых предприятиях, о наградах, предлагаемых за решения задач. Назначения, биографии и некрологи ученых мужей и проч.

III. По части изящной словесности и художеств: a) разборы сочинений, выходящих в свет по сей части; b) повести; c) статьи нравственные; d) рассуждения о произведениях изящных художеств; e) известия о театрах, концертах, рассуждения об игре актеров.

IV. Смесь: a) перечень примечательнейших статей в разных журналах; b) объявления о новых книгах, журналах, художественных произведениях и проч.; c) моды.

Правила строжайшего литературного и общественного приличия тщательно будут соблюдаемы в сей газете.

Полемика и антикритика вовсе из нее исключаются.

Она должна будет также подавать собою другим журналам пример благородного о вещах рассуждения, удаляясь от всяких личностей и бесполезных трений.

Цель сей газеты — распространять в читающей публике наибольшее количество полезных знаний и здравых понятий и тем споспешествовать возвышению народной образованности и умственной деятельности, столь необходимой для развития государственного благосостояния» (П. Савельев. О жизни и трудах О.И. Сенковского. Собр. соч. Сенковского, т. I, с. LX—LXVI).

Исключая политики, все остальное было перенесено из программы «Всеобщей газеты» в тематическую структуру «Библиотеки для чтения».

Научно-популяризаторская тенденция, развиваемая в последнем абзаце программы предполагавшейся газеты, целиком переносится в план «Библиотеки», и следующая выписка со страниц последней является как бы дальнейшим развитием тезиса программы:

«Мы всегда считали учреждение такого журнала, как «Библиотека», соединяющее в себе значительное число талантов, свободного от туманных учений и совершенно положительного, единственным средством утвердить в публике колеблющейся вкус к русскому чтению, — вкус, которому после нескольких творений слишком долго досаждали и который, наконец, было ослабили убийственная посредственность и в особенности прежний дух нашей журналистики, зараженной желчью бесполезной и часто заносчивой полемики, при решительном небрежении условий занимательности и хорошего выбора предметов. Не наше дело судить. в какой степени мы успели исполнить предначертанное, но, ложную скромность в сторону, и мы почти готовы похвалиться своей проницательностью: самая жадность, с какою читающий класс бросился на «Библиотеку», и то постоянство, с каким он поддерживает ее существование, довольно ясно показывают, что мы не ошиблись в расчетах и что подобный журнал был настоящею потребностью публики. То, что мы скажем далее, может удивить многих своим чистосердечием, но мы обещали быть откровенными. После удовлетворения минутному требованию, главною мыслию плана и всех усилий это-

го журнала было умножение числа способных читателей для русской литературы. «Библиотека» начата с целью постепенно умножить в публике число *способных* читателей посредством занимательности и нечувствительного перехода к предметам более и более важным, основательным, ученым. Мы думали, и не без причины, что наша словесность и вообще вся литература тогда только подымется на ноги и получит быт прочный и самостоятельный, когда читатели сделаются труднейшими к удовлетворению и перестанут рукоплескать наглому невежеству или забавничающей посредственности. Одним словом, мы думали и думаем, что число хороших читателей у нас еще слишком мало и что hinc mali principium — в этом корень зла; что самая «Библиотека» принуждена будет влачиться в старой колее поверхностей и ложной журналистики, если большинство ее подписчиков бесконечно будет искать в ней только повестей, сказок и статей приятных, страшась или не понимая ученых предметов. Действие журнала на умножение класса способных, образованных читателей медленно, хотя занимательность — вернейшее средство к тому там, где училища не успели еще приготовить большой массы таких читателей, а на это умножение мы полагаем наши пламеннейшие надежды относительно будущих и скорых успехов литературы и всего просвещения в нашем отечестве» («Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. V, с. 31—33).

При установке на широкий рынок сбыта естественна была широковещательная реклама, которой было окружено появление «Библиотеки для чтения». Реклама для того времени являлась новой формой в быту книжной торговли и литературы, а поэтому неудивительно, что она действовала эпатирующе на некоторые литературные прослойки, главным образом на незараженные еще духом «торгового направления». Белинский с негодованием говорил о «хвастливом бесстыдно-самохвальном объявлении об издании «Библиотеки».

Надо сказать, что формы этой рекламы не всегда были легальными:

«К слову о *Библиотеке,* — пишет И.И. Дмитриев князю Вяземскому, — посылаю к вам отрывок из пятого номера *Московских ведомостей.* Он заставил здесь многих думать, будто я писал его. Сегодня только узнал, что Ширяев из угождения Смирдину напечатал эту статью под начальными буквами моего Созия, какого-то мальчика-корректора Ивана же Дмитриева. Зачем бы не выставить хотя его звания, чтобы защитить меня от напраслины? Это ясно показывает тупость, если не глупость редактора или явные виды низкого корыстолюбия. Право, и грустно и даже стыдно говорить о том, а не вытерпишь. Нельзя ли, любезнейший князь, довести о том до сведения С.С. Уварова и сказать к очистке моей слова два о том в Литературных прибавлениях к Инвалиду?» (Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1898, с. 62).

Вот эта статья из № 5 «Московских ведомостей» за 1834 год:

«Наконец, в Москве получен и прочитан первый нумер журнала, издаваемого А.Ф. Смирдиным, «Библиотека для чтения». Кто не порадуется этому и с патриотическою гордостью не скажет: и мы не отстаем на поприще просвещения от иноземцев! И у нас есть свой журнал, своя словесность...»

Дальше идут похвалы редакторам «Библиотеки для чтения» и восторженный разбор статьи Сенковского о сагах. Кончается заметка следующими словами:

«Впрочем, разбирать и оценивать все статьи первой книги «Библиотеки для чтения» и извлекать из нее все хорошее, дельное и умное значило бы распространить краткое «Библиографическое известие» на несколько нумеров сих Ведомостей и, главное, иметь столько сведений и познаний в науках, словесности и художествах, сколько аббат Меццофанти в лингвистике. Хвала и честь А.Ф. Смирдину, воскресившему в наш век времена умного и трудолюбивого Новикова. Он первый после Новикова и «Истории» Карамзина принялся за сооружение памятника нашей словесности, достойного русских и могущего показать и нам, и всему миру наше богатство, нашу славу в литературе...» и т. д. Подписано Ив. Дм.

В своем ответном письме Дмитриеву Вяземский говорил (18 апреля 1834 г.):

«Мне должно вам теперь дать отчет в исполнении одного поручения вашего по поводу одной статейки, напечатанной в *Московских ведомостях* о первой книжке *Библиотеки*. По совещании с Жуковским признали мы благоразумнее не давать дальнейшего хода этому делу, за неимением благонадежного места, куда послать апелляцию. Добросовестность редакции *Инвалида* также несколько на инвалидном положении — крива и хрома. На нее опереться нельзя, как раз выдаст. С нею никакого дела иметь нельзя, ни важного, ни бездельного. *«Северная пчела»* из одного пчельника с Библиотекою. Ее устами мед пить, того и смотри, что поперхнешься. Между тем я, по приказанию вашему, говорил С. Уварову о лжеподписи красноречивого панегириста. Точно, грустно, что нет у нас ни одного добросовестного журнала, куда можно было бы передать беспристрастное и честное слово» («Русский архив», 1868, с. 637—638).

Естественно, что подобные методы действия могли вызывать и вызывали сильнейшее раздражение.

Появление «Библиотеки для чтения» было связано еще с одним внелитературным фактом — с рекламированием гонорара. Реакционно в этом отношении настроенный Шевырев писал:

«Она [«Библиотека для чтения»] — огромный пульс нашей словесности, двенадцать раз в году толстым томом ударяющий по вниманию читателей, и если бы критика, этот медик литературы, захотела узнать о здоровье нашего русского слова, за Библиотеку она должна взяться и по движению этого пульса судить о состоянии нашей словесности...

«Библиотека для чтения» есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи, чрезвычайно разнообразные, прекрасные, но более плохие, редко занимательные и часто скучные» (С. Шевырев. Словестность и торговля. «Московский наблюдатель», 1835, кн. I, с. 7).

Гонорарная система «Библиотеки для чтения» нашла себе защитника в лице Белинского:

«Наконец Петербург почувствовал, что настало его время. Он понял, что кроме таланта в журналистике великую двигательную силу составляют материальные средства и что если деньги не родят таланта, то заставляют его быть трудолюбивее, обеспечивая его положение, избавляя его от необходимости прибегать к средствам существования вне литературной деятельности... Как бы то ни было, появление «Библиотеки для чтения» имело огромное влияние не только на русскую журналистику, но и вообще на русскую литературу. Мы помним, как при появлении этого журнала многие литераторы были скандализованы тем, что он платит своим сотрудникам за каждую строку и платит хорошо, следовательно, принося выгоду своему владельцу, дает средства существования многим людям, работающим для него постоянно. Мы теперь так далеки от этого детского воззрения на так называемую *торговлю в литературе,* что с трудом понимаем, как оно могло существовать когда-нибудь» (В.Г. Белинский. Петербургская литература, с. 246—247).

В связи с своим «коммерческим» направлением «Библиотека для чтения», в противовес прежним журналам, имевшим хождение, главным образом в столичном масштабе, переключилась на нового читателя, расширила его круг, взяв курс на провинцию.

Гоголь, как и вся почти литературная группа, примкнувшая впоследствии к «Современнику», относившийся резко враждебно к «Библиотеке», пишет матери:

«Я бы вам прислал теперь Смирдина журнал, но он так толст, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько он сам стоит; притом же очень глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают еще и восхищаются дрянью» (Письма Гоголя к матери, 10 июля 1834 г., I, с. 312).

Белинский в этом курсе на провинциального читателя видел причину успеха «Библиотеки»:

«Я сказал, что тайна постоянного успеха «Библиотеки» заключается в том, что этот журнал есть по преимуществу *провинциальный*, и в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому уменью, тому искусству, с каким он приноровляется и подделывается к провинции. Я не говорю уже о постоянном, всегда правильном выходе книжек, одном из главнейших достоинств журнала; остановлюсь на числе книжек и продолжительности срока их выхода. Я думал прежде, что это должно обратиться во вред журналу; теперь вижу в этом верный и тонкий расчет. Представьте себе семейство степного помещика, семейство, читающее все, что ему попадается, с обложки до обложки; еще не успело оно дочитаться до последней обложки, еще не успело перечесть, где принимается подписка и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. И в самом деле, какое разнообразие! Дочка читает стихи гг. Ершова, Гогниева, Струговщикова и повести гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальского; сынок, как член нового поколения, читает стихи г. Тимофеева и повести барона Брамбеуса; батюшка читает статьи о двухпольной и трехпольной системах, о разных способах удобрения земли, а матушка — о новом способе лечить чахотку и красить нитки; а там еще остается для желающих критика, литературная летопись, из которых можно черпать горстями и пригоршнями готовые (и часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные) рассуждения о современной литературе; остается пестрая, разнообразная смесь; остаются статьи ученые и новости иностранных литератур. Не правда ли, что такой журнал — клад для провинции?..» (В.Г. Белинский. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы. Полн. собр. соч., т. II, с. 350–351).

О том, какой популярностью пользовалась «Библиотека» в провинции, можно судить по тому, что в редакцию начали обращаться провинциальные начинающие писатели, обладающие, впрочем, своеобразной профессиональной идеологией, с которой знакомы и редакционные корзины журналов наших дней.

Об одном таком авторе свидетельствуют следующие веселые строки:

«В числе посланий, часто очень странных, какие «Библиотека для чтения» беспрерывно получает со всех концов России, многие достойны прямо с почты перейти к потомству. На одно из них, полученное весьма недавно, она спешит ответом: Милостивый государь...... С некоторого времени я замечаю в себе решительный поэтический талант. Со времени смерти оного великого Пушкина, сего светильника русской поэзии, Парнас плачет со скуки, не имея достойного восприемника. Я нахожу в себе довольно силы и бодрости петь стихами все прекрасное и надеюсь, что сии стихи, которые суть первый опыт моего пера (у сего прилагаемые), достойны украсить листы «Библиотеки». Для получения денег за сии стихи, не имея времени по причине тяжких департаментских работ, прошу переслать мне оные по 5 руб. асс. за строчку на мое имя (адрес дома поэта, который скрывается, однако же, под вымышленным именем). Засим честь имею свидетельствовать мое неизмеримое почтение, с каковым и пребываю и пр.

Иаков Пищ».

Ответ. «Библиотека для чтения» заметила, что пятирублевые стихи г. Иакова Пища, положенные на каменный уголь, горят прекрасным темно-синим пламенем, и о таковом необычайном явлении имеет честь уведомить «достойного восприемника Пушкина» («Библиотека для чтения», 1837, т. 22, отд. VI, с. 72).

Успех «Библиотеки для чтения» был огромный. В этом была победа булгаринской группы профессионалов-ремес-

ленников над группой «Современника», занимавшей двойственную литературно-социальную позицию, боровшуюся за «самостоятельность» писательского «состояния».

Успех «Библиотеки» был признан как ее сторонниками, так и противниками.

И. Панаев пишет в своих воспоминаниях:

«Толстый журнал, издаваемый Смирдиным и редактируемый Сенковским, имел колоссальный по тому времени успех. Пять тысяч подписчиков — какая приятная цифра! О роскоши, с которою жил редактор «Библиотеки», носились тогда преувеличенные, чуть не баснословные слухи... Литераторы с завистливым удивлением рассказывали о великолепном кабинете Сенковского, о его лестнице, уставленной цветами и тропическими растениями... и всем этим остроумный профессор восточных языков, пожаловавший сам себя в бароны, был обязан журналу. Следовательно, большой журнал — хорошее коммерческое предприятие. Чему была обязана своим успехом «Библиотека для чтения»? Громкому объявлению с бесчисленными именами... Толщина книжек «Библиотеки» также немало способствовала ее успеху. Многие приписывали успех «Библиотеки» талантливому балагурству, остроумию и беззастенчивости ее редактора, являвшегося под различными псевдонимами» (И. Панаев. Литературные воспоминания, с. 203).

Пятитысячная подписка для эпохи тридцатых годов была явлением необычайным, если вспомнить очень скромную тиражность журналов-предшественников.

«Библиотека» громко трубила свою победу, ориентируясь на западноевропейский масштаб:

«Однажды мы здесь сказали, что, несмотря на десятки тысяч и чуть не миллионы подписчиков, которыми хвастают французские журналы «Revue de Paris», «Revue des deux mondes» и другие, нам известно, что они находятся в самом жалком положении и с трудом покрывают годичные издержки. Этот отзыв встретил маленькое противоречие. А мы теперь находим в журнале «La France littéraire» подтверждение

торжественной истины, которую провозгласили. И последняя книжка этого журнала, говоря в одном месте о нашей «Библиотеке для чтения», присовокупляет: «Là se trouve reproduite toute la littérature du jour; les hommes, les plus distingués concoûrent à sa collaboration. Ce journal ne compte pas moins, dit-on, de six mille abonnés. Ce fait tendrait à prouver que les Russes ont un peu plus de goût pour la littérature que les Français; car à peine nos meilleurs revues en France, acquierent-elles mille abonnés». Там (в «Библиотеке для чтения») отражается вся современная словесность: отличнейшие люди участвуют в ней своими трудами. Говорят, что этот журнал имеет не менее шести тысяч подписчиков. Этот факт доказывал бы то, что у русских немножко более вкуса в литературе, чем у французов, потому что *лучшие наши литературные журналы*, revues, едва достигают тысячи подписчиков» («Библиотека для чтения», 1835, т. XII, Литературная летопись, с. 57—58).

Враждебный лагерь видел в успехе «Библиотеки» литературную монополию. Гоголь здесь усматривал блок Булгаринской группы — «Северной пчелы», «Сына Отечества» и «Библиотеки для чтения», о чем он открыто заявлял в «Современнике» (Т. I. О движении журнальной литературы, с. 207—208. Статья не подписана).

Эти протесты против монополии «Библиотеки» были предвосхищены статьями «Северной пчелы», которые отводили возможность литературной гегемонии:

«Некоторые заслуженные литераторы и известные любители отечественной словесности письменно и словесно изъявили нам свои опасения, чтоб *«Библиотека для чтения»*, в которой обещались участвовать своими трудами все известные журналисты, не переехала свободного пути критике. «Где можно изложить мнение свое насчет самой *Библиотеки* и насчет печатаемых в ней статей? — говорили нам многие: — где может оправдаться писатель, которого сочинения будут критикованы в *«Библиотеке для чтения»*, когда все журналисты действуют заодно с редакцией журнала Смирдина или сами

участвуют в редакции? Не возникает ли из этого вредная монополия в литературе?»

На эти вопросы и сомнения мы, издатели *«Северной пчелы»* и *«Сына Отечества»*, имеем честь отвечать следующее: мы обещались участвовать в «Библиотеке для чтения» пожертвованием части трудов наших и времени, но не жертвою нашего мнения, которое было и будет всегда независимым от всякого чуждого влияния. Мы одобряем предприятие Смирдина и, желая ему всевозможного успеха, не обязались и не обяжемся никогда закрыть наши собственные журналы для изложения в них различных мнений насчет *исполнения* предприятия, т. е. насчет внутреннего достоинства *«Библиотеки для чтения»*. Всякое благонамеренное и беспристрастное мнение, изложенное без личностей касательно статей, печатаемых в «Библиотеке для чтения», не исключая и статей нашего собственного сочинения, найдет место в *«Северной пчеле»* и в *«Сыне Отечества»*. Кроме того, мы, по обязанности нашей, будем сами делать замечания наши и возражать, если в «Библиотеке для чтения» будет печататься что-либо несогласное с нашим образом мыслей или с нашими понятиями о науках, словесности, художествах» (Разрешение сомнения, возникшего по поводу издания «Библиотеки для чтения». «Северная пчела», 1834, № 6, с. 21).

Нападки и опасения по поводу возможной литературной диктатуры «Библиотеки для чтения» продолжались, и в очень скором времени «Северной пчеле» опять пришлось выступить с успокаивающим заявлением:

«Успех *«Библиотеки для чтения»* г. Смирдина, — писала редакция «Пчелы», — возбудил в некоторых литераторах и книгопродавцах опасения насчет упадка других литературных журналов. Мы не верим этому. Неужели в России так тесно, что только одному журналу и можно идти, не задевая других?.. Нам кажется, напротив того, совместничество хорошего журнала весьма полезным» (Журнальные заметки. «Северная пчела», 1834, № 11, с. 43).

Эти заявления не помешали, однако, написать Гоголю статью «О движении журнальной литературы», в которой он резко обрушивался на «Библиотеку», на ее редактора, настаивал на монопольном блоке Сенковского, Греча и Булгарина, блоке, субсидируемом Смирдиным.

Статья Гоголя вызвала возражения в самом «Современнике», где Пушкин, скрывшийся под псевдонимом А.В.[1], напечатал свое протестующее письмо:

«Статья «О движении журнальной литературы» по справедливости обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но, признаюсь, она не соответствует тому, что ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около «Библиотеки для чтения». Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней. «Северная пчела» и «Сын Отечества» представлены каким-то сильным ариергардом, подкрепляющим «Библиотеку». «Московский наблюдатель», по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтобы воевать противу «Библиотеки». Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. «Литературные прибавления», «Телескоп» и «Молва» похвалены вами за их оппозиционное отношение к «Библиотеке». Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель «Современника» следовать по пятам за «Библиотекою», нападая на нее врасплох и вооруженной рукой отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии

[1] В П. Красногорский Новая статья Пушкина. Сб «Наш труд». М., 1924, № 2.

лживы и что «Современник» изберет для себя круг действий более обширный и благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковского ограничиваются следующими пунктами:

1. Г. Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина.

2. Г. Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые, для помещения в «Библиотеке».

3. Г. Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия.

4. Г. Сенковский не употребляет местоимений *сей* и *оный*.

5. Г. Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым. Разница — критиковать «Историю государства российского» и романы гг. XXX и пр.

Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в «Библиотеке для чтения», тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений: сей, сия, сие, оный, оная, оное — не что иное, как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному.

Что же касается до последнего пункта, т. е. до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание,

чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое же обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востокова мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что «Современник» пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтобы оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики».

Затем уже от своего имени Пушкин поместил к этому письму примечание, в котором заявил, что взгляды, высказанные Гоголем, не есть программа «Современника».

«С удовольствием помещая здесь письмо г. А.В., нахожусь в необходимости дать моим читателям объяснения некоторые. Статья «О движении журнальной литературы» напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостью и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программою «Современника» («Современник», литературный журнал, изд. А. Пушкина, т. III, СПб., 1836, с. 322–329).

Конечно, примечание Пушкина не что иное, как прием полемической вежливости. В литературной войне, которая разгоралась между группой литературных «аристократов» и группой «плебейца» Булгарина, т. е. профессионалов-ремесленников, Пушкин был не в стане последних, но он не разделял и архаической, непримиримой позиции Гоголя.

Особенно резкие нападки вызывала критическая позиция «Библиотеки» со стороны «Московского наблюдателя», который изощрялся в изобретении форм полемики. Так, в июне 1836 г. в нем были помещены следующие «Отметки наблюдателя».

«Список писателей иностранных и отечественных, которые были расхвалены и разруганы[1] в «Библиотеке для чтения». Выставлены в азбучном порядке.

Иностранные.

Расхвалены	Разруганы
1. Коцебу.	1. Бальзак.
	2. Вальтер Скотт.
	3. Виктор Гюго.
	4. Гегель.
	5. Гизо.
	6. Сильвио Пеллико.
	7. Шеллинг.

Отечественные.

1. Барон Брамбеус[2].	1. Вевелин.
2. Булгарин.	2. Гоголь.
3. Греч.	3. Кукольник.
4. Загоскин.	4. Надеждин.
5. Кукольник.	5. Погодин.
6. Полевой Ксенофонт.	6. Пушкин.
7. Тимофеев.	7. Розен, барон.
	8. Хомяков.

В своих нападках «Московский наблюдатель» ополчался главным образом против «промышленного» направления «Библиотеки» и против комического стиля ее критических статей, который «Наблюдателем» разоблачался.

[1] Технический термин «Библиотеки для чтения», водворение которого в нашей литературе принадлежит ей и остается за нею.

[2] Т. е. г. Сенковский, сам директор и редактор «Библиотеки для чтения».

«Библиотека для чтения», эта строгая ценительница или, сказать лучше, оценщица всего, не принадлежащего к ее фабрике, изволила расшутиться над полемикой гг. Шевырева и Надеждина. В чем же состоят эти шуточки? Остротой Бог ее не одарил; впрочем, для такой оравы читателей, на какую метит «Библиотека», остроумие было бы китайской грамотой: им понятнее просто балагурство, *зубоскальство*.

Вот истинное название шуточек «Библиотеки». Последняя ее шуточка вся состоит в том, что она притворяется, будто не знает названия (по ее фабричному выражению *фамилий*) двух московских журналов: Надзиратель, Соглядатай, Назидатель, Надиратель, Набиратель, Темноскоп, Калейдоскоп, Микроскоп, Ордекоп. Очень остро! Весьма замысловато! Жаль только, что подражание. Мы давно слыхали, что говорят вместо квартальный офицер — фатальный офицер и вместо коллежский асессор — колесный слесарь; и есть класс людей, который считает это большим остроумием. Это те люди, которые вместо *Вольтер* говорят *Волтер*. Их, конечно, позабавят шуточки «Библиотеки». Какой потешный *сочинитель* этой «Библиотеки», скажут они. Точно. Истинный Вольтер толкучего рынка» (Шуточки «Библиотеки для чтения». «Московский наблюдатель», 1836, т. 8, с. 137).

Любопытно заметить, что такой верный соратник «Библиотеки», как «Северная пчела», впоследствии изменил ей. Кроме личных раздоров причиной этого было то, что в начале 40-годов толстый журнал начал поглощать литературу. «Северная пчела», ориентирующаяся на газету, на малые журнальные формы, естественно выступила против литературного засилия толстого журнала.

«Говорят, что Жанен, увидев одну книжку «Библиотеки для чтения», опустил руки и воскликнул: «Черт возьми! Да где же Россия набрала столько писателей?» Недоумение очень естественное, потому что умный француз никак не мог вообразить, чтобы в наших журналах помещались *четырехтомные* романы иностранного изделия и бесконечно длинные критики по началам немецкой философии, писанные

людьми, которые столько же знакомы — не говорим с немецкою философиею, — а просто с немецким языком, — сколько Жанен знаком с русской грамотой.

Публика вообще говорит, что нынешние русские журналы из рук валятся; одни принимают слова эти в настоящем значении, другие — в переносном; по нашему мнению и те и другие правы» (Журнальные заметки. «Северная пчела», 1841, № 3, с. 9).

На фоне борьбы толстого и тонкого журналов делается понятным следующее мнение «Северной Пчелы», имеющее, впрочем, некоторую долю объективности:

«...Что мы знаем наверное и что известно всему читающему миру, так это решительное *превосходство первого года* «Библиотеки для чтения» над всеми последующими годами. Тогда участвовали в ней все русские литераторы и ученые, тогда наполнялась она произведениями истинно прекрасными, тогда все статьи ее были писаны чистым правильным русским языком. Зато «Библиотека для чтения» имела в то время до семи тысяч подписчиков. После первого года, по мере того как стали оставлять «Библиотеку» лучшие наши литераторы, она становилась хуже и хуже: имена блестящие сменились литературными первенцами, чистый язык русский превратился в какую-то смесь русского и белорусского и французского с нижегородским, число подписчиков начало с каждым годом уменьшаться более и более; наконец, книжки журнала начали худеть, опаздывать, и теперь «Библиотека для чтения» представляет только слабую тень того, что была в первый год своего существования» (Журнальные заметки. «Северная пчела», 1841, № 79, с. 315).

В этой заметке справедливо указание на то, что часть литераторов оставила сотрудничество в «Библиотеке».

В первом томе «Библиотеки» объявлялось, что она будет составляться из литературных и ученых трудов К.И. Арсеньева, Е.А. Баратынского, барона Брамбеуса, Ф.Б. Булгарина, А.Ф. Воейкова, кн. П.А. Вяземского, Ф.Н. Глинки, Н.И. Греча, В.И. Григорьева, Д.В. Давыдова, В.А. Жуковского,

М.Н. Загоскина, И.Т. Калашникова, М.Т. Каченовского, И.В. Киреевского, Казака Луганского, И.И. Козлова, И.А. Крылова, Н.В. Кукольника, М.Е. Лобанова, А.М. Максимовича, Марлинского, К.П. Масальского, А.И. Михайловского-Данилевского, А.С. Норова, кн. В.Ф. Одоевского, А.Н. Очкина, В.И. Панаева, П.А. Плетнева, М.П. Погодина, А. Погорельского, Панько, П.П. Свиньина, О.И. Сенковского, И.Н. Скобелева, И.М. Снигирева, Н.Г. Устрялова, В.А. Ушакова, Б.М. Федорова, гр. Д.И. Хвостова, А.С. Хомякова, кн. А.А. Шаховского, С.П. Шевырева, А.В. Шидловского, А.С. Шишкова, В.Н. Щастного, Д.И. Языкова, Н.М. Языкова, П.Л. Яковлева, И.М. Ястребцова, Г.М. Яценцова и других.

В этом списке «по ошибке» был назван князь Вяземский. В непродолжительном времени Вяземский «просил редакцию «Северной пчелы» объявить, что имя его по ошибке на заглавном листке июльской книжки «Библиотеки для чтения» напечатано в числе сотрудников сего журнала, и что он еще в мае месяце уведомил г. Смирдина письменно о нежелании своем участвовать в сем журнале, и просил имя его исключить из упомянутого списка» («Северная пчела», 1834, № 153, с. 609).

Впоследствии от «Библиотеки» откололась вся группа «Современника».

2

Редактура «Библиотеки для чтения» имеет свою историю.

Вначале Смирдин колебался, кого избрать ему официальным редактором своего журнала. В это время «является к нему Павел Петрович Свиньин и именем министра народного просвещения объявляет, что он назначен последним в редакторы. На этом пока и остановилось дело.

Несколько дней спустя Смирдину понадобилось быть у министра.

— Кто ваш редактор? — спросил его тот.

— Это еще не решено, ваше высокопревосходительство, но Свиньин...

— Что, что, — прервал его министр, — неужели ты хочешь вверить свой журнал этому п... и л...? Для меня все равно, кого ты ни изберешь, это твое дело. Но я думаю, что журнал твой умрет не родясь, как только публика узнает, что редактором его избран Свиньин.

Смирдин, что называется, остолбенел. Оказалось, что почтенный литератор просто хотел надуть его и недаром торопил заключением условий после того, как объявил, что послан министром. К счастью, контракт еще не был подписан» (А.В. Никитенко, op. cit., с. 317—318).

Официальными редакторами были наконец избраны Сенковский и Греч.

Однако Сенковскому недолго пришлось носить звание редактора. Под влиянием литературного и главным образом правительственного гнета Сенковский уже в январе 1834 года принужден был стать официально лишь рядовым сотрудником журнала. Причины такого недоброжелательного отношения к Сенковскому объясняют нам выписки из дневника Никитенко:

«...Наши почтенные литераторы взбеленились, что Смирдин платит Сенковскому 15 тысяч рублей в год. Каждому из них хочется свернуть шею Сенковскому, и вот я уже слышу восклицания: «Как это можно! Поляку позволили направлять общественный дух! Да он революционер! Чуть ли не он с Делевелем и произвели польский бунт!» (с. 234, запись от 8 января 1834 г.).

Традиционное объединение в одну политическую группу Сенковского и Булгарина нужно решительно пересмотреть... С легкой руки нашей публицистической критики такое представление попало даже в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, между тем как приводимые факты резко противоречат ему.

Продолжаем, однако, выписку из дневника Никитенко:

«На Сенковского, наконец, воздвиглась политическая буря. Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением «Библиотеки для чтения». Приказание это такого рода, что если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше итти куда-нибудь в писаря, чем оставаться в литературе. Министр очень резко говорил о его «полонизме», о его «площадных остротах» и проч.» (запись от 16 января).

«21 января. Был у министра... Опять те же речи насчет Сенковского. Я говорил в пользу Смирдина, стараясь отклонить беду от его журнала. Министр сказал, что наложит тяжелую руку на Сенковского. Кажется, ему хочется, чтобы тот отказался от редакции...

2. Сенковский наконец принужден был отказаться от редакции «Библиотеки». Впрочем, это только для виду. По крайней мере, он по-прежнему заведует всеми делами журнала, хотя и напечатал в «Пчеле» свое отречение» (с. 235).

Кроме «Северной пчелы» Сенковский заявил о своем отречении от звания редактора в самой «Библиотеке»:

«Редакция по сие время состояла из двух лиц, Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Последний есть, вместе с издателем «Библиотеки для чтения», основатель сего журнала. Первая идея сего повременного журнала, его план и осуществление сего плана, в литературном и наружном отношениях, принадлежат О.И. Сенковскому. Составив план, он должен был принять на себя труд и исполнить его, по крайней мере на двух первых книжках «Библиотеки для чтения», но участие его, по званию редактора, не простирается далее: он привел в действие идею своего плана, составил литературную форму журнала, которая долженствует продолжаться и впредь без всякого изменения и с выходом сей второй книжки прекращает свое содействие в редакции «Библиотеки для чтения», по уважению личных его занятий и обстоятельств его здоровья. Он сохраняет только, на основании существующих узаконений, свои права общей с издательством гражданской собственно-

сти сего литературного предприятия, основанного совокупными их трудами, попечениями и средствами.

Впредь постоянным, единственным редактором «Библиотеки для чтения» остается Н.И. Греч.

О.И. Сенковский, в отношении к самому изданию, возвращается в общий разряд авторов, имена которых показаны на заглавном листе, то есть наравне с ними он будет доставлять, если что напишет, сочинения свои издателю, для помещения их в «Библиотеке для чтения», по усмотрению редактора» («Библиотека для чтения», 1834, т. II).

Но, несмотря на то, что в первый год официальным редактором «Библиотеки» значился Греч, во второй год — И.А. Крылов, фактически редактурой ведал один Сенковский.

В конце концов он получил разрешение объявить себя гласно редактором, что и не преминул сделать с выпадами против тех, которые «носили» звание редакторов:

«Для отклонения неуместных догадок и толков, считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор и общий с издателем владелец его, О.И. Сенковский, что *никто* в свете, кроме г. Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание «Библиотеки для чтения». Все ее недостатки, равно как и все достоинства, если какие были, должны быть приписаны ему одному. Те, которые носили звание редакторов «Библиотеки для чтения», *слишком невинны* в ее недостатках, чтобы отвечать за них перед публикою, и слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. Весь круг их редакторского действия ограничивался чтением третьей, последней корректуры уже готовых оттиснутых листов, набранных в типографии по рукописям, которые *никогда* не сообщались им предварительно. Те из них, которые при этом давали свои статьи, давали их как сотрудники, а не как редакторы, и помещение этих статей зависело вполне от директора журна-

ла. О.И. Сенковский, убедясь двухлетним опытом, что этого рода содействие посторонних редакторов нисколько не облегчало его в мучительных трудах директора, по согласию с издателем, решился соединить с званием редактора «Библиотеки для чтения» звание ее редактора, которого по-настоящему он нес все главные обязанности... Вот и все» («Библиотека для чтения», 1836, август).

Сенковский принадлежал к старинному польскому роду Сарбевских, прославленному в Европе в начале XVII века одним из его членов, Матвеем-Казимиром Сарбевским, Sarbievius, лучшим латинским лириком своего времени, венчанным в Риме и прозванным Новым Горацием.

Сенковские составляли младшую линию этого рода. Многие из них были известны как писатели по вопросам богословской полемики на латинском и польском языках.

Сам Сенковский, перед тем как завоевать себе почетное место в рядах русской журналистики, участвовал в польском юмористическом листке «Wiadomosci Brukowe» («Уличные ведомости»), издаваемом «товариществом шалунов», towarzystwo szubrawców, и в ряде других польских журналов.

Таким образом, появление Сенковского в русском журнальном мире было не появлением дилетанта, а выступлением человека, вполне овладевшего техникой литературно-журнального ремесла, выступлением мастера.

Как редактор «Библиотеки для чтения», Сенковский, в противовес прежним дилетантам журнального дела, стремился утвердить единый журнальный стиль, журнальный ensemble.

Он понимал, что эпоха требует осознания журнала, как литературной формы, понимал, что статья, написанная для журнала, должна быть не статьей «вообще», а входить одним из компонентов в журнальное целое. Отсюда его утверждение жесткой диктатуры редакторского пера.

«Право неприкосновенности он признавал только за классическими и вполне самобытными творениями, в которых выражается дух народа или эпохи, и никто не умел луч-

ше его передавать местный колорит этих подлинников, когда он переводил их. Но журнальные статьи — другое дело: действие их условное, в известное время и на известную публику...» (П. Савельев. О жизни и трудах О.И. Сенковского, с. LXXXI).

Проблема редакторской воли была для эпохи 30-х годов такой же острой, как и проблема диктатуры режиссера при возникновении Московского художественного театра.

Редакторские поправки Сенковского (в которых он, правда, иногда перегибал палку) вызывали жестокие нападки и поклепы по его адресу.

Гоголь писал Погодину:

«Под ногами у тебя валяется толстый дурак, т. е. первый номер Смирдинской «Библиотеки».

Кстати о «Библиотеке». Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался выпускать в кабак даже сам целовальник, но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат. Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки. Сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директоры департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: «с... сын! как хорошо пишет!» Помещики покупают и подписываются и, верно, будут читать. Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего чтения. Смирдина капитал растет. Но это еще все ничего. Сенковский уполномочил сам себя властью решить и вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам» (К М.П. Погодину 1 января 1834 г., т. I, с. 273—274).

Белинский нападал на то, что все статьи «Библиотеки» имеют общий характер, а этот общий характер «отличается каким-то провинциальным брамбеизмом».

К «Деду Горио» («Отцу Горио») Бальзака Сенковский «смело приделывает пошло-счастливое окончание, делая

Растиньяка миллионером», так как знает, «что провинция любит счастливые окончания в романах и повестях».

«На Сенковского поднялся страшный шум, — записывает Никитенко. — Все участники в «Библиотеке» пришли в ужасное волнение.

Разнесся слух, будто он позволяет себе статьи, поступающие к нему в редакцию, переделывать по-своему.

Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вероятно. У меня был сегодня Гоголь-Яновский в великом против него негодовании» (запись от 10 января 1834 г., с. 317).

Наиболее благожелательный к Сенковскому Денис Давыдов в письме к Н.М. Языкову говорит: «Жаль, что по сие время не напечатана еще любимая моя статья «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау», которую я решаюсь вам рекомендовать, она вас утешит, если только ее не исковеркает Сенковский, как он уже исковеркал все вышедшие статьи мои. Хотя он человек с замечательным умом и большими сведениями, но про него можно сказать то, что Наполеон сказал про Фуше: «Cet homme a la manie de fourrer son pied dans le soulier de tout le monde». Зачем не оставил он в покое пяти слов, коими заключается статья моя: «Встреча с великим Суворовым». «И Прага, залитая кровью, курилась». Как же он это разжижил: «И Прага курилась, залитая кровью защитников». Он не постиг, что слово «курилась» есть последний мах кисти живописца, следовательно, в нем заключается и вся сила периода, но я не окончу, если бы вздумал указать вам на [все?] те места нивы моей, изрытой этим, хотя и даровитым, кротом словесности» (Письмо Дениса Давыдова к Н.М. Языкову. «Библиографические Записки», 1858, № 7, с. 195).

Больше всех негодовал Николай Полевой, в котором редакторский карандаш Сенковского задел профессиональную гордость журналиста:

«Редактор наложил право нестерпимого цензорства на все мои статьи, переделывая в них язык по своей методе, пе-

реправляя их, прибавляя к ним, убавляя из них, и многое являлось в таком извращенном виде, что, читая «Библиотеку для чтения», иногда вовсе я не мог отличить, что такое хотел я сказать в той или иной статье. Не говорю о статьях библиографических — библиография «Библиотеки для чтения» вообще была беспрерывною шуткою, я не дорожил ею и отдал ее на жертву прихоти редактора, но переделке подверглись и все большие статьи... До какой степени мысли мои были изменены — поверить трудно! Приведу три или четыре примера. Я послал редактору статью о комедии М.Н. Загоскина «Недовольные», где говорил о комедии Грибоедова, изъявляя беспристрастно мнение мое и отдавая справедливость и прекрасному произведению М.Н. Загоскина, и превосходному произведению Грибоедова. Редактор прибавил брань на «Ревизора», комедию Гоголя, и придал смысл, что ими оскорбил всех почитателей памяти Грибоедова и прежде всего меня. В статье о Пушкине, написанной мною по получении в Москве известия о горестной утрате великого поэта, редактор вставил целую страницу мнений своих о русском языке, с коими я никак не мог согласиться (тем более, что под статьею было подписано мое имя). Из статьи об *«Истории крестовых походов»*, соч. Мишо (пер. г. Бутовского), редактор отрезал окончание и заменил его своим, которое, кроме того что было вовсе не согласно с моим образом мыслей, но решительно противоречило началу и середине статьи. В статье об «Истории жизни и путешествии Колумба», редактор вставил *похвалы мне* и брань на русский перевод сей книги г-на Бредихина, чего никогда не писал я. Я хотел рассуждать, а меня заставляли браниться. Но всего забавнее было приключение со статьею о стихотворениях г-на Соколовского *«Мироздание и Хеверь»*. Желая показать, что поэт совершенно превратно смотрит на предмет свой, я написал статью, где подробно изложил мысли *о духовной поэзии* и сочинениях г-на Соколовского. Редактор «Библиотеки для чтения», каким-то непостижимым для меня образом, умел вырезать из статьи частицы и поместил их в библиографии, а остальному дал название «О духовной

поэзии» и в виде статьи отдельной напечатал в отделении прозы с моим именем. В этой статье столько нашел я прибавок, урезок, изменений, что не понял и теперь не понимаю, о чем идет в ней речь. Статья начинается, например, небывалым анекдотом, будто Пушкин разговаривал некогда с Батюшковым о русских стихах. Но Батюшкова с 1817 г. не было уже в Петербурге, когда Пушкин был еще учеником в лицее, писал детские стихи и не мог рассуждать о поэзии русской с одним из корифеев тогдашней русской поэзии. По крайней мере, я ничего подобного не слыхивал от Пушкина и ничего не писал о разговоре его с Батюшковым.

Радуюсь, что теперь, печатая *Очерки*, могу освободить себя от непринадлежащего мне и непризнаваемого мною» (Николай Полевой. Очерки русской литературы. СПб., 1839, с. XVI—XIX).

Новаторам всегда свойственна гиперболизация утверждаемого ими дела. Свойственна она была и О.И. Сенковскому, новатору-редактору, который в борьбе за журнальную форму часто переходил рамки литературно-бытовых канонов. Он понимал язык времени.

Против своей воли журнальные враги возносили Сенковского, когда подобно «Московскому наблюдателю» заявляли:

«Господа журналисты! Советуем взойти на ваши минареты и прокричать... во всеуслышание публике: — Несть Аллаха, кроме Аллаха, и Магомет пророк его. Несть издателя «Библиотеки для чтения», кроме А.Ф. Смирдина, и несть редактора и директора ее, кроме О.И. Сенковского, и никто, кроме его».

Новое осознание функций и формы журнала заставило привлечь Сенковского специфический газетно-журнальный жанр — жанр фельетона.

Неправильно переносить, как это делают некоторые современные исследователи, понятие, включенное в какой-нибудь термин, в любой хронологический отрезок.

Термины — это как окаменевшие эпитеты по Веселовскому. Они не изменяются. Понятие же, заключенное в них,

эволюционирует. Так изменяется семантика слов. «Подлый» в XVIII веке означало «простой» и не имело того ругательного оттенка, которое оно имеет теперь.

Современный фельетон и фельетон 30-х годов — различные явления.

Современный фельетон произошел в результате сокращения области проживания жанра. Ранее (30-е годы XIX века) фельетон синкретизировался с другими жанрами. Был роман-фельетон у Бальзака, у А. Дюма, у Евгения Сю. В «Библиотеке для чтения» рецензия облекалась в форму комедии-фельетона.

Этот литературный симбиоз затем вырождается. Фельетон живет самостоятельно в «малой» (размерно) форме (в дореволюционных газетах под заглавием обычно стояло «маленький фельетон»). Сенковский же опирался на традиции французского фельетона. Главным образом на Жюля Жанена.

Конструктивным моментом в фельетоне Сенковский избирал остраняющую маску рассказчика. Использовал для этого несовпадение быта «программной» темы фельетона и темы транспонирующей.

Маска рассказчика создавала естественную мотивировку для литературного использования псевдонима.

«Брамбеус» взят из лубочной «Сказки о Францыле Венециане». Псевдоним связывался с определенным стилем. Получался литературный персонаж. «Кузьма Прутков» — его родственник по прямой линии.

Профессия ориенталиста заставляла Сенковского использовать восточную экзотику для фельетонных построений. Так был зачат Тютюнджю-Оглу — табачников сын.

Офельетонивая «Литературную летопись», Сенковский транспортировал ее на композиционные приемы и стилистику «Тысячи и одной ночи». В качестве палача женщин здесь фигурировал Пюблик-Султан-Багадур. Визирем был Брамбеус-Ага-Багадур, имевший двух дочерей — Критикзаду и Иронизаду.

Заинтересовывание, как мотивировка рассказывания «Тысячи и одной ночи», заменилось контрастной мотивировкой — султан засыпал при чтении («Ночи Пюблик-Султан-Багадура»).

Некоторые вещи Сенковского носили подражательный характер. Так его «Незнакомка» порождена «Асмодеем» Жюля Жанена; «Выход у сатаны» — статьею Бальзака «La comédie du diable».

В борьбе за журнальный язык Сенковский отличался своими язвительными выпадами против архаических прилагательных, местоимений, союзов и предлогов. Эти выпады продолжались очень долго и приняли характер литературной мономании. Он боролся за разговорный, сглаженный язык образованного общества[1].

Особенно любопытна его «Резолюция на челобитную *сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных без суда и следствия из русского языка». Здесь фельетонным приемом была персонификация грамматических категорий.

Борьбу с «сими» и «оными» Сенковский вел при каждом удобном и неудобном случае. Это отметил в своей пародии К.П. Бахтурин, автор «Кузьмы Рощина»:

До рассвета поднявшись, перо очинил
Нечестивый Брамбеус барон.
И чернил не щадил — *сих и оных* бранил,
До полудня без отдыха он.
Улыбаясь привстал и статью отослал
В типографию Праца барон.
В ней он Греча ругал, но под видом похвал,
Разобрав с *тех и этих* сторон

Фельетонная подача научных фактов, которой пользовался Сенковский, породила подражателей.

---

[1] Зильбер Сенковский (Барон Брамбеус). Сб «Русская проза». Л , изд. «Academia», 1926

В подражании его «Письму Тютюнджю-Оглу по поводу книги Гомера, академик Френ, крупнейший ориенталист, выступивший с оружием сатиры под псевдонимом «доктора Андерсена», написал свою известную, резко нарушавшую каноны академической критики диссертацию «О дождевых червяках на поле восточной нумизматики», где резко высмеивались труды казанского подражателя Гомеру — Эрдмана.

Редактура Сенковского связана с расцветом «Библиотеки для чтения». С 1848 года Сенковский начинает уделять все меньше и меньше внимания созданному и руководимому им журналу, и вместе с этим «Библиотека для чтения» уступает почетное место, занимаемое ею в русской журналистике 30-х и 40-х годов, «Сыну Отечества», а затем «Современнику» и теряет свое прогрессивное значение.

Глава X

Конкуренция, лотереи, гибель

1

Одной из особенностей товарно-денежного хозяйства является раздробление всего общественного капитала на многие индивидуальные с противодействующим этому процессом централизации. Результат отталкивания и борьбы индивидуальных капиталов — свободная конкуренция, под знаком которой проходит развитие торгового капитализма.

Деятельность А.Ф. Смирдина, проходившая в эпоху товарно-денежного хозяйства, естественно, не могла не столкнуться с явлением конкуренции.

К сожалению, история сохранила слишком мало сведений для того, чтобы судить подробно об этом моменте в деятельности Смирдина, и потому мы затрагиваем его только вскользь.

В Смирдинский период самым крупным после Александра Филипповича книгопродавцем-издателем был Плюшар, имевший собственную, хорошо по тому времени обо-

рудованную типографию. Вот с ним-то и конкурировал Смирдин.

«Плюшар напечатал в «Северной пчеле» письмо с обвинением Смирдина в том, что тот неисправно доставляет подписчикам 3-й и 4-й томы «Энциклопедического лексикона»: по уговору он должен их рассылать. Смирдин в свое оправдание представил цензурному комитету расписку Плюшара, из которой видно, что эти томы им самим получены лишь в то время, когда, по словам Плюшара, они должны были бы уже находиться в руках подписчиков. Так как Плюшар такой ложью, очевидно, намеревался подорвать торговый кредит Смирдина, последний подал на первого жалобу генерал-губернатору. Но кто настоящий виновник этой интриги? Греч. Он поссорился с Сенковским, захотел отомстить ему на Смирдине и подбил Плюшара напечатать вышеупомянутое письмо» (А.В. Никитенко, op. cit., с. 367—368, запись от 10 марта 1836 г.).

Этот эпизод положил начало дальнейшей борьбе Смирдина и Плюшара.

У Александра Филипповича была довольно хорошая типография, помещавшаяся в это время [1836 г.] в его собственном доме, находившемся на Лиговке, против Конной, купленном им у А.М. Княжевича, за 127 000 рублей асс., и у Ильи Ивановича [Глазунова] тоже продолжала существовать довольно хорошая типография [помещавшаяся в его доме в Большой Мещанской улице], в которой он печатал издаваемые им книги. А.Ф. Смирдин поссорился с Адольфом Александровичем Плюшаром, начавшим издавать в то время с большим успехом первый Энциклопедический лексикон, из-за недостаточной уступки на этот лексикон и, кажется, из-[за] несвоевременного требования с него Плюшаром денег и решился чем бы то ни было ему досадить. Плюшар тоже имел свою довольно большую типографию и арендовал от придворной театральной конторы печатание афиш и разносимых вместе с ними объявлений о разных увеселениях в столице. За эту аренду он платил в год 2000 руб. асс., приняв ее после

содержателя Пахорского; срок арендного содержания истекал 1 июня 1836 г. А.Ф. Смирдин задумал отбить у Плюшара содержание театральных афиш или, в случае упорства его, наддать большую цену, но один не решался идти на это дело, частию потому, что был и без того занят большими делами по изданию книг, а частию, вероятно, и по недостатку средств, и потому предложил Илье Ивановичу взять это дело вместе и даже соединить обе свои типографии для этого в одну. Илья Иванович сначала колебался вступить в дело не совсем относительно выгод ему известное и не желал раздражать противу себя Плюшара, так как вообще был человек миролюбивый, но по совету зятя своего Ивана Николаевича Кушинникова, просившего для себя пай в этом деле, решился пойти вместе с Смирдиным на торги в контору императорских театров. К счастию, не пришлось сделать и Плюшару неудовольствия. Управляющим театральной конторой был в то время Александр Дмитриевич Киреев, имевший при директоре театров Александре Михайловиче Гедеонове большую силу; с ним рассорился Плюшар из-за недоданных ему за какие-то типографские работы по театральной конторе двух тысяч рублей и при наступлении торгов заявил, что он не будет торговаться на новый срок содержания афиш до тех пор, пока не заплатят ему недоданных денег. Киреев объявил ему, что этих денег выдано не будет и, увидав тут же знакомого ему прежде Александра Филипповича Смирдина, предложил ему взять это дело. Смирдин тут же согласился с надбавкою нескольких рублей на 2000 руб. асс. в год, и когда А.Д. Киреев объявил, что дело остается за ним, то Смирдин тут же представил Кирееву своего компаниона Илью Ивановича, тем более что и залоги были представлены последним, и таким образом дело на 4 года состоялось, и заключен был театральной конторой с Смирдиным и Глазуновым контракт. Илья Иванович заявил Смирдину, что он берет в пай сестру свою Анну Кушинникову, на что тот согласился; решили соединить вместе свои типографии, сделав между собой поэтому надлежащий расчет и приняв от Кушинниковой часть следующих с нее за

типографские принадлежности денег. Общую типографию поместили сначала в доме Половцева, в Михайловской улице (после Клея, а теперь Европейской гостиницы), а потом перевели в Большую Мещанскую улицу в дом Ильи Ивановича и назвали ее типографией Смирдина, Глазунова и компании... Дело печатания афиш оказалось довольно выгодным, но А.Ф. Смирдин, по своим начинавшим значительно стесняться обстоятельствам, долго выдержать не мог. С небольшим через год по условию, заключенному 7 апреля 1837 г. и записанному у нотариуса Кабацкого 8 мая 1837 г., он продал и право на печатание афиш, и принадлежавшую ему часть типографии Глазунову и Кушинниковой...» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 64—66).

Если эта торговая интрига и окончилась удачно для Смирдина, то бывали и обратные случаи, когда страдающей стороной являлся Смирдин.

П.В. Анненков рассказывает, что петербургские журналисты (здесь он, вероятно, подразумевает, главным образом, Греча и Булгарина), втершись в доверие к Смирдину, разоряли как его, так и Плюшара:

«Я сам слышал из уст Смирдина, уже в эпоху его бедности и печальной старости, рассказ, как, по совету Булгарина, он предпринял издание, кажется, «Живописного путешествия по России», текст которого должен был составить автор «Выжигина», взявшийся также и за заказ гравюр в Лондоне. В этом смысле заключен был формальный контракт между ними, причем Смирдин назначал 30 тысяч рублей на предприятие. Долго ждали картинок, но когда они пришли, Смирдин с ужасом увидел, что они состоят из плохих гравюр, исполненных в Лейпциге, а не в Лондоне. На горькие жалобы Смирдина в нарушении контракта Булгарин отвечал, что никакого нарушения тут нет, потому что в контракте стоит просто: заказать за границей. Ловушка была устроена грубо и нагло, но книгопродавец попался в нее.

Когда Смирдин рассказывал мне этот пассаж, усталые, воспаленные глаза его налились слезами, голос задрожал. «Я напишу свои записки, я напишу «Записки книгопродавца!» — бормотал он» (П.В. Анненков. Замечательное десятилетие. Литературные воспоминания. СПб., 1909, с. 177—178).

К сожалению, Смирдин так и не написал своих записок, но тем не менее с уверенностью можно сказать, что приведенные эпизоды являлись не единичными в его деятельности, и объяснялись они не столько личными качествами их участников, сколько, главным образом, условиями товарно-денежного хозяйства, конкуренцией и работой на рынок.

2

Если 30-е годы можно назвать годами расцвета книжной торговли, то, наоборот, начало сороковых годов — эпоха ее резкого упадка.

С этого времени дела книгопродавцев пошатнулись, и они один за другим начинают разоряться.

В 1841 году Булгарин пишет:

«Лет за пятнадцать перед сим книгопечатание и книготорговля сильно стали возвышаться деятельностью некоторых писателей и книгопродавцев, и число русских писателей в последние десять лет возвысилось более нежели впятеро противу прежних годов, и вдруг все пало — и книгопечатание, и книготорговля, и письменность. Этот перелом случился не далее, как за два года перед сим, хотя начался уже годом ранее» (Ф. Б[улгарин]. Еще несколько истин о настоящем положении русской книжной торговли. «Северная пчела», 1841, № 77, с. 306).

Причины кризиса книжной торговли сложны. Они кроются отчасти в общеэкономической эволюции, отчасти имеют специфические черты.

Начинаются спекуляции, часть которых оканчивается неудачно. Увеличивается количество книгопродавцев и издателей за счет появления в этом деле людей случайных. В свя-

зи с общеспекулятивным характером, который принимает книжная промышленность начала 40-х годов, учащаются случаи неаккуратного выполнения иногородних и провинциальных заказов, чем, конечно, сокращается число массового тогда провинциально-поместного покупателя. Наконец, появляется коммерческий обман, это необходимое порождение товарно-денежного хозяйства. Начинают выпускать книги без обозначения года выхода, старые издания выпускаются в новой обложке. Широкое развитие кредитных операций с неучетом емкости рынка и ряд других второстепенных причин приводит многих книгопродавцев к разорению.

По словам анонимного историка деятельности Глазуновых «уменьшение покупателей на книги, представлявшие так называемую изящную литературу, т .е. повести, романы и проч., в начале 40-х годов, кроме оскудения талантов, следует приписать отчасти возникновению и процветанию в это время толстых ежемесячных журналов, в которых обильно помещалась этого рода литература» (Op. cit., с. 79—80).

Здесь любопытно указание на определенный жанр. Интересно было бы выяснить связь, конечно, не причининную, а опосредствованную, между изнашиванием жанра и его рыночной ходкостью. Это может составить предмет особого исследования.

Нам сейчас важнее указание на поглощение книжной продукции толстыми журналами. Указание это не единично. Это явление часто отмечалось современниками.

«Северная пчела», начиная свою статью эпиграфом из Вяземского, находила, что в последнее время скорей могли прийти на память более старые, но едва ли не более верные стихи:

И вижу я в стране моей родной
Журналов тысячи, а книги ни одной.

Впрочем, мы отнюдь не против журналов: дай Бог, чтобы на Руси их было более, потому что польза от них несомненная, но, по нашему мнению, беда в том, что журналы русские

забыли свое значение и сделались уже не книгами, а просто *книжицами*» («Северная пчела», 1841, № 3, с. 9).

Роль толстых журналов в кризисе книжной промышленности начала 40-х годов не следует преувеличивать, но учесть необходимо как своеобразное воздействие литературной формы (журнала) на экономический ряд.

Таковы были общие причины кризиса книжной торговли в издательском деле, кризиса, которого не смог избежать и Александр Филиппович Смирдин.

В деле разорения Смирдина некоторую роль, несомненно, сыграли его ближайшие сподвижники, особенно Булгарин.

По словам «Библиотеки для чтения», на Смирдине «лежали огромные долги, большею частию происшедшие от его излишней доверчивости и от обмана людей неблагонамеренных, за которых он ручался с такой готовностью в дни своего цветущего положения» («Библиотека для чтения», 1857, т. 146, отд. «Смесь», с. 253).

Краевский, относившийся отрицательно к Смирдину, соединяет его имя с «честными» людьми и упоминает Булгарина. В 1836 году он пишет Погодину:

«Со времени сдружения своего с *честными* людьми Смирдин сделался таким негодяем, что из рук вон, и, кажется, скоро дойдет до мату. О принятии на комиссию *Истории поэзии* С.П. Шевырева и слышать не хочет, вероятно, по той же причине. Вообще он вредит каждой книге, изданной не им, разглашая или о близком ее запрещении, или о шарлатанстве автора. Вред, наносимый им как книгопродавцем, которого знает и к которому адресуется вся Россия, несравненно больше, чем мошенничества Фигляриных» («Жизнь и труды Погодина», кн. 5, с. 157—158).

Отрицательная деятельность Смирдина (с точки зрения коммерсанта имеющая определенные положительные стороны) не впервые связывается с его сподвижниками.

Так, уже в 1834 году 29 мая Никитенко записывает в дневнике:

«Смирдин — истинно честный и добрый человек, но он не образован и, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом, как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастием для нашей литературы» (А.В. Никитенко, op. cit., с. 329).

Характер деятельности друзей-литераторов хорошо иллюстрирует история издания «Северной пчелы»:

«Ободренный успехом «Библиотеки для чтения», Смирдин в 1835 г. взял на себя от Греча и Булгарина издание «Северной пчелы», заплатив все те выгоды, которые они при своих трудах получали от этой газеты. Смирдин надеялся значительно увеличить число подписчиков, поручив редакцию вошедшему тогда в большую славу и моду Н.А. Полевому, но Греч и Булгарин в первые же месяцы заставили Смирдина сменить Полевого и поручить редакцию опять Булгарину, вследствие чего заплаченные Полевому деньги за годичную редакцию и за выписку его из Москвы пропали даром, и Смирдин, получив вообще от «Пчелы» большие убытки, через год должен был от нее вовсе отказаться, заплатив Гречу и Булгарину 5000 рублей асс. неустойки» (Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 55—56).

Конечно, подобные эпизоды играли лишь второстепенную роль в деле разорения Смирдина. В основном это разорение связано с кризисом 40-х годов.

Пошатнувшиеся дела заставили Смирдина развить широкие кредитные операции, которые сделались его уязвимым местом.

Кс. Полевой правильно оценивал положение вещей, говоря:

«Смирдин, честный, добрый, готовый на все хорошее, был человек пустой, слабый со многих сторон и, главное, загадочный, как купец... Смирдин не имел почти никакого капитала в своей торговле, развел огромные дела на кредит, и от

первого удара мог пошатнуться» (Кс. Полевой. Записки, с. 371—372).

Сильно нуждаясь в деньгах, Смирдин должен был, в целях быстрой реализации, продавать свои издания по дешевой цене. Не желая скомпрометировать себя этим в глазах петербургских книгопродавцев, не желая потерять здесь свой коммерческий престиж, Смирдин начал предпринимать почти каждое лето поездки в Москву, сбывая там по дешевке книги.

В это время в Москве наибольшей известностью пользовался книгопродавец Александр Сергеевич Ширяев. Но и перед ним Смирдин не хотел раскрывать свои карты и показывать, что он человек, нуждающийся в деньгах.

Поэтому он обычно обращался к Василию Васильевичу Логинову, книгопродавцу, занимавшемуся печатанием лубочных картин и книг. Продукцию свою Логинов сбывал через странствующих разносчиков-офеней в деревню и провинцию и слыл за человека, всегда имевшего свободные деньги. Зная нужду Смирдина, Логинов ловко этим пользовался, давая за так называемые «денежные» книги не более 30 или 35 копеек за рубль, в то время как Смирдину они обходились значительно дороже.

По словам Н.Г. Овсянникова, в Москве Смирдина «положительно обирали. Например, обратится он с предложением товара к какому-нибудь книгопродавцу, хоть к Логинову; тот, если уступка 20%, берет немного, рублей на 1000 или 1500, а если 30%, то берет на 10 тысяч, и то на годичный или полуторагодичный срок. Из нужды Александр Филиппович соглашается на стеснительные условия; а когда нужно получать векселя, Логинов предлагает взамен их наличные деньги, разумеется, с вычетом еще 15%, так что товар оказывается проданным с уступкою 50%. Таким же образом поступали с ним и другие. В начале 40-х годов дела его стали быстро падать; не помогали ему и московские поездки, и помощь от правительства, и издание в его пользу в 1841—1843 гг. сборника «Русской беседы» в 3-х томах; он занимал деньги всюду и под залоги товара, и под векселя, но дела все-таки падали» (Н.Г. Ов-

сянников. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 года. «Материалы для истории русской книжной торговли», СПб., 1879, с. 14).

Массы книг, изданные Смирдиным, помещались в нескольких больших складах.

В скором времени ему пришлось заложить их сначала архитектору императорской академии наук Денису Евстигнеевичу Филиппову, за 70 000 руб. асс., а потом, через короткое время, книгопродавцу Матвею Дмитриевичу Ольхину.

Часть книг из-под ключа Ольхина была продана рыночным торговцам, спускавшим книги по дешевой цене на ярмарках и тем способствовавшим их быстрому распространению.

Другая часть досталась самому Ольхину, который откупил их у Смирдина и в 1842 году открыл свою книжную торговлю. Но так как начало его деятельности совпало с кризисом книжной промышленности, то он скоро прогорел.

В 1841 году литераторы, предпринявшие в пользу Александра Филипповича издание сборника «Русская беседа», взывали к публике:

«Неужели те самые, которые ему [Смирдину] столько обязаны, неужели русские таланты и русская читающая публика не поддержат такого человека теперь, когда критическое состояние книжной торговли, огромные потери, испытанные им от дурного хода чужих дел и от собственного своего бескорыстия, поставили его в затруднительное положение и остановили его полезную деятельность?..

Нет, этому не бывать на Руси! Образцовое и незабвенное усердие, с каким Смирдин так долго и честно служил русской публике и русской литературе, будет немедленно вознаграждено или, как скоро они узнают, что не предвидимые несчастия сделали для него подобное награждение нужным и необходимым» («Библиотека для чтения», 1841, т. 47, отд. VI, с. 26).

Ни воззвание это, ни продажа сборника не могли помочь Смирдину, потому что такими паллиативными, благотворительными мерами нельзя было остановить движения экономического закона.

«Книжная торговля очень страдает во Франции. Изобретательность книгопродавцев дает ей сильные приемы возбудительных лекарств, но здоровье ее не поправляется. К самым замечательным средствам, которые шарлатанство придумало для привлечения покупщиков в книжные лавки, принадлежит книготорговля-лотерея. Недавно была объявлена подписка на новое издание г. Шатобриана с премиею в сто тысяч франков: подписчики получают каждый по одному экземпляру сочинений, и сверх того двадцать человек из них могут еще выиграть от 50 000 до 5000 франков. Успех этой приманки побудил книгопродавцев приспособить ее к продаже всех прочих книг. Теперь учреждается кампания, в которой участвуют почти все парижские книгопродавцы: каждый, кто купит у них книг или журналов на 7 1/2 франков, получает еще сверх купленных сочинений билет, который служит на двенадцать месяцев; каждый месяц разыгрывается в лотереи 5000 франков, разделенных на четыре премии в 2000, 1500, 1000 и 500 франков, следственно, каждый билет пользуется 48 жребиями и может когда-нибудь выиграть одну из четырех сумм: если счастие не повезет ему, он вправе искать утешения себе в горе, читая книгу, которую дали ему вместе с билетом. Само собой разумеется, что все побегут в книжные лавки не по любви к книгам, но чтобы достать лотерейных билетов, и что каждые лавки тем самым превращались в вертепы азартной игры. Сочинители программы этого разбойничьего союза против кармана самой недостаточной части публики называют его благородным учреждением... и имеют наглость утверждать, что они действуют «в пользу распространения вкуса к чтению и познаний». Странно подумать, что до таких уловок дошла — кто? — литература, которая долго почиталась первою в Европе» («Библиотека для чтения», 1835, т. XIII, отд. Смесь, с. 65—66).

Ни издатель, ни редактор «Библиотеки для чтения» не могли предполагать, что всего через семь лет к таким же «уловкам» придется прибегнуть самому Александру Филипповичу:

«Имея большой запас книг по всем отраслям знания, а также и по части изящной словесности и желая способствовать распространению в России полезного и приятного чтения и выручить некоторую сумму для новых предприятий по книжной торговле, нижеподписавшийся решился значительное количество имеющихся у него книг обратить в лотерею, которая могла бы за самую ничтожную плату доставить любителям чтения значительное число разнообразных произведений известных русских авторов и переводов замечательных сочинений.

Намерение мое удостоилось позволения правительства; смею надеяться, что любители чтения усмотрят в предложении моем пожертвование для пользы отечественного просвещения» (Александр Смирдин. Книжная лотерея. «Северная пчела», 1842, № 242, с. 966).

В эту лотерею Смирдин пустил книг на 300 000 рублей ассигнациями. Розыгрыш ее состоялся только в 1843 году.

«Северная пчела» извещала:

«Во вторник, 23 февраля, в десять часов утра начнется розыгрыш всех пятнадцати тысяч билетов книжной лотереи А. Смирдина, в квартире его, в Большой Конюшенной, вход из-под ворот налево, во второй этаж. Розыгрыш лотереи будет продолжаться в каждый из последующих дней, кроме воскресенья, от десяти часов утра до пяти часов вечера. Тотчас после розыгрыша всей лотереи будет напечатан в ведомостях список выигрышам, какой нумер и что именно выиграл. Немедленно после того можно будет получить выигрыши в Санкт-Петербурге: в книжном магазине Смирдина, на Невском проспекте, в доме Петровской лютеранской церкви; в Москве: в университетской книжной лавке, на Дмитровке и у Ксенофонта Алексеевича Полевого» («Северная пчела», 1843, № 39, с. 155).

Первая лотерея имела успех, и Смирдин по желанию публики объявил в 1843 году продолжение.

Книг разыгрывалось на 400 000 руб. ассигнациями. Книги эти распределялись на 20 000 билетов, которые все были беспроигрышны, причем Смирдин, следуя примеру французских книгопродавцев, объявил 200 премий по 350 руб. асс. и четыре крупных — в 1750, в 3500, в 5225 и в 7000 руб. Билет стоил пять рублей ассигнациями. Продажа билетов начиналась 2 апреля[1].

Александр Филиппович по этому поводу писал:

«Необыкновенный успех первой объявленной мною в прошедшем 1842 году (и сего февраля с 23 по 5 марта разыгранной) книжной лотереи, при множестве требований на билеты, полученных мною не только в Санкт-Петербурге, но даже из отдаленнейших мест России, при общем желании многих почтенных особ, лично изъявивших мне признательность за усердие к пользам общественного просвещения, побудили меня просить разрешения правительства на продолжение книжной лотереи. Получив дозволение, предъявляю публике мою последнюю лотерею» (Александр Смирдин. Продолжение книжной лотереи. «Северная пчела», 1843, № 77, с. 307).

Одной из целей книжной лотереи было увеличение количества читателей путем дешевого распространения книги:

«Надобно сказать правду, одна из главных причин, почему ныне мало расходится книг, — это их дороговизна: платить за книгу пятнадцать-двадцать рублей не всякому легко. Книжные лотереи Смирдина дадут возможность многим иметь книги за дешевую цену, а через это самое будет содействовать к возбуждению охоты к чтению и, следовательно, к увеличению числа читающих. Если же число читающих в России увеличится, то, с другой стороны, и книги сделаются несравненно дешевле в цене» (Журнальная всякая всячина. «Северная пчела», 1844, № 155, с. 608).

---

[1] Журнальная всякая всячина «Северная пчела», 1843, № 74, с 294.

Но надежды, возлагавшиеся Смирдиным на эту лотерею, не оправдались. Ко дню розыгрыша, то есть к 10 июля 1844 г., остались непроданными 1200 билетов[1]. Да и вообще такое искусственное средство не могло спасти в корне расшатанное экономическое положение Смирдина.

Довольно верно оценивает значение смирдинских лотерей Н.Г. Овсянников. По его словам «билеты раскупались быстро, лотереи разыгрались, но не поддержали они дела Александра Филипповича, а принесли, впрочем, громадную пользу движению книжной торговли и книжному рынку, в особенности тем, например, что кто-либо, никогда ничего не читавший, выигрывал какую-нибудь книгу, читал ее и поневоле завлекался, делаясь любителем чтения и покупателем других книг. Рынок же оживился дешевизною покупок выигрышей и дешевизною их продажи, при которой, так сказать, вербовали новых читателей и покупателей» (Н.Г. Овсянников, op. cit., с. 14—15).

Последним усилием Смирдина вырваться из цепких объятий экономического кризиса было предпринятое им издание русских классиков в возможной полноте, в небольшом формате, убористым шрифтом и по неслыханно дешевой для того времени цене. Издание это имело некоторый успех, но не хватило для того, чтобы покрыть его долг, достигавший 500 тысяч рублей ассигнациями.

Тяжелые материальные обстоятельства и постоянные неудачи подорвали здоровье Смирдина. В сентябре 1857 года он скончался. 19 сентября он был похоронен в приделе соборной церкви Волковского кладбища. Из былых сподвижников его почти никто не провожал. Артист Григорьев свою прочувствованную надгробную речь закончил стихотворным экспромтом:

Мы славный памятник по Смирдине имеем,
Хоть был он *книжником*, но не был фарисеем.

---

[1] См. «Северную пчелу», 1844, № 139, с. 552.

В сборнике литературных статей, предназначавшемся сначала в пользу Смирдина, но запоздавшем и потому посвященном памяти Александра Филипповича, А.Е. Измайлов поместил свое послание:

Любезный, честный наш Смирдин,
Питомец книжников почтенных, благородных
Оракулов негодных
И песенников ты ни с кем не составлял,
Одни хорошие лишь книги издавал.
И литераторам не делал притесненья;
На обхожденье ты и на платеж хорош
Попросишь у тебя, ты и вперед даешь;
Учтив, радушен, добр, любитель просвещенья;
Гостинодворских нет ухваток у тебя,
И благородно ты ведешь себя. —
Достоин, право, ты достоин уваженья!
Я знаю и люблю тебя уже шесть лет...
Скажу по совести, что нет
Книгопродавца здесь, как, тезка, ты, другого,
Окроме Сленина Ивана, острослова.
Когда к вам ни придешь,
То литераторов у вас всегда найдешь,
И в умной, дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде
Так в лавках у обоих вас Парнас...

Библиография

А.В. [А.С. Пушкин]. Письмо. «Современник», 1836, т. III, с. 322—329.

Авторский вечер. Странный случай с моим дядею. СПб., изд. *М. Михайлова*, 1835.

Автобиография Богдановича И.Ф. «Отечественные записки», 1853, т. II, отд. VII.

А.Г. и Н.С. Русская библиография, 1877—1878 гг.

Адарюков В.Я. Книга в России, ч. I—II. М., 1924—1925.

«Адская почта», журнал *Ф. Эмина*, 1769 г.

Альбом Пушкинской юбилейной выставки в императорской академии наук. СПб., изд. *К.А. Фишер*, 1899.

Альфонский В. Первая библиотека для чтения в Москве в 1783 г. «Русская старина», 1883, т. XXXVII, с. 496.

«Альциона», альманах. СПб., изд. бар. Розена, 1831—1833.

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. Литературные воспоминания. Санкт-Петербург, 1909.

Ан-ский С.А. Очерки народной литературы. СПб., 1894.

Антикварная книжная торговля *Шибанова.* М., 1894

Арсеньев В. Первая книжная лавочка при Петре Великом. СПб., 1887.

Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем — академиею, ч. II. Киев, 1856.

Бантыш-Каменский Д.М. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836, ч. I, с. 94—95

Барков И. Басни Федра, Августова отпущенника, пер. с латинского стихами СПб., 1763.

Барков И. Девическая игрушка (рукопись в Ленинградской публичной библиотеке).

Барков И. Квинта Горация Флакка сатиры, пер. СПб., 1766.

Барон Брамбеус. Письмо в редакцию. «Библиотека для чтения», 1840, т. 39, отд. II, с. 2—5.

Барсуков Н. Жизнь и труды Погодина. СПб., 22 тома.

Батюшков К. Прогулка по Москве Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1885.

Белинский В.Г. Литературные мечтания. Полн. собр. соч., т. I.

Белинский В. Ничто о ничем. Собр. соч., т. II, с. 373.

Белинский В.Г. Петербургская литература. Собр. соч., т. IX, с. 246—247.

Белинский В.Г Сто русских литераторов. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1900.

Белозерская Н. В.Т. Нарежный «Русская старина», 1888, т. 59, № 7.

Беляев И.С. Издания академии наук. М., 1896.

Березайский В. Анекдоты древних пешехонцев. СПб., 1798.

Бескорыстие поэта. «Калейдоскоп», 1860, № 47.

Бестужев А. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года. «Полярная Звезда», 1824.

Бестужев-Рюмин. Книгопродавец Роттан. «Русская старина», 1880, т. XXIX.

«Библиограф», 1885, № 10.

«Библиографические записки», 1861, № 7.

«Библиотека для чтения», 1834, т. 2.

«Библиотека для чтения», 1835, т. 11, отд V, с. 31—33.

«Библиотека для чтения», 1835, т. 13, с. 51, отд. Литературная летопись.

«Библиотека дял чтения», 1835, т. 12, с. 57—58, отд. Литературная летопись.

«Библиотека для чтения», 1835, т. 13, отд. Смесь.

«Библиотека для чтения», 1836, т. 19, отд. VI.

«Библиотека для чтения», 1837, т. 22, отд. II, с. 72, Ответ на письмо в редакцию.

«Библиотека для чтения», 1838, т. 29, отд. VI, с. 2—3.

«Библиотека для чтения», 1838, т. 30, отд. VI.

«Библиотека для чтения», 1839, т. 36, отд. VI.

«Библиотека для чтения», 1839, т. 37, отд. VI, с. 36—37.

«Библиотека для чтения», 1841, т. 47, отд. VI.

«Библиотека для чтения», 1843, т. 60, отд. VI, с. 39—40.

«Библиотека для чтения», 1843, т. 61, отд. VI.

«Библиотека для чтения», 1846, т. 75, отд. V.

«Библиотека для чтения», т. 146, отд. Смесь.

«Благонамеренный», журнал А.Е. Измайлова, 1818—1826.

Болховитинов Евгений. Словарь русских светских писателей. М., 1845.

Бычков А.Ф. Дневник председателя цензурного комитета А.И. Красовского. «Русская старина», 1874, т. IX.

Булатов И.И. А.Ф. Смирдин. «Известия Вольфа», 1898, № 4.

Б[улгарин] Ф. А.Ф. Смирдин и сто русских литераторов. «Северная Пчела», 1839, № 287.

Булгарин Ф. Воспоминания о добром книгопродавце московском купце Василии Алексеевиче Плавильщикове. СПб., 1830.

Б[улгарин] Ф. Еще несколько истин о настоящем положении русской книжной торговли и о книгопродавческих объявлениях. «Северная пчела», 1841, № 77.

Булгарин Ф. Краткое обозрение русской литературы за 1822 г. «Северный архив», 1823, март, № 5.

Булгарин Ф Об общеполезном предприятии книгопродавца А.Ф. Смирдина. «Северная пчела», 1833, №№ 299 и 300.

Булгарин Ф. О Плавильщикове. Соч., т. V. СПб., 1844.

Булгарин Ф. Ответ на статью, помещенную в № XIX «Новостей литературных». «Литературные листки», 1823, № 1.

Булгарин Ф.В Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1833, ч. 1.

Булгарин Ф. Публика и журналист. Соч., т. VII. СПб., 1830.

Б[улгарин] Ф. Русский писатель. «Северная пчела», 1836, № 16—17.

Булич Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.

Б[урнашев] В. Из воспоминаний петербургского старожила. Четверги у Н.И. Греча. «Заря», 1871, апрель.

Верещагин В.А. Русские иллюстрированные издания (XVIII—XIX вв.). СПб., 1898.

Вернадский Г. Н.И. Новиков. П., 1919.

Веснин С. Очерки по истории журналистики 20-х и 30-х гг. СПб., 1881.

«Вестник Европы», журнал. М., 1814—1830.

Вечера минувшей осени. СПб., издание Н. Греча, в тип. В. Крыловского, 1837.

Взметнев П. Книжная лавка. «Улей», 1811, № VII, ч. II.

Вигель Ф.Ф. Записки. СПб., 1891—1893.

В-ов Н. Что такое наши теперешние журнальные направления. «Библиотека для чтения», 1864, № 1.

Воейков А.Ф. Булгарин, Греч и Полевой. Мир, между ними заключенный. «Русская старина», 1874, т. IX.

Воейков А.Ф. Биографические заметки о лицах, упомянутых в сатире «Дом сумасшедших». «Р. С.», 1874, т. I.

Воейков А Ф. Дом сумасшедших. «Русская старина», 1874, т. IX.

Воейков А.Ф. Парнасский адрес-календарь, 1818—1820 гг. «Русская старина», 1874, т. IX.

Воронов. Очерки по истории русской библиографии.

В. Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина. «Русский инвалид», 1857, № 203.

«Вчера и сегодня», альманах. СПб., изд. Смирдина, 1845—1846.

Вяземский П.А., кн. Объяснение. «Современник», 1837, т. 7, с. 373—375.

«Галатея», журнал наук, искусства, литературы, новостей и мод. М., изд. С.Е. Раич, 1829—1830 и 1840

Геннади Г.Н. Литература русской библиографии. СПб., 1858.

Г[еннади]. Список русских анонимных книг. СПб., 1874.

«Гирлянда» М.А. Бестужева-Рюмина.

Глинка Ф.Н. К.Ф. Рылеев. «Русская старина», 1871, т. III.

Гоголь Н. О движении журнальной литературы. «Современник», 1836, т. I, с. 202.

Греков В. А.Ф. Смирдин. «Русский биографический словарь».

Греч Н.И. Булгарин (1789—1859 гг.). «Русская старина», 1871, т. IV, с. 483—525.

Греч Н.И. Записки Н. Греча о Воейкове. «Русская старина», 1874, т. IX, с. 635.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., изд. А.С. Суворина, 1886.

Греч Н. Письмо к В.А. Ушакову. «Северная пчела», 1832, № 45.

Греч Н.И. Собр. и соч., т. III. СПб., 1855.

Грот Я. Сочинения Державина.

Гуковский Г. Русская поэзия XVIII века. Л., изд. «Academia», 1926.

«Денница» на 1834 г. М., в университетской типографии.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. Изд. М.А. Дмитриева, 1886 г.

Дмитриев И.И. Письмо к издателю. «Московский зритель», 1806, ч. 1.

Дмитриев М. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869

Дневник Н.А. Полевого (1838—1845 гг.). «Исторический вестник», 1888, №№ 3 и 4.

Дневник Храповицкого. СПб., 1874

Дневник цензора А.И. Красовского. «Русская старина», 1874, т. IX, с. 106—146.

Дружинин А.В. Соч., т. VII (о «Библиотеке для чтения»).

«Европеец», журнал наук и словесности. Изд. И.В. Киреевским, 1832.

Елагин И.П. Предисловие к опыту повествования о России. М., 1803.

Есипов А.И. Александр Иванович Красовский, председатель комитета цензуры иностранной. 1776—1857 гг. «Русская старина», 1874, с. 106—125.

Е. Я-н. «Повествователь Древностей Российских», журнал, изд. Н. Новиковым в 1776 г. «Библиографические записки», 1861, № 2.

«Живописец», 1772, ч. I.

«Живописец», 1772, ч. II, лист № 18. СПб

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков (1738—1793 гг.).

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1851, № 10—11.

«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1835, октябрь, с. 252, Об изданиях русских классиков.

Журнальная всякая всячина. «Северная пчела», 1843, № 74.

Журнальная всякая всячина. «Северная пчела», 1844, № 155.

Журнальные заметки. «Северная пчела», 1834, № 11, с. 43.

Журнальные заметки. «Северная пчела», 1841, № 3, с 9.

Забелин И.Е. Материалы для истории книгопечатания и книготорговли в России. «Библиографические записки», 1861, т. III, № 5.

Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., изд. А.С. Суворина, 1888.

Записки М.А. Бестужева. «Русская старина», 1870, т. 1.

Измайлов А. Сленина лавка. «Русский архив», 1864, № 7—8.

Измайлов А. Собр. соч. СПб., изд. А. Смирдина. 1849.

И.П. Еще несколько слов о «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении. «Благонамеренный», журнал А Измайлова, 1824, № 9.

«И то и сио», 1769, март, 9-я неделя

Каразин В.Н. Об ученых обществах и периодических изданиях 1820 г. «Русская старина», 1871, т. III, с. 330–335.

Карамзин Н. От издателя. «Аониды», т. 1, 1796.

Карамзин Н. Пантеон российских авторов. М., 1802, ч. I, тетрадь 4.

Карманная книжка для вольных каменщиков, № 1, 1783.

Карманная книжка для любителей музыки СПб., 1795.

Карманный песенник, или Собрания лучших светских и простонародных песен. М., 1796.

Кайданова О Наша дешевая литература. Изд. «Образование», 1905, с 2–6.

Келлен. Газета и журнал. СПб., 1908.

Кирпичников А.И. Очерки по истории книги.

«Книговедение», 1895, № 3.

Книжка для препровождения времени с пользою, приятностью и удовольствием, или Способ прогонять скуку. СПб , Гос. акад. наук, 1794.

«Книжный Вестник», 1864, № 25; 1865, №№ 11, 12, 22, 23

«Книжный Вестник», 1904, № 49. О лубочной литературе.

Козьмин Н.К. Надеждин. Жизнь и литературная деятельность. СПб., 1912.

Корифей, или ключ литературы, ч I, СПб., 1802.

Корсунский И.Н. К характеристике О.И. Сенковского «Русский архив», 1891.

Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. «Русский архив», 1887.

К.П. (Ксенофонт Полевой). Рецензия на альманах «Денница». «Московский телеграф», 1834, № 2.

Краткий обзор книжной и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882 гг. СПб., 1883.

К. Ш-в, Дополнение к истории нашей книжной торговли. «Вестник Европы», 1815, февраль, № 4.

Кюхельбекер В.К. Дневник (1831—1845 гг.). «Русская Старина», 1875, т. XIII, с. 490—531; т. XIV, с. 75—91; т. XXXIX, с. 101—128, 251—272; 1884 г., т. XI, с. 71—82, 339—362.

Лемке И. Гравюра и литография. П., 1914.

Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год. «Телескоп», 1832, № 1.

Либрович С.Ф. История книги в России. СПб., 1913—1914.

Либрович С.Ф. Собрание переводчиков при Екатерине II. «Известия Вольфа», 1914, № 12.

Лисовский Н.М. А.Ф. Смирдин — русский книгопродавец-издатель. «Библиограф», 1887, № 6—7.

Лисовский Н.М. История книгопечатания. СПб, 1895.

«Литературный вестник». Письма Булгарина, 1901, т. II.

«Литературный вестник». Гастфрайнд. Материалы для биографии Булгарина, 1901.

«Литературная газета», 1830, изд. бар. Дельвигом.

«Литературная газета», изд. бар. Дельвигом. СПб., 1830, № 28.

«Литературные листки», 1823, № 3 (О Плавильщикове).

«Литературные листки», журнал нравов и словесности, изд. Ф. Булгарина, 1823—1824.

Литературные новости. «Литературные листки», 1824, № 6.

Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», ред. Воейков и Краевский, 1873, №№ 2—4.

Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 7, отд. Смесь.

Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 16.

Лонгинов А.Л. Новиков и Шварц. М., 1858.

Лопухин И.И. Записки. Лондон, 1860.

Мазаев М.Н. Дружеское литературное общество. СПб., 1892.

Материалы для биографни Ломоносова, собранные экстра-ординарным академиком Билярскнм. СПб., 1865.

«Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов» соч. Коттена, пер. с фр., изд. 4, 6 ч., 1828, 1 р.

Мезьер А.В. Словарный указатель по книговедению. Л., 1924.

Милюков А. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.

«Мнемозина», альманах. М., 1824, чч. I и II.

«Мое Новоселье», альманах на 1836 г. В. Крыловского СПб., в тип. издателя.

«Московские ведомости», 1857, № 114.

«Московский альманах для прекрасного пола», изд. С. Глинки, М., 1825–1826.

«Московский наблюдатель», 1835–1839.

«Московский телеграф», журнал Н. Полевого, 1825–1834.

«Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов», 2 части, изд. 3. Изд. Новикова и К^{0}, 1783.

Н.Г. Смирдинская библиотека. «Библиограф», 1886, № 5, отд. I.

«Невский Альманах», изд. Е.В. Аладьина. П., 1825–1848

Незеленов. Новиков — издатель журналов. СПб , 1875.

Никитенко А.В. Записки и дневники (1826–1877). СПб., 1893, т. I.

N. [Н.М. Карамзин]. О книжной торговле и любви к чтению в России. «Вестник Европы», 1802, № 9.

Новая библиотека для чтения. «Северная пчела», 1839, № 203.

«Новейший полный и подробный письмовник или всеобщий секретарь», в 4 частях, изд. 3. М., 1829.

Новиков. Опыт исторического словаря. СПб., 1772.

«Новоселье», изд. А.Ф. Смирдина. СПб., 1833–1846.

«Новости русской литературы», т. I, 1802.

«Новые Аониды», альманах. Изд. С.Е. Раич, М., 1823–1825.

«Новый живописец общества и литературы», сост. Н. Полевым. М., 1832.

Новый книжный магазин г. Смирдина. «Северная пчела», 1831, № 286.

Обзор 2-й всероссийской выставки печатного дела. СПб., 1895.

Обозрение русской словесности, «Телескоп», 1834, т. XIX.

Обозрение современных журналов. «Московский телеграф», 1832, № 2.

«Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная», пер. Коиевича. Сбор. Отд. Рус. яз. и слов. имп. академии наук. СПб., 1875, т. XIII, с. 50.

Овсянников Н.Г. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 г. «Материалы для истории русской книжной торговли». СПб., 1879.

Ольденбург С. Страница из истории преобразования лубочных книг. М., 1916.

О простонародных изображениях. «Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете», ч. IV. М., 1824.

Остафьевский архив.

Ответ молодого книгопродавца старому книгопродавцу. «Литературные листки», 1824, № 1.

«Отечественные записки», 1823, ч. XV (о Плавильщикове).

«Отечественные записки», 1857, т. CXIV, отд. III.

От издателя и редакции журнала «Библиотека для чтения». «Библиотека для чтения», 1834, т. II.

Панаева Авдотья (Е.Я. Головачева). Воспоминания. Л., изд. «Academia», 1927.

Панаев И.И. Литературные воспоминания, первое полное издание под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника. Л., изд. «Academia», 1928.

«Пантеон русских авторов», сост. Н. Карамзиным. М., 1801—1803.

Памяти А.Ф. Смирдина. «Книговедение», 1895, № 3, с. 16.

Пекарский П. Академическая типография в старину и ныне. Образцы шрифтов типографии и словолитни императорской академии наук. СПб., 1870.

Пекарский П. История академии наук в С.-Петербурге, т. I. СПб., 1870.

Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русских журналах XVIII в. «Записки академии наук», 1868, т. XII, № 2.

Пекарский П. «Современник», 1860, №№ 6–7, 10. (Статья о журналах 30-х годов).

Пекарский П. Подробности о печатании Симфонии на псалтырь князя Антиоха Кантемира, посвящение и предисловие этой книги. «Библиографические записки», 1858, № 17.

Петербургский старожил В. Б[урнашев]. Мое знакомство с Воейковым. «Русский вестник», 1871, т. 96.

«Печатное искусство». Вл. Штейн. Об авторском гонораре в старину. СПб., 1902.

Письма А.С. Пушкина к Л.С. Пушкину от января, марта и июля 1825 г.

Письмо А.В. Кольцова к Белинскому. Соч. Кольцова, акад. изд. СПб., 1909.

Письма и записки Н.М. Карамзина к С.И. Селивановскому. «Библиографические записки», 1861.

Письма И.И. Дмитриева к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1898, с. 62.

Письма Н.В. Гоголя, редакция В.И. Шенрока, в 4 т. СПб., изд. А.Ф. Маркса.

Письма Сумарокова к Шувалову, приложение к т. I «Записок Императорской Академии Наук». СПб., 1862, № 1.

Письмо В.А. Озерова к А.Н. Оленину. «Русский архив», 1869.

Письмо В.К. Тредьяковского к И.Л. Кутузову от 22 апреля 1768 г. «Отечественные записки», 1823, № 34.

Письмо Дениса Давыдова к Н.М. Языкову. «Библиографические записки», 1858, № 7, с. 195.

Письмо из Петербурга в Москву к В.А.У. «Северная пчела», 1831, № 285.

Письмо кн. П.А. Вяземского к И.И. Дмитриеву. «Русский архив», 1868, с. 637–638.

Письмо Новикова к Булгарину. «Русский архив», 1864, № 7–8.

Плетнев. О жизни и сочинениях Жуковского. СПб., 1855.

«Повести Вильгельма Извозчика», пер. с фр.

Полевой К. Воспоминания об А.Ф. Смирдине. «Северная пчела», 1857, № 210.

Полевой Ксенофонт. Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Н.И. Греча. СПб., 1855, с. 37.

Полевой Николай. Отрывок из заметок русского книгопродавца его сыну. «Новоселье», ч. III, СПб., 1846 г.

Полевой Николай. Очерки русской литературы. СПб.,1839, с. XIV—XIX.

«Полезное с приятным», полумесячное упражнение на 1769 г. при императорском сухопутном пляхетном кадетском корпусе.

Полное собрание законов, тт. XIX и XXI.

Полный письмовник или всеобщий секретарь, показывающий легкое и достаточное руководство к сочинению всякого рода употребительных писем и проч., 2 части, изд. 2. М., тип. Семена, 1828.

«Полярная звезда», изд. А.М. Бестужева и К.Ф. Рылеева. СПб., 1826.

Послание А.Е. Измайлова А.Ф. Смирдину.

Пушкин А.С. Альманашники.

Пушкин А.С. Дневник (1833—1835 гг.). П., Гиз, 1923.

Пушкин А.С. Мысли на дороге.

Пушкин А.С. Критические заметки (1830—1831 гг.). Сочинения, с. 656.

Пушкин А.С. Переписка. Изд. императорской академии наук, 3 т.

Пушкин А.С. Разговор книгопродавца с поэтом.

Пыпин А.Н. История русской литературы, изд. 4, т. III. СПб., 1911.

Разрешение сомнения, возиикшего по поводу издания «Библиотеки для чтения». «Северная пчела», 1834, № 6, с. 21.

Рифмоскрыпов С. Объявления. «Московский телеграф», 1832, № 8.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II.

Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881.

Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. СПб., 1828.

«Российская библиография», 1880, № 60 (Об изданиях гр. Аракчеева).

«Русская беседа», собрание сочинений русских литераторов, издаваемая в пользу А. Смирдина, т. I.

Русская народная галерея, или лубочные картинки. «Отечественные записки», 1820, ч. 20.

«Русская проза». Сборник статей под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л., изд. «Academia», 1926.

«Русская Талия». СПб., изд. Ф. Булгарина, 1825.

«Русский зритель», журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов, 1838—1840.

«Русский инвалид». СПб., 1816—1839.

Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского. Собр. соч. Сенковского, т. I.

Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб, 1858, т. I.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 гг. СПб., 1862.

«Северный архив», журнал истории, статистики и путешествий. СПб, изд. Ф. Булгарина, 1822.

«Северная лира». М., изд. С.Е. Раича, 1827.

«Северная Минерва», изд. Ветринского, 1832.

«Северный Меркурий», изд. М.А. Бестужева-Рюмина, 1830.

«Северная пчела», 1834, № 34. Магазин новостей русской словесности, Ф. Ротган.

«Северная пчела», 1836, №№ 298—300 (Греч о Плюшаре).

«Северная пчела», 1841, № 3.

«Северная пчела», 1843, № 39.

«Северная пчела», 1844, № 139.

«Северные цветы». СПб., изд. И. Сленина, 1825—1826.

Семена Порошина записки. СПб., 1881.

Семенников В. Литературная деятельность в провинции в XVIII и XIX вв. «Русский библиограф», 1911, №№ 6, 7, 8.

Семенников В. «Русские сатирические журналы XVIII в. СПб., 1914.

Семенников В. Раннее издательское общество Новикова. «Русская библиография», 1912, № 5.

Сенковский О. Новые книги. «Северная пчела», 1834, № 25, с. 97.

Сенковский О. Исторический роман. Собр. соч., т. VIII.

Симони П. Материалы по истории русской книжной торговли. СПб., 1906.

«Сириус», альманах. СПб., изд. М.А. Бестужева-Рюмина, 1826.

Смирдин Александр. Книжная лотерея. «Северная пчела», 1842, № 242.

Смирдин Александр. Продолжение книжной лотереи. «Северная пчела», 1843, № 77.

Смирдин А.Ф. К 100-летию со дня рождения. «Правительственный вестник», 1895, № 17.

Смирдин А.Ф. Энциклопедический словарь, т XXX. СПб., изд. Брокгауз и Ефрон, 1900.

Снегирев. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861.

«Собеседник любителей российского слова», 1783.

«Современник», т. 1. СПб., 1836.

«Солдатский песенник», 1791.

Солнцев В.Ф. «Смесь», сатирический журнал 1869 г. СПб., 1894.

Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб., Изд. А.С. Суворина.

Сосновский Т.А. Ф.В. Булгарин и Н.А. Полевой. «Русская старина» 1872, т. 5, с. 299.

Сочинения Плетнева, т. III.

«С.-Петербургские ведомости», 1857, № 205.

Сочинения П.А. Плетнева, т. VI, 1838—1839.

Старчевский. О Сенковском. «Наблюдатель», 1884, №№ 7—12.

Старчевский А.В. Воспоминания старого литератора. 1848—1856 гг. «Исторический вестник», 1891, № 7.

Столпянский П. Материалы для истории книжной торговли в России. «Русский библиофил», 1911, № 2.

Сумароков А.П. Ядовитый. Комедия. Собр. соч. Сумарокова, изд. Новикова, ч. V. М., 1787.

Сухомлинов М. Полемические статьи Пушкина. «Исторический вестник», 1881, т. III, с. 490-491.

Сухомлинов. История российской академии. Т. 1 и 2.

Сто русских литераторов. СПб , изд. А.Ф. Смирдина, 1838—1845.

«Сын отечества», 1826, ч. 105.

«Сын отечества», 1826, ч. 106 (Об успехе романов Радклифф).

«Телескоп», изд. Н.И. Надеждина, 1831—1834.

«Телескоп», 1834 г., № 4.

Три книгопродавца минувшего времени. «Библиограф», 1892, № 1.

Три письма Пушкина. «Библиографические записки», 1861, № 10.

Трохимовский Н. Офени. «Русский вестник», 1866, № 6.

«Трутень», журнал Н.И. Новикова.

Тынянов Ю.Н. Вопросы литературной эволюции. «На литературном посту», 1927, № 10.

Тынянов Ю.Н. Пушкин и архаисты. Сб. «Пушкин и всемирная литература». Л., 1926.

«Урания», альманах М.П. Погодина. М., 1826.

«Утренняя заря» 4-й год. СПб., 1842.

«Честной человек и плут, повесть аллегорическая, в которой под именем честного человека означается добродетель, а под именем плута — пороки», изд. 2, 2 ч. М., 1788.

Шевырев С. Об авторских изданиях «Миргород» Н. Гоголя. «Московский наблюдатель», 1835, ч. 1.

Шевырев С. Словесность и торговля. «Московский наблюдатель», 1835, кн. 1, ч. 1.

Шишков А. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, изд. 2-е. СПб., 1818, в типографии Плавильщикова

Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870

Шкловский Виктор. Журнал как литературная форма. «Гамбургский счет». Л., 1928.

Шкловский Виктор. Ход коня. Москва-Берлин, изд. «Геликон», 1923

Шуточки «Библиотеки для чтения». «Московский наблюдатель», 1836, т. 8, с. 137

Шюккинг А. Социология литературного вкуса, под ред. и с предисл. проф. В.М Жирмунского. Л., изд. «Academia», 1928.

Щелкунов М.И. История, техника, искусство книгопечатания. М.-Л., Гиз , 1926.

Эмин Ф. Непостоянная фортуиа или похождения Мирамонда. Предисловие и посвящение СПб., 1763.

Эмин Ф.А. Письмо 5-е от Кривого беса к Хромоногому «Адская почта», 1769.

Эмин Ф.А. Статьи в журнале «Смесь». СПб., 1769.

Энциклопедический лексикон Плюшара. Статья: Барков. СПб., 1835, т. 4. с. 359.

Энциклопедический лексикон, т. 1 СПб , в типографии А. Плюшара, 1835 г.

Эйхенбаум Б М. Литература и литературный быт. «На литературном посту», 1927, № 9

Эйхенбаум Б.М. Лермонтов. М.-Л., Гиз, 1924.

Эйхенбаум Б.М. Литература и писатель. «Звезда», 1927, № 5.

Юбилей А.Ф. Смирдина. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1857, т. XCV.

Юркевич П.И Из воспоминаний петербургского старожила. «Исторический вестник», 1882, № 10.

Содержание

Теодор Соломонович Гриц
Владимир Владимирович Тренин
Михаил Матвеевич Никитин

СЛОВЕСНОСТЬ И КОММЕРЦИЯ
(Книжная лавка А.Ф. Смирдина)

Серия «Литературная мастерская»

В оформлении обложки использована репродукция «Книжная лавка А.Ф. Смирдина» из оригинала книги.

Редакция выражает благодарность В.А. Широкову за разработку серии и предоставление оригинала книги.

Редактор *О. Булаева*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *П. Рязанов*

Книга подготовлена при участии *Э.А. Гареевой.*

ЛР №064478 от 26 02.96 г.
Подписано в печать 27.09.00. Формат 84х108/32
Печать офсетная Гарнитура «Petersburg» Усл-печ л 15,96
Тираж 2000 экз. Заказ № 3343

Издательство «Аграф»
129344, Москва, Енисейская ул , 2
E-mail: agraf.ltd@g23.relcom.ru
http //www.infoline.ru/g23/5711

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ГИПП «Вятка».
610033, г Киров, ул Московская, 122

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АГРАФ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

Для тех, кто знает...

Философия, литературоведение, история, психология, культурология, искусство, энциклопедии, словари, справочники.

Художественная литература

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу можно приобрести в издательстве, а также заказать наложеиным платежом по адресу:

129344, Москва, Енисейская ул., 2

E-mail: agraf.ltd@g23.relcom.ru

http://www.infoline.ru/g23/5711

т./ф. 189-17-35

т. 189-17-22